

C-28

III 469564

CEBER

СЕВЕР

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК
ВОЛОГОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ВОЛОГОДСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1963

Редколлегия:

*С. В. ВИКУЛОВ (редактор), В. В. ГУРА,
В. М. МАЛКОВ, И. Д. ПОЛУЯНОВ.
А. А. СУХАРЕВ, Д. Т. ТУТУНДЖАН.*

Обложка, титул
Д. Т. ТУТУНДЖАН

Редактор издательства *В. К. Пудожгорский*
Художественный редактор *П. Ф. Макаров*
Технический редактор *С. И. Соколова*
Корректор *А. В. Дзюбак*

ГЕ00908. Сдано в набор 10.9.62 г. Подп. к печати 18.3.63 г.
Бумага 84 × 108¹/₁₆. Бум. л. 5. Печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 16,85.
Тираж 3000. Цена 60 коп. Заказ 5366.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Эту книжку мы адресуем в первую очередь землякам-вологжанам, потому что вся она о земле вологодской, о людях Вологодчины. Мы надеемся, что они возьмут ее в руки с добрым расположением к ее авторам, с дружеским намерением порадоваться первым шагам своих литераторов-земляков по избранному пути.

Конечно же, нетрудно найти в этих произведениях, написанных подчас еще не очень опытной рукой, «недостатки» и, снисходительно улыбнувшись, сказать: «А Пушкин писал все-таки лучше!», «А до Шолохова все-таки далеко!»

Правильно. Пушкин писал хорошо, и Шолохов — велик. Авторы сборника вполне отдадут себе отчет в этом и ни в коей мере не претендуют на такое сравнение. Они ставят перед собой задачу: научиться писать хорошо. А это, как известно, и великим удавалось не сразу.

Уметь писать — это одна сторона литературного дела, так сказать, ремесленная сторона. А всяким ремеслом, в том числе и литературным особенно, если учесть нынешнюю грамотность населения, могут овладеть многие. Суть же таланта не только в этом; непременным признаком его являются умение видеть жизнь и художественно правдиво отображать ее.

Памятуя об этом, мы и отбирали произведения для нашего сборника. А выбор у нас был большой. Литературные силы в области растут и крепнут. Сегодня мы

с радостью можем сообщить читателям, что в Вологде полтора года назад открылось областное отделение Союза писателей РСФСР, объединившее девять членов Союза писателей. Мы рассматриваем этот факт не только как знак чести, но и как признание нашей творческой состоятельности.

Девять членов Союза — это немного. Но за ними, вернее, рядом с ними — многочисленная молодежь, которая, как мы надеемся, пополнит в свой срок наши ряды. Прочитайте, например, в этом сборнике рассказ Василия Белова, и вы убедитесь, что мы надеемся не без оснований. В. Белов скоро выступит со второй книгой прозы (первая книга у него была поэтической). В нее войдет повесть «Деревня Бердяйка», опубликованная недавно в журнале «Наш современник», и рассказы, вышедшие в этом и других толстых журналах. То, что В. Белов начал со стихов, благотворно сказалось на его прозе: пишет он густо, щедро, радуя нас писательской зоркостью.

Много ждем мы и от поэта Виктора Коротаяева — по возрасту, пожалуй, самого молодого из всех, участвующих в этом сборнике. Начал писать В. Коротаяев на школьной скамье. Стихи получались порою и грамотными, но мелкими по мысли, незначительными по содержанию. Не о чем было писать. И вот окончена школа. Виктор идет на производство. На руках появляются ссадины и мозоли, добрая рабочая усталость разливается по

всему телу, когда он приходит домой. Крепли мускулы. Креп его поэтический голос. Теперь молодой поэт знал, «почем фунт лиха». Теперь у него было что рассказать людям и о себе, и о тех, с кем рядом стоял у станка. И не случайно первую книжку стихов, недавно вышедшую в Вологодском областном издательстве, В. Коротаяев назвал «Экзамен».

С надеждою смотрим мы на творчество и других молодых литераторов-поэтов Б. Чулкова, А. Каютиной, В. Богданова, прозаиков В. Амосова, Б. Ромодина, Н. Задумкина. Одни из них уже выступали с первыми книгами, другие — готовятся к этому. Станут ли они писателями — сказать трудно. Ясно лишь одно: в нашей стране созданы все условия для расцвета талантов, и в конечном счете все зависит от самих молодых литераторов, от того, насколько серьезно, трудолюбиво отнесутся они к писанию. В конце концов, талант — это труд, труд и еще раз труд.

Областное отделение Союза писателей свою главную задачу видит в том, чтобы помогать творческому росту одаренной молодежи. За это время мы провели три творческих семинара поэтов и прозаиков в Вологде, члены Союза писателей В. Гура, И. Полуянов, А. Романов, С. Викулов вместе с молодыми литераторами В. Коротаяевым, И. Тихоновым, В. Беловым выезжали в Череповец, Белозерск, Тотьму, Харовск, Тарногу, Устюжну, Никольск, чтобы там на месте, при редакциях межрайонных газет, провести творческие семинары начинающих литераторов, объединить их вокруг газет, дабы последние могли более успешно рассказывать о жизни и славных делах тружеников колхозных деревень.

Мы стремились сделать наш сборник как можно разнообразнее по содержанию. К сожалению, далеко не все сторо-

ны многоликой жизни строителей коммунизма, не все их героические дела нашли отражение в нашей книжке. Да, видимо, и невозможно сделать это в одной книге. Но мы ни на минуту не забываем, что настоящие успехи писателя ждут только там, где он с головой окунется в современность, узнает своих героев не понаслышке, а сопереживает вместе с ними все радости и горести, без которых не обходится ни одно большое дело.

Можно ли рассматривать наш сборник, как своего рода творческий отчет молодой писательской организации перед своими земляками? Мы сами намеревались сделать его именно таким. Но жизнь показала, что наши намеренья были неоправданными. Наш творческий отчет — это многие книги. Недавно вышли в свет, например, сборники стихов А. Романова «Сыновья любовь», С. Викулова «Деревьям снятся листья», И. Тихонова «Снежный ветер», книга новых рассказов В. Гарновского «Песня над рекой», первая книжка рассказов Б. Ромодина «Горит огонек», книга В. Гуры о творчестве известного писателя Е. Пермяка, новая повесть Н. Угловского «Подруги», сборник рассказов И. Полуянова «Кирик и Аленка». Находится в производстве роман о Пушкине «Арион» старейшего писателя В. А. Гроссмана, заканчивают работу над новыми повестями, сборниками рассказов и стихов В. Амосов, И. Бодренков, Н. Задумкин, В. Коротаяев, Б. Чулков, В. Сорокин. Молодые поэты в 1963 году выступят с коллективным сборником стихов «Крылья крепнут в полете».

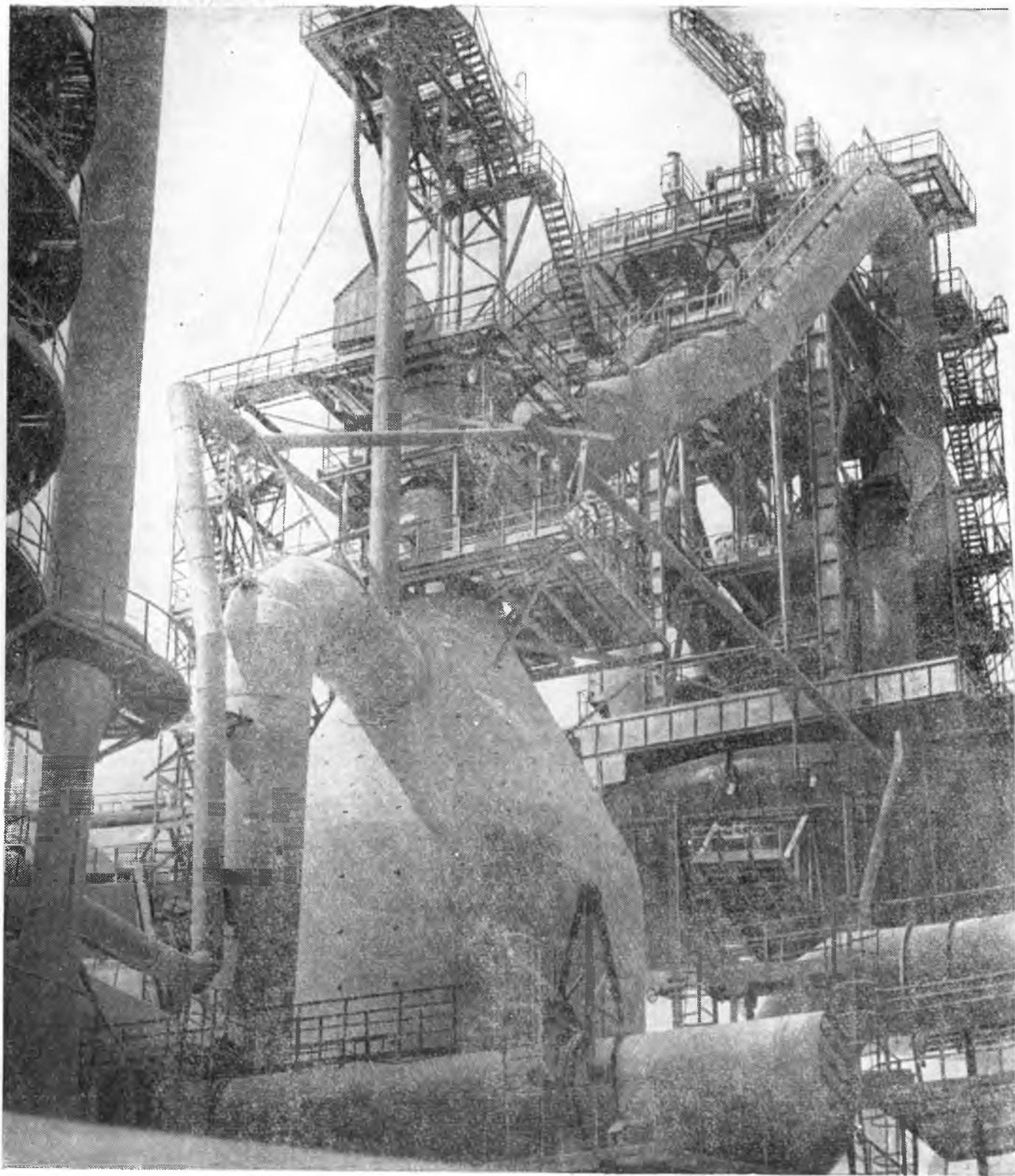
Да, крылья крепнут в полете! Называя так сборник, мы имеем в виду не только литературные упражнения, но и жизнь, труд, которому большинство из наших литераторов отдают все свои силы и в меру своих способностей воспевают его в стихах и рассказах.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

КОММУНИСТЫ

*Что еще быть может тяжелее,
Чем рвануться в межпланетный путь?
Силой взлета силу притяженья
Надо человеку зачеркнуть.
Громких слов остерегаясь, все же
Мне сейчас без них не обойтись,
Если все, чем мы живем и можем,
Вкладываем в слово коммунизм.
Коммунизм — высокая орбита
Наших дел, желаний и сердец!
За нее идет всемирно битва,
Век двадцатый — за нее борец.
Этот путь порой потяжелее,
Чем к планетам неоткрытый путь.
Собственность, как силу притяженья,
Надо человеку зачеркнуть.
Есть такие! Их ряды все шире,
Поступь их все громче на земле.
Космонавты будущего мира —
Те, кто носит ленинский билет.
И о них немало говорится
Громкого значенья всяких слов.
Если тех людей не знаешь в лица,
Мыслить их титанами готов.
Будто бы они совсем иные,
Чище нас и мужественней нас,
А они — такие же земные,
С нами рядом каждый день и час.
И себя порой испепеляя,
Эти люди рвутся лишь вперед.
Собственность магнитными полями
На дороге времени встает.
И сквозь них, сквозь пояса диверсий,
И сквозь тучи лжи и клеветы —
Прямо к человеческому сердцу,
На орбиту чистой высоты.*

НА СТРОЙКАХ
СЕМИЛЕТКИ

Новая мощная домна
на Череповецком металлургическом заводе

Фото А. Жижкова

Рисунки Д. ТУТНДЖАН

(РАССКАЗ)

В субботу мать вымыла пол и застелила его чистыми полосатыми половниками. А еще она взяла мелкого песочку, положила его на мокрую тряпку и долго терла медный самовар, потом переставила кровать вместе с Павлуней на новое место, поближе к окну.

— Лежи, Павлуня, лежи, голубчик, — она подоткнула под Павлунины бока теплое одеяло и вскоре ушла на колхозную работу.

Павлуне хотелось поглядеть на самовар, как он светится, но самовар стоял в шкафу, а встать Павлуня не мог. Всю зиму у Павлуни болели ноги, и он лежал все время в кровати. «Наверно, — думает Павлуня, — наверно, сейчас в шкафу светло от самовара, только ведь как узнаешь? Если откроешь дверку, то свет из избы сразу в шкаф напускается, а еже-

ли не откроешь, то не видно, темно в шкафу или светло. Наверно, светло, потому что уж очень самовар блестит после того, как его мама начистила». Еще Павлуне хочется поглядеть свои валенки. Но об этом тоже нечего было и мечтать, потому что, во-первых, не встать с кровати, а, во-вторых, валенки были заперты в чулане, вместе с отцовым новым пиджаком. Павлуня помнит, как отец купил ему валенки и принес домой. Но Павлуня уже тогда болел и в школу не ходил, а валенки тоже всю зиму зря пролежали.

Размышляя обо всем этом, Павлуня чуть не забыл, что кровать переставлена ближе к окну. Он повернул голову и сразу увидел синее небо. Там же висела большая прозрачная сосулька: она замерзла на карнизе и была похожа на штык. Павлуня увидел, как на ее остром

кончике копилась капля золотистой воды, копилась, копилась, стала тяжелее себя и полетела вниз. Павлуне стало весело. Снег в огороде был белый, белый, небо сверху такое синее, как обложка на тетрадке, которую только, только выдали и на которой не поставлено еще ни одной буковки, а не то что фамилии.

Дальше за огородом, под горой, была река. Она еще вся заметена снегом, снег и на крышах; на грядках и на лужке тоже не было еще ни одной проталины. Павлуня увидел, как дрожит от ветра торчащий из снега стебель прошлогоднего репейника и догадался, что на улице еще холодно, хотя и капает с застрехов.

«Снегу наворотило, — думает Павлуня, — столько снегу не скоро растает. На одной нашей крыше наверно пудов двенадцать, а то, может, и больше». На этом месте Павлуня вспомнил, как прошлой весной отец скидывал снег с крыши. Деревянной лопатой он нарезал большущие глыбы. Такая глыба сперва тихо трогалась с места, а потом шумно ползла по крыше и — бух! Когда на крыше осталась одна такая глыба, отец сбросил вниз лопату, а сам сел верхом на последнюю глыбу и поехал с крыши. Павлуня видел, как отец шлепнулся в снег почти по шейку. Тогда они долго вместе с отцом хохотали, и Павлуня решил твердо, что на будущую зиму сам будет скидывать снег и тоже прокатится на последней глыбе. Но теперь было ясно, что это дело не сбудется. Если Павлуня и выздоровеет к теплу, то либо уже снег растает, либо мать все равно его не пустит на улицу. Недаром, фельдшер Иван Яковлевич говорил, что надо греть ноги и все время сидеть в тепле. Еще он говорил о том, чтобы свозить Павлуню в областную больницу, да где там! Отцу с матерью и так все некогда, да и денег надо порядочно, чтобы ехать.

За такими мыслями Павлуня задремал и не услышал, как хлопнули ворота с улицы. В избу вошел отец и положил у дверей под кровать какую-то круглую штуквинку.

— Папка, чего это ты принес? — обрадовался Павлуня.

— Лежи, лежи, это фильтр масляный, — сказал отец, снял свою блестящую фуфайку и начал мыться из ручной мойники. — Это, брат, знаешь, вроде сига, масло сквозь него проходит и очищается от всяких примесей.

— А почему в масле примесь?

— Ну, брат, всяко бывает.

— Ох, папка, папка.

Павлуня хотел еще что-то сказать, но не сказал, а потрогал жесткие отцовы пальцы. От них пахло трактором и снегом.

— Всяко брат, Павлуня, бывает, — повторил отец, — в любой жидкости примеси есть.

Павлуня вздохнул, а отец пошабарошил у него на голове, как раз в том месте, где пониже макушки сходились и закручивались воронкой Павлунины волосы.

Вскоре пришла мать и стали ужинать.

* * *

Павлуня не считал, сколько прошло дней. Однажды, взглянув на улицу, он увидел, что в одном месте на грядках снег стаял, и от этого там зачернела земля. На реке, под горой, тоже зачернело что-то в двух местах. Через день проталина на грядках стала еще больше, темные места на реке слились в одно место, а мать выставила одну зимнюю раму. В избе стало больше места и запахло чем-то свежим. Пришел с работы отец, как всегда, вымылся и после ужина, когда стемнелось, зажег большую десятилитровую лампу.

— Ты, Павлуня, как думаешь, сегодня начнем или еще погодим немножко?

— Давай уж, папка, начнем!

— Ну, ладно, только ты не вставай, а гляди с кровати, не велел тебе вставать Иван Яковлевич.

— Все не велел, не велел...

Отец принес в избу широкую доску, топор, ножовку с рубанком и долото с молотком. Сначала он выстрогал доску добела с обеих сторон, потом карандашом расчертил ее и перепилил по черточкам. Получились четыре продолговатых доски, одна маленькая квадратная

и одна длиннее всех. Как раз в это время вскипел самовар. Мать велела прикончить стукоток и стала выставлять из шкафа чашки и блюда. Отец сложил выстроганные дощечки, собрал инструмент.

— Придется, Павлуня, до завтра отложить! Давай, брат, спать пока.

Павлуня стал спать, он натянул одеяло так, чтобы закрыть ухо, потому что никогда не уснешь, если ухо торчит на воле.

В эту ночь Павлуня спал крепче и счастливее. Он еле дождался того времени, когда отец вновь пришел с работы и вымылся. Не дожидаясь ужина, отец взялся опять за дело. Павлуня видел, как он химическим карандашом нарисовал на одной доске кружок и начал его вы-

далбливать. Так-так — стучал два раза молоток и каждый раз отец выламывал кусочек дерева. Так-так! Наконец дырка в доске была продолблена, отец ножиком зачистил ее края и начал сколачивать скворешник. Последнюю квадратную дощечку он использовал для дна, а самую длинную — для крыши.

— Мы уж, Павлуня, на один скат будем делать.

— На один.

Отец приколотил крышу и под самую дырку приделал небольшую дощечку, чтобы скворцам было где сидеть.

— Больно, папка, мало места на этой дощечке. Свалится скворец с верхатуры.

— Думаешь? Может, и маловато. Ну, мы еще что-нибудь придумаем.

И отец пошел на улицу и вернулся с большой черемуховой веткой в руках.

— Во, Павлуня. Приколотим.

Павлуня, конечно, согласился:

— Ты, папка, молодец, здорово ты, папка, выдумал!

...Скворешник вышел хороший. Очень даже хороший. От него пахло смолой и черемуховой веткой, щелей не было: проверяли даже на свет. Отец тут же пошел в огород. Павлуня видел, как он нашел самую длинную жердь и приколотил к ней скворешник с веткой. Как раз напротив Павлуниного окошка, на той стороне грядок, был сруб старой картофельной ямы. Отец поддолбил обухом топора лед под углом сруба, уткнул туда один конец жерди и начал с натугой поднимать жердь и ставить ее «на попа». Скворешник с веткой закачался так высоко, что Павлуня тоже только головой покачал. Он с тревогой наблюдал, как отец осторожно поворачивает жердь так, чтобы скворешник встал крыльцом в южную сторону. Потом отец плотно прикрутил жердь проволокой к зауголку ямы и потом еще вбил три длинных гвоздя для надежности. Павлуня глядел на скворешник, раскрыв рот. Скворешник покачивался в синем небе, а небо за ним было бесконечным, чистым и, наверное, теплым, потому что уж очень весело барабанила с крыши золотая от солнца вода. В это время у Павлуни закружилась голова, и он от слабости положил голову на подушку. На улице, наверное, начиналась взаправдашняя весна.

* * *

Прошло еще несколько дней, а скворцов не было. Уже вся река ясно обозначилась под снегом, пропитавшимся насквозь водой, уже грядки под окном совсем обнажились, а снег потемнел. На лужке, где была горюшка с репейниками, тоже появилась проталина, и на свет глянула серая прошлогодняя отава. Отец теперь совсем редко бывал дома. Уже целую неделю он ремонтировал свой трактор С-80, и мать посылала ему пироги в корзинке. Павлуня скучал по отцу и говорил иногда про себя: «Эх, папка, папка».

Павлуня по-прежнему не вставал с кровати. По ночам он спал, а днем читал букварь или глядел в окно. Других книжек не было, жаль, что эта зима зря прошла. А на ручье сейчас наверняка ребята делают мельницу. Мельница, конечно, не настоящая, но крутилась быстро и работала, пока вода на ручье совсем не исчезла.

Вообще-то Павлуне грустно. Он заснул вечером, и ему приснилось лето. Он будто бы ел сладкие гигли и сам, на своих ногах, бегал на реку ловить силетков. Силетки — это такие маленькие щучки. Они всегда стоят на мелких местах и, видно, греются на солнышке. Павлуня сорвал длинную травинку-полину, сделал из нее сильшко и начал силить силетка. Потом вдруг полина стала обычной ивовой веткой, а вместо силетка на воде заплывала утка и закрякала: кря-кря, кря-кря. От этого Павлуня и пробудился. Никакая это была и не утка, а просто было утро, и мама большим ножиком щепала березовую лучину. Спать

Павлуня уже не стал, начал глядеть, как мать растопляет печь.

— Гляди-ко, кто прилетел-то, — сказала она Павлуне, когда рассвело.

Павлуня посмотрел в окно и обомлел. На грядках и на вытаявшем лужке прыгали скворцы. Павлуня начал их считать, но все сбивался со счета. Скворцы были

в скворешне, без передышки летали на лужок, и Павлуня никак не мог уследить за ними, потому что на лужок летали и другие скворцы. «А где же остальные будут жить? — подумал он. — Ведь скворешник-то один».

Правда, в деревне есть еще скворешник на Гурихиной черемухе, но тот

черные с чернильным отливом, востроносые и веселые. Они что-то искали в прошлогодней траве. Вдруг один из них взлетел и, быстро перебирая крыльями, сел на скворешник. Павлуня так и замер. Скворец держал в носу травинку.

— Гляди, гляди, полез, туда, мам, полез! — закричал Павлуня тоненьким слабым голосом. — Во! Там уж он!

Весь день Павлуня смотрел на скворцов, и весь день они искали чего-то на лужке, то и дело взлетали и прыгали, а двое поочередно исчезали в черном кружке скворешника.

В обед пришла мать и выставила еще одну раму, как раз напротив Павлуниной постели. Теперь глядеть стало еще лучше, и Павлуня услышал скворчиные голоса. Два скворца, которые поселились

скворешник старый и в нем холодно, а Павлуня на собственном опыте знал, что такое простуда.

* * *

Теперь Павлуня каждое утро просыпался вместе с матерью и все время смотрел на скворцов. Он ни разу не мог проснуться раньше их: они все время были в работе — такие уж попались скворцы. Скоро они перестали таскать сухие травинки, а летали с чем-то другим, наверно, с червяками. Снег почти весь растаял, солнышко пекло хорошо, река под горой так разлилась, что вода подступила к самым баням.

Павлуня с утра глядел в окошко. Теперь летал больше один скворец. Слетает на лужок, сядет на черемуховую

ветку или на крышу скворешника и давай что есть мочи трепыхать крыльями. Потом утихомирится, поведет носом и пустит такую свистулю, даже залюбуешься. Да что Павлуня, даже пожилая Гуриха, которая каждый день ходит за водой мимо скворешника, и та после такой свистули останавливается.

Сегодня Павлуне еще больше захотелось на улицу. Гуриха с ведрами давно уже прошла туда и обратно, солнышко повернулось из-за хлева и глядело в самые окна. По тому, как рябилась вода в лужице, между грядок, Павлуня понял, что на улице хоть и солнышко, но ветряно. Скворешник раскачивался на ветру. Скворцы занимались своим обычным делом. Павлуня повернулся на другой бок и, подперев подбородок ладонью, высматривал своего скворца. Скворчиха сидела, наверно, в скворешнике, а хозяин куда-то улетел. «Куда он мог улететь? Может, ко скотному двору?» Только так подумал Павлуня, как вдруг почувствовал, что весь похолодел: от сильного ветра скворешник качнулся, жердь выгнулась и вместе со скворешником повалилась к земле...

— Мама! — закричал Павлуня и заметался на кровати. Павлуня не помнил, как он очутился на полу. Еле переставляя ноги, он начал искать что-нибудь обуть. Как назло ничего не было. Наконец он отыскал за печкой старые отцовские катаники, надел их, надел материн казачок, а шапка еще с осени висела на гвоздике около часов.

Ковыляя и размазывая рукавом слезы, выбрался за порог и еле открыл ворота в огород. Его охватило холодным весенним ветром, голова опять закружилась. Шленая по воде прямо в катаниках, Павлуня наконец обогнул хлев. Катаники промокли, ноги не слушались. Тут Павлуня увидел скворешник. Лежал он на грядках окошечком вниз, черемуховая ветка, прибитая к нему, сломалась, а Гурихин кот подкрадывался к скворешнику из-за хлева.

— Уходи, дурак! — вне себя закричал коту Павлуня, потом заплакал, схватил с грядки камень и бросил в кота. Камень

не долетел до кота, но кот равнодушно понюхал воздух своей усатой мордой и не спеша пошел обратно. Скворцов не было поблизости, и Павлуня, вздрагивая плечами и ничего не видя, подковылял поближе. Он чувствовал, что случилась беда, что все кончено. Дрожа от горя и холода, мальчик просунул тоненькую худалую руку в дырку скворешника. Там никого не было: на мокрых пальцах он увидел осколки небесной, в пятнышках, тонкой скорлупы скворчиных яичек...

Больше Павлуня ничего не помнил, небо с облаками опрокинулось куда-то и поплыло, что-то непоправимое и страшное навалилось на Павлуню, и перед глазами его все синела небесная прозрачность крохотных скворчиных яичек...

Очнулся Павлуня на руках у отца. Мальчик увидел загорелую отцовскую шею и заплакал еще сильнее.

— Ну, что же ты, брат, ну, Павлуня, — говорил отец, — она еще наладит яичек, не плачь. А скворешник мы опять поставим, сделаем крепче.

Отец нес Павлуню по грядкам. Павлуня слушал его, но успокоиться не мог никак, и плечи его вздрагивали.

— ... Понимаешь, был бы я дома, я бы закрепил жердь, а тут, видишь, сеять надо, пахать... Ну, не плачь, не плачь, Павлуня, ты, брат, сам знаешь... Вот она опять прилетит и наладит новых яичек... а мы с тобой, как только сев пройдет да потеплее будет, к областному врачу поедем... Ну, перестань, брат...

Павлуня прижался мокрым лицом к щетинистой отцовской щеке:

— Папка, — глотая слезы, сказал он, — а она опять наладит яичек?

— Ну, конечно, новых наладит. Вот я сейчас тебя уложу и опять поставлю скворешник. Скворцы, они такие, обязательно новых яичек наладят. А летом обязательно мы к врачу поедем и ботинки тебе новые купим.

Павлуню уложили на печь, у него был жар. Отец вновь поставил скворешник. Но скворешник стоял одиноко, скворцы не прилетали. Они улетели куда-то очень далеко, может за реку и, наверно, прилетят только завтра.

У НАС В ГОСТЯХ — ПОЭТЫ-ЗЕМЛЯКИ

Александр ЯШИН

(Москва)

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Выходят из обихода:
Не поляши, а тетерева.
Летятна — дичь,
Побаски — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Промёжок, понёбы, дежень, бровари...
Слова исчезают, как пестери.
Как прясниды и веретена.

Возилкой неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,
Поднёбидей — полку под потолком.
Клюкву — журавлихой.

Нас к этим словам привадила мать.
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу терять
Из вверенного наследства.
Но как отстоять его,
Не растерять —
Найду ли надежное средство?

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосен и елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —

Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге дом лесничего,
Дым над трубой,
Палисадник.
Краски наряда птичьего
Стали еще приглядней.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая.
В снег шедуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревьям постукиваю:
— Выпрямитесь!
— Разогнитесь!

1962

Сергей ОРЛОВ

(Ленинград)

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог —
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было, —
Он был не гений, не пророк, —
Решиться вдруг, собрать все силы
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни —
Он был прекрасен и велик!
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда,
А он велик, как безымянен,
Над ним бессмертия звезда.
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути.
Чтоб только тот поднялся сзади —
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И дела шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: — За мной!
Второй поднялся!
Значит — рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго только верю.
Нельзя без первого порой —
Второй решает, пусть он, верно,
Не бог, не царь и не герой.

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья,
Взахлеб,
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор непрощедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя,
Слов несказанных,
Песен неспетых —
Как ушедших годов не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах — не взглянуть.
Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может и больше, с собой
Унесли от них те, что отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душевные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звезды,
И кострами знобят вечера.
Кто-то вскинувши руки под небом
Полыхает, как в пламени куст...
Это все не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают.
И гремят соловьи за рекой.
Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет —
На земле не кончается лето...
Сорок лет — бабий век,
Весь ответ.

ЗЕМЛЯК

С. Викулову

Мы редко с ним теперь встречаемся:
У каждого свои дела.
Но все ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.
Не по желанию — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водичкою
Дистиллированной, но
Как только «что» да «как» кончаются,
Отодвигается хрусталь
И раздвигается, что чается,
Что видится и вглубь и вдале.
Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.

И тень и свет, деля, сменяются
 На резких линиях лица.
 И край, в котором уместиться бы
 Могло с полдюжины держав
 С их европейскими столицами,
 Определяется вдруг, став
 Тем настоящим, главным, истинным...
 И как живешь и как дела,
 В чем исповедуются искренне,
 Ни боли не тая, ни зла.
 Над чем, задумываясь, пробуют
 Себя, других и жизнь попятить.
 По счету по большому, строгому,

Где не на кого зря пенять.
 А надо встретиться с причинами
 Того, что плохо, что не так...
 Шумят поля, горит рябинами
 И подступает к сердцу тракт.
 Раскинулась в дождях и радугах
 И ровиндия лесов и рек,
 Печали, сокрушая, радуя.
 Как личная судьба навек.
 Ах, эти встречи с другом досветла!
 Гора окурков. Поздний час.
 Наговоришься проде досыта.
 А ляжешь — не смыкаешь глаз.

Навел КУСТОВ

(Ленинград)

НА БЕРЕГАХ РЕКИ ШЕКСНЫ

Здесь мало фабрик и заводов.
 Сюда нейдут на делину.
 Одни, быть может, пароходы
 Лесную будят тишину.

Ну что тут делать, в самом деле,
 Где лоси запросто спуют?
 На всю округу две артели
 Здесь клепку тарную дают.

А между тем — народ повсюду.
 Скрипят плоты. Пасется скот.
 И люди, хорошо иль худо,
 А чем-то кормятся весь год.

Вглядись в их лица утром ранним,
 Когда мороз февральский крут
 И пар клубится на поляне.
 Не стал ли подвигом их труд?

А ранний сплав по здешним рекам,
 Где горы леса нужно срыть?
 На нем не просто человеком,
 На нем героем надо быть!

И я с багром ходил бывало,
 Когда, хмелея от воды,
 Вся Вологодчина всплывала,
 Переселившись на плоты.

Но нынче я другим увлекся
 И позабыв речную даль,
 О чугуе пишу, о коксе,
 Стихами прославляю сталь.

Но в славном звании героя,
 В краю березок и ольхи,

Нет-нет да вломится порою
 Река Шексна в мои стихи.

Я снова брежу далью дальней,
 Где сосны смотрят в плеса.
 Где старый лось глядит печально
 На заводские корпуса.

ВОЛОГЖАНКА

Скорей бы мне город покинуть
 И в край вологодский уйти,
 Где нынче живет Валентина,
 Девчонка годов двадцати.

Хорошая девка, ей-богу!
 Скупа на смешки и слова.
 Где нынче найдешь недотрогу?
 А Валя у нас такова.

По улицам длинным и хмурым
 Идет она, розы нежней.
 И еле заметным прищуром
 Калечит соседских парней.

Они за ней бедные — стадом.
 У всех нараспашку душа.
 А Валя им скажет: — не надо!
 И дальше идет не спеша.

Бредя по житейской дороге,
 Я издавна чувство коплю.
 Люблю я ныннешних, строгих,
 Таких вот, как Валя, люблю.

Она словно редкая птица,
 Что видишь с приходом зари.
 И в жены, задумав жениться,
 Ты только такую бери!

ВОЛОГОДСКИЙ КРАЙ

Слова А. РОМАНОВА

Музыка А. ПРОНИЧЕВА

Подвижно

ОТ ЛЕТ РОД. БЕ. АБ... ЧИХ СНО... БА

ДА ОТ ПТИЦЬ ИЗ СТАИ

ЗА ШУ. МЕЛ РОД. НОИ СОС... МО... ВНИ ВО... АО.

ГОД... СКИИ КРАН. И НА.

Су ко не на Су Ат у ШЕКС

ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ

МЫ РЕ АР НА АВ АА ВНИ

КР АРТ ВСЯ АУ НА ШИ

ЗЕМ МЯ КИ ГОД СКИИ

КРАН ПО СТО ЯН МО В СЕРА ЦЕ

БУ АЕТ ВО ЛО ГОД СКИИ

КРАН

От ветров зеленых снова
Да от птичьих стай
Зашумел родной

сосновый
Вологодский край.

И на Сухоне, на Суде,
У Шексны-реки —
На дела выходят всюду
Наши земляки.

И нигде искать не
нужно —

Нет роднее мест,
Звонче песен, краше
кружев

И милей невест.
Хороши в любом наряде
И скромны всегда.
Те, кому жениться надо,
Пусть спешат сюда.

Льны цветут, растут
заводы,

И зовут гудки.
Песню, окая, выводят
Наши земляки.

И в какую даль отсюда
Ты ни уезжай,
Постоянно в сердце будет
Вологодский край.

Александр СУШИНОВ

НЕ ГЛУБИНКА, А ГЛУБИНА

Александр Сушинов несколько лет работал в областной газете «Красный Север» собственным корреспондентом в Тарногском, Кирилловском и Сокольском районах области.

Мы предлагаем читателю его заметки и наблюдения. Хотя некоторые факты и случаи имеют двух-трехлетнюю давность, редколлегия сборника считает, что записки журналиста А. Сушинова представляют интерес и не утратили своего значения в наши дни.

Мужество

коммуниста

Рисунки Д. ТУТУНДЖАН.

С удивительным человеком я встретился в одной из поездок по Вологодскому району.

Однажды вечером я подошел к деревушке Обухово. Постучался в крайний дом.

— Кто там? — раздался спокойный голос.

Загремела щеколда, и меня впустил в темные сени хозяин Александр Иванович Мешков, о котором я слышал, как о лучшем трактористе, хорошем охотнике, замечательном пчеловоде.

Дом новый, пахнет смолистым срубом. — Недавно заново отстроился. Семья растет, и в старой избе тесно стало, —

пояснил хозяин. — Самому пришлось сделать фундамент и помогать плотникам рубить сруб.

За ужином на столе появился мед в сотах, и как обязательное угощение к чаю — огурцы (солono поешь — побольше попьешь), квашеная капуста и традиционная картошка на сковороде. Все свое: мед, и огурцы, и картошка. Только хлеб да сахар из сельпо. Хлеб в колхозе не выдают, перешли на денежную оплату.

Хозяйка принесла из кладовой матрац, еще пахнувший холодом, разостлала на полу. Я лег. Покурив, хозяин подошел к своей кровати... Блеснули желтым лаком протезы на обеих ногах...

Долго я не мог уснуть в эту ночь. Какая сила воли у этого человека!

Утром мы разговорились. Он рассказал о своей жизни.

... Трактор «Беларусь» весело бежал по широкому большаку, оставляя на укатанном снегу рифленые, в «елочку», следы. Сидевший за рулем машины Александр Мешков внимательно смотрел на скрипучую морозную дорогу, сбавляя «газ», когда навстречу попадалась косящая глазом испуганная лошадь. «Видимо, из дальнего колхоза ездок: конь не привык к машинам», — подумал тракторист и на мгновение оглянулся, чтобы убедиться в благополучном разезде.

За небольшой деревушкой на обочине Мешков увидел трактор с санями. У безжизненного мотора клял кого-то измазанный механизатор. Александр Иванович остановил машину.

— Что у тебя? — спросил он у замерзшего тракториста.

— Не заводится...

Мешков придирчиво осмотрел двигатель, проверил «пускач», что-то поколдовал в топливной системе. Минут через десять, словно обрадованный, взревел мотор.

— Спасибо, друг, — поблагодарил Мешкова тракторист.

Не спеша, качающейся походкой, Александр Иванович направился к своей машине. Провожая его взглядом, вырученный из беды парень увидел на Мешкове резиновые сапоги.

— Ты что это в резиновых сапогах в такую стужу ходишь? Или ревматизм получить хочешь?

— Они у меня не мерзнут, закаленные, — ответил Александр Иванович, влез на сиденье и включил скорость...

В памяти выплыли картины прошлого. Карельский фронт 1942 года. Взвод, которым командовал Мешков, обезвреживал минные поля. Однажды внезапно подорвался старший лейтенант, командир роты. Александр Мешков с санитарями поспешил на выручку. Но на обратном пути случилось непредвиденное: кто-то переставил оградительную вешку на метр в сторону. Ничего не подозревая, Александр вступил на невидимый фугас.

Четыре месяца пролежал в госпитале старший сержант. Ноги у Александра ампутировали. Организм выдержал все операции. Было ему тогда двадцать лет. Тяжелые думы не покидали его: «Как жить? Кому я такой нужен?» Когда раны поджили, Александру принесли скрипящие протезы...

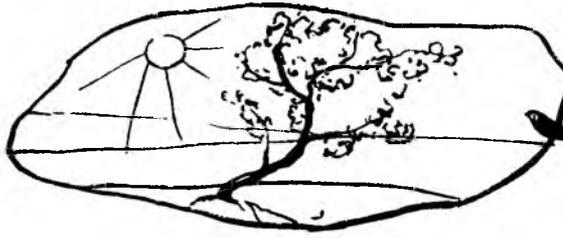
И вот снова родная деревня Обухово. Тоскливо на душе Александра. Началось паломничество сельчан в дом к инвалиду. Старики вздыхали, утирали слезы, вспоминая своих сыновей, сражающихся где-то на далеких фронтах. Выносить все это было трудно, и Мешков попросил в правлении колхоза какую-нибудь работу.

Его назначили кладовщиком. Немного позже он пошел помощником на комбайн к механизатору Алексею Азову.

Осень была затяжной. Беспросветные дожди, грязь по колено. Комбайн увязал, его таскал трактор. Но урожай был убран вовремя, и Азов от души благодарил помощника. А через год Александр Иванович получил права тракториста, ему доверили новый «Беларусь».

Есть у Александра Ивановича страсть: он один из лучших охотников в деревне. На лыжах за десятки километров ездит в лес. Летом лучший вид транспорта для него — велосипед.

И еще за другие таланты уважают его люди: он баянист, книголюб, пчеловод. Многие умеет этот необыкновенный человек.

Землелюб

Деревня Веригино протянулась по берегу мелководной и каменистой речушки Кокшеньги. Высокие тополя и березы у каждого палисадника, а осенью здесь горят кисти рябин. Говорят, что название деревни пошло от древнего монаха-старца, который жил в ските и носил тяжелые литые вериги.

Я люблю эту тихую деревеньку за то, что живет и работает в ней Петр Алексеевич Вячеславов. У него крупные руки с набрякшими венами — руки крестьянина, который знает цену хлеба, цену земли. Коренастый, крепко сбитый, он напоминает мне (пусть простят за банальное сравнение!) могучий дуб, устоявший от всех непогод и бурь. А бурь житейских было немало...

В конце сороковых годов он работал председателем Тарногского райисполкома, был оклеветан каким-то негодяем, арестован и выслан.

Много времени провел вдалеке от дома Петр Алексеевич. Вернулся седым, но не сломленным. Тепло встретили односельчане бывшего предрика. Дела в артели шли плохо, народ уходил на лесоповал, в ближайший леспромхоз, животноводство хирело, урожай оставался под снегом.

— Принимай колхоз, Петр Алексеевич, надо выправлять в «Ленинце» дела, — сказали тогда Вячеславову в райкоме.

— Согласен, если доверят колхозники, — ответил Петр Алексеевич.

На собрание народ приходил медленно, нехотя. Но когда узнали, что будут избирать нового председателя, повалили валом в клуб.

— Вы не думайте, что с моим приходом, как по волшебству, все изменится, — говорил односельчанам Вячесла-

вов. — Только вместе можем вытащить артель. Людей на сторону ушло немало, а ведь земля-то осталась, ее в город не увезешь. Значит, нам жить на этой земле и нам ее обрабатывать. Надо по-настоящему отнестись к ней, не так, как сейчас она используется. Тощие клевера пятого укуса нам ничего не дают, а ведь их в колхозе одна треть ото всей пашни.

— Правильно говорит! — послышалось из зала.

— В нашем колхозе четыреста лошадей и четыреста хозяйств, — продолжал Петр Алексеевич. — Я люблю коня, но скажите, зачем такое количество лошадей, если сейчас землю пашет трактор, хлеб убирает комбайн, лен тербит машина? Уменьшим на сотню поголовье, сено для коров сбережем, а на вырученные деньги купим породистых свиней. Ведь была же у вас когда-то лучшая свиноферма в районе.

— Тоже правильно! Лошади объедают коров, — раздался женский голос.

— И это не все, — говорил Вячеславов. — Надо сообща подумать, как заставить родить наши знаменитые «перелогги», а их у нас две тысячи гектаров. Вы понимаете, что могут дать две тысячи гектаров земли! Это зерно, мясо, фураж...

Перелогги... Старая система земледелия, когда крестьяне, истощив почву, забрасывали ее на многие годы. На таких полях не растет даже трава, откуда ж тут накопиться органическим веществам? Конечно, можно удобрить такую почву навозом. Но где его взять, если нет подстилки на скотных дворах и навоза накапливается очень мало? Сеять зерновые на перелогах — один убыток, что высеешь, то и соберешь, а в отдельные годы не вернешь и семян.

Петр Алексеевич Вячеславов решил сделать перелого плодородными во что бы то ни стало. Советовался со специалистами, но те только разводили руками. В одном из журналов он прочитал о незнакомой северянам культуре — люпине. Был сделан запрос в одно из хозяйств Подмосковья. Пришла посылка с семенами. Новая культура в переложных полях чувствовала себя плохо. Всходы после зимовки были редкими.

— Не будет расти у нас эта южанка, — говорили седобородые деды, — не тот климат.

Семян было собрано осенью мало. Петр Алексеевич запросил еще семян, и они были присланы, а через год колхозники уже получили со своего поля центнер люпиновых семян. Посевы новой культуры расширили. А через несколько лет было «залюпинено» 300 гектаров земли. Зеленые растения запахали, а весной на этих полях посеяли яровую пшеницу. Результаты превзошли ожидания. Было получено по 14 центнеров пшеницы с каждого гектара. Петр Алексеевич решил применить люпин для осушения заболоченных почв. Он облюбовал для опыта перелог под названием Серуха. К обработке он считался непригодным: площадь ровная, стока воды нет. Ни весной, ни осенью туда не заедешь. И ко всеобщему удивлению мощная корневая система люпина удалила избыточную влажность. Бросовая земля перелога Серуха стала родить.

Можно бы много рассказать и о том, сколько было на пути председателя рвов

и ухабов, огорчений и разочарований. О том трудном годе, когда погибла свиноферма. Тридцать элитных свиноматок с приплодом в две сотни голов заживо сгорели в новом свинарнике. Вячеславов был в это время на дальних покосах. Загнав лошадь, он примчался к пылающим головешкам, холеные туши животных горели синим пламенем, как газ в кухонной горелке. Но не опустил руки председатель. Снова возродил ферму. Трижды она побывала на Выставке достижений народного хозяйства.

Однажды кто-то придумал устроить в колхозе семинар руководителей артелей района по силосованию ржи. Пригнали силосоуборочный комбайн, автомашины. Один из райкомовских работников скандовал:

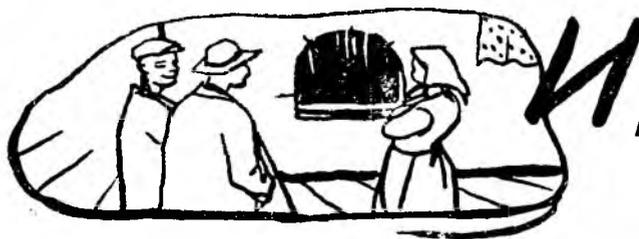
— Начали!

Не мог Вячеславов вынести этого глумления над трудами сельчан, заболел и взял отпуск...

Когда я вижу, что узкобрючный хлыщ брезгливо морщится от встречи с деревенским людом в городском магазине, то я испытываю неприязнь к нему. Когда я вижу, как в столичном ресторане полуобнаженная девица, улыбаясь, взглядом издевается над неловким соседом, может быть, из Вологды, то у меня появляется огромное желание наругать ей.

Я не люблю людей, которые в жизни ничего не поднимали тяжелей столовой ложки.

Я люблю таких, как Петр Алексеевич Вячеславов.

Интервью

через заслонку

В колхозе «Просвет» создали комсомольско-молодежную ферму. Доярками пришли работать четыре десятиклассницы, выпускницы средней школы. О их патриотическом поступке несколько раз

писала районная газета, приезжал корреспондент из области.

Молодежная газета призывала комсомольцев следовать почину зареченских доярок.

И — на тебе! Однажды утром ни одна из девушек не пришла на ферму. Бригадир кинулся в дома, но матери десятиклассниц как по сговору отвечали:

— Уехали ночью на целину...

Это было правдой. Собрав свои немудреные пожитки, девушки договорились с шофером попутной машины и уехали морозной ночью на железнодорожную станцию.

Я решил съездить в отдаленную артель. Попутчиком вызвался секретарь райкома комсомола Александр Смолин.

Райкомовский меринок легко несет расписные санки. Под огромным тулупом тепло, хотя мороз около сорока.

— Как ты думаешь, Саша, почему бросили ферму девушки? — спрашиваю комсомольского секретаря.

— Затрудняюсь даже и ответить, ведь и живут неплохо, у каждой полно нарядов, в домах достаток. Мне кажется, что в этом парни виноваты. Как уйдут в армию, так и прощай родное село. После демобилизации — хоть грузчиком где-нибудь в городе, но только не домой. А девчата видят, что не возвращаются парни, и тоже стремятся уехать.

— А парни почему не возвращаются?

— Причин, на мой взгляд, очень много, но сразу ответить трудно...

Вскоре показалось Заречье. Наступил вечер. Мороз усилился. Из заиндеветых печных труб дымы уходили ввысь столбами и, казалось, что небо держится на этих седых колоннах.

В колхозной конторе уже никого не было, и мы направились в председательский дом.

В избе около русской печки лежала охапка соломы, дымили паром огромные чугуны. Еще не старая женщина, с подоткнутым подолом коричневой юбки, сновавала по кухне, гремя ведрами. За закрытой заслонкой кто-то рычал, стонал, истязая себя веником.

— Где Василий Васильевич? — спрашиваем женщину.

— Я здесь, кто там пришел? — раздаюсь из-за заслонки.

— Газетчики, — ответили мы.

— Подождите чуточку!

Мы прошли в комнату. Минут через пять раздался звон заслонки о пол и распаренный, раскрасневшийся человек с сажой на плечах и спине вылез из печки. Женщина окатила мужа из ведра с ног до головы, и спустя некоторое время мы уже сидели за самоваром.

— У вас все так моются?

— Все не все, но больше половины парятся, как наши деды.

Василий Васильевич рассказал о случае с зареченскими доярками.

— Убежали, самые молодые убежали, что хочешь делай. А ведь двор-то какой построили, на каменных столбах, с подвесной дорогой, почти полмиллиона затратили. Только бы работать! — сокрушался Василий Васильевич. — Много строим. Новый ток нынче сделали, конюшню поставили, мастерские оборудовали.

— Это, конечно, хорошо. Но разве трудно построить баню, чтобы не мучиться в печке? — спросил Саша Смолин. — Чтобы люди по-человечески могли помыться после работы, ведь отсюда и начинается культура.

— Нам никто не говорит о строительстве бань. Из района больше на коровники нажимают да на свинарники, — попытался оправдаться председатель, — до бани как-то все руки не доходят.

— Вот и клуб у вас самая настоящая развалюха, только волков морозить, — наступал секретарь райкома. — Молодежи даже повеселиться негде, вот и бегут молодые в город.

Председатель внимательно слушал Смолина и согласился:

— Пожалуй, ты правду говоришь, мало обращаем внимания на быт людей, на их культурный досуг.

Проблема рабочей силы в деревне, на мой взгляд, одна из самых насущных. Молодежи в колхозах мало, в основном работает старое поколение. Но ведь их кто-то должен заменить. Новое поколение не хочет работать по старинке, вручную, ему нужна техника, как в городе.

Разговор об этом я вел как-то с учительницей Бурдуковской восьмилетней школы Галиной Анатольевной Шутовой.

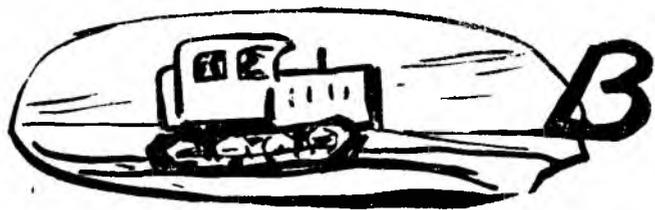
— У нас в округе в восьми деревнях только восемь трудоспособных, — рассказывала она. — Нас, учителей, часто упрекают в том, что мы плохо работаем с детьми — они не остаются в деревне, уходят в город. Что можно ответить на эти упреки? Учится парень или девушка десять лет в сельской школе и видит, что мало меняются жизнь и культура села. Я, как биолог, рассказываю детям о новых машинах в сельском хозяйстве, о механизированной дойке коров, о благоустроенных колхозных поселках. Но вот приходит время практики. Идем на ферму, а там доярки работают вручную. Вот

и посудите сами, будет ли желание у школьников остаться в колхозе?

Я согласен с учителем. Мне пришлось видеть в одном колхозе такую сцену. Бригадир заставлял молодого парня возить навоз на поле. Дорога шла к скотному двору деревней.

— Хочешь меня на посмешище выставить? — возмущался парень. — Ты дай мне трактор да экскаватор, вот тогда и буду работать.

Бригадир так и не мог заставить парня возить навоз и дал наряд старой женщине.

В гости

на тракторе

При встречах с секретарем парткома колхоза «Красное знамя» Яковом Евдокимовичем Крыловым мы всегда говорим о делах колхозных. Яков Евдокимович думающий человек, с хорошей хозяйской жилкой, остроумный и... великий мечтатель. Вот и сегодня с утра мы сидим в его небольшом кабинете, где только стол да в углу небольшой красный сейф для хранения документов и членских взносов.

— Знаешь, корреспондент, что говорили наши коммунисты на собраниях, когда обсуждали решения XXII съезда партии и мартовского Пленума? Они предлагали изменить структуру управления колхозом, вносили дельные предложения о более разумном ведении артельного хозяйства. Мне кажется, что одна из наших бед — обезличка. Весной, например, пахал Сидоров, боронил Петров, осенью урожай убирал Иванов. И что бы земля ни народила, им все равно подай деньги по тарифу. А вот если бы один Петров за этим полем следил весь год, да наперед знал, что он за свой труд получит «прогрессивку» за дополнительный

урожай, то он не стал бы выгонять на тракторе только «мягкую пахоту».

— В чем тут собака зарыта? — спрашиваю Крылова.

— А вот в чем. Реорганизация МТС — хорошее, нужное дело. Колхоз стал хозяином своей техники. Но структура и методы управления ею остались старыми. Возьмем наш колхоз. У нас две тракторные бригады обслуживают одиннадцать полеводческих бригад. Одно и то же поле обрабатывают несколько механизаторов. А это ведет к резкому снижению качества обработки. По сути дела в колхозе образована своя маленькая «МТС», со всеми оставшимися недостатками. Что предлагают коммунисты? Прежде всего они требуют передать в распоряжение бригад технику. Трактористы будут трудиться на закрепленной земле. Это позволит использовать их и на работах по механизации животноводства, и на вывозке удобрений, да мало ли дел в бригаде! За бригадами нужно закрепить и автомашины.

— Что даст новая структура? — перебиваю секретаря парткома.

— Много. Развяжет инициативу бригадиров, они будут хозяевами и земли и техники. У них будет заинтересованность в улучшении земледелия, прекратятся простои машин, поездки «налево» и бездумное использование техники. У нас бывают случаи, когда некоторые даже в гости на тракторах ездят, на охоту, есть факты, когда тракторист на гусеничном «ДТ-54» отправился обедать за десять километров. Если техника будет в руках у бригадира полеводческой бригады, то эти безобразия прекратятся.

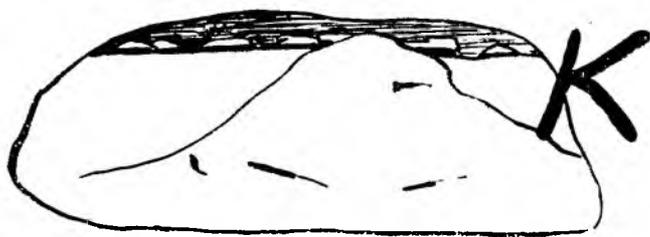
Яков Евдокимович высказал интересные мысли и о реорганизации управления животноводством.

— В нашей артели сейчас шесть зоотехников. Что они делают? Львиную долю рабочего времени сидят в конторе за бумагами. Этим молодым людям с высшим образованием нужно послать в бригады, чтобы они работали заведующими фермами или помощниками бригадиров по животноводству. Когда у бригадира-полевода будут земля, скот, техника и грамотные помощники, то и дела пойдут лучше. Сейчас, по существу, бригадиры не отвечают за животноводство,

и это иногда приводит к нелепым фактам. В одной из бригад у нас телятница два месяца доила корову, а молоко присваивала. Знал об этом бригадир, но на замечания ответил так:

— Скот не мой, пусть за это отвечают зоотехники.

Обезличка! Она лишает колхозника материальной заинтересованности, сковывает его инициативу. Там, где это хорошо поняли, дела идут лучше. Я бывал в двух соседних колхозах «Дружба» и «Родина». В обеих артелях сеют много льна. Но если в «Родине» все операции со льном доводятся до конца, то в «Дружбе» половина соломки уходит под снег, а часть ее остается даже не разостланной. Почему? Да потому, что руководители артели «Родина» закрепили посеы льна за женщинами-гектарницами. Все лето женщины находятся на своих участках: полют, подкармливают. Работают с душой, ибо знают, что труды их окупятся в конце года. В «Дружбе» за льном ухаживают все, кому даст наряд бригадир. Эти люди не заинтересованы в хорошем уходе, ибо ото льна они все равно ничего не получают, кроме как на общие трудодни.

Жомбайны

на зимовке

Один из председателей колхозов Тарногского района с группой представителей сельского хозяйства области ездил к прославленному вожаку белорусской артели «Рассвет» Кириллу Орловскому. Приехал потрясенный.

— У Орловского в колхозе почти коммунизм, — сообщил он на совещании в райкоме партии. — Удивительно хорошо ведет дело этот необыкновенный человек. У него не колхоз, а настоящий завод по производству хлеба, молока и мяса. А какой порядок, какая дисциплина!

Председатель артели рассказал об одном интересном случае из жизни белорусского колхоза. Однажды из кузова грузовика на улице колхозного поселка выпал кирпич. А сзади грузовика прошел колхозник. Это заметил Кирилл Орловский. «Поднимет или не поднимет оброненный кирпич?» — подумал Орловский и замедлил шаги. Мужчина прошел мимо. Председатель «Рассвета» принес кирпич в контору. На первом же заседании правления этот кирпич лежал на столе как обвинение для небережливых.

— Вот это да! — восхищались люди на райкомовском совещании. — Вот как умеют беречь трудовую копейку! Нам бы так...

Кирпич... Он навел меня на мысли о бережливости в наших северных колхозах. Как еще не умеют беречь добро и руководители, и некоторые колхозники, как легко швыряют на ветер деньги.

... Голубой автобус, скрипнув тормозами, остановился. Люди бойко соскакивали на скрипучий снег утоптанного большака и расходились. Я здесь еще не бывал, и пришлось расспросить, как найти дорогу в село Заборье.

— Прямо идите, а за Веригиным сверните направо, дорога к селу сама выведет, — ответила женщина в белом полужалке и бархатном жакете.

Попутчиков не оказалось, и я один направился по неведомому маршруту. Санный след перемела поземка, идти было трудно. В морозном воздухе, у самого горизонта, как яичный желток, сидело солнце.

За небольшой дерегушкой, прямо в поле, я увидел полужансенный снегом комбайн. Свежая краска, свежее клеймо завода, свежая марка «СК-3». Чье же ледяное сердце бросило тебя, машина, на этой снежной целине, где от мороза лопается даже железо? Через сугробы иду к ней. На огромных резиновых скатах замерзшая, как камень, осенняя грязь, резиновые ремни не сняты и уже полопались, мотор не закрыт и занесен снегом, на молотильных ситах пожнивные остатки. Невдалеке от комбайна сугроб. Разрываю его и вижу всаженный в землю многокорпусный плуг. Пахал, видимо, какой-то разгильдяй зябь и бросил.

Как было тут не возмущаться! Ведь в своем личном хозяйстве даже кривому гвоздю где-нибудь на притолоке найдется место. А тут? Первоклассные машины, которые стоят многие тысячи рублей, брошены на произвол судьбы.

Мое негодование дошло до предела, когда узнал, что эти машины принадлежали тому колхозу, в котором председателем был гость Кирилла Орловского.

— Вот вы красиво рассказывали о бережливости в белорусском колхозе, —

говорил я ему. — Почему же у вас такое отношение к технике, ведь комбайн — не кирпич, он дорожке стоит?

— Так уж у нас заведено, оставляем технику где попало, а весной собираем, механизаторы виноваты, — равнодушно басил председатель. — Конечно, не хорошо, но куда технику ставить, если нет гаража?

Тогда я спросил:

— У вас есть мотоцикл, почему же вы его не бросили в поле до весны, ведь сейчас по дорогам все равно не ехать?

Ответа, разумеется, не последовало.

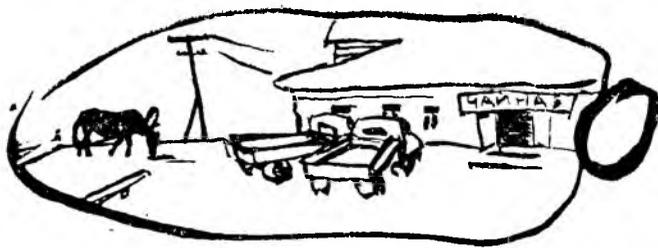
Фактов небрежного хранения и обращения с техникой я видел много, и об этом почему-то не говорят в полный голос. На зимних полях, у околиц деревень, у разбитых мостов валяются льнотеребилки, сеялки, комбайны. Мальчишки ради озорства отвинчивают трубки, гайки, шестерни. Под осенними дождями и в зимнюю стужу ржавеют детали, выходят из строя электрооборудование, различные цепи и детали. В результате громадные расходы на ремонт, потеря времени в уборочные кампании.

В колхозе «Прожектор» перед уборкой у всех трех комбайнов не оказалось наборов ключей. Нечем было подвернуть даже гайку. Почему? Да потому, что инструмент был брошен вместе с машинами в поле, а люди предприимчивые его подобрали. В городе заказали новые ключи. Пока их сделали, прошло несколько дней, хороших августовских дней, когда на счету каждый час.

Виной всему этому опять та же обезличка. До сих пор навесные и прицепные машины не закрепляются за механизаторами, люди смирились с преждевременным списыванием машин.

— У нас мало техники! — во всю вопят некоторые председатели колхозов.

Хочется сказать таким людям: ее совсем не будет, если не покончить с безхозяйственностью. Неужели нельзя сделать в каждом колхозе простые навесы, площадки, где можно хранить технику, ухаживать за ней? Ведь это копеечное дело! В колхозах есть пилорамы, полно леса, не вывелись еще и плотники.

КОЛОКОЛХОЗНИКИ

Воскресным утром я пришел на почту отправить письма и встретил своего приятеля газетчика Сашу Кузьмина.

— Давайте побродим по райцентру, уж очень день-то хорош, — предложил он.

Я охотно согласился, зная, что Саша что-нибудь опять интересное расскажет. Мы направились в бор.

Шли хорошо утоптанной тропинкой, петляющей между краснокорых сосен. Сквозь стволы виднелись желтые трубы новых домов с голубыми мезонинами и наличниками. Домов было много, целая улица.

— Как на дрожжах растет лесной городок. Это после войны так раздался поселок, — сказал Саша.

— А откуда народ приезжает?

— Не из Вологды, конечно. Из деревень мужики перевозят свои дома. Ведь и промышленность-то у нас, как говорится, местная, льнозавод да промкомбинат с несколькими артелями, а вот устраиваются кое-где люди. Один, глядишь, сторож в сельпо, другой — в почтари подался, третий — милиционером пристроился. И все это бывшие колхозники, сеяли, пахали когда-то... Сейчас едут меньше, в колхозах уже не за «палочки» народ работает, но тяга к райцентру еще осталась. Из ближайших деревень каждое утро идут люди в учреждения, которых в райцентре немало. Председатели жалуются на таких полуколхозников-полурабочих: живут на колхозной земле, а работают в райцентре.

... Об «околоколхозниках» мне приходилось и раньше слышать. Их на чем свет стоит критиковала «на все корки» газета, почти на каждом совещании о них что-нибудь да говорили. Чтобы узнать получше об этих людях, я направился в «Дружбу».

Председателя колхоза Степана Ивановича Федоренко в конторе не оказалось. Девушка-счетовод пригласила сесть:

— Он скоро придет, обед у него короткий, не любит долго чаевничать.

Степан Иванович не заставил долго ждать. Розовощекий, среднего роста, в поношенной шинели нараспашку, он быстро вошел в помещение конторы, так же быстро поздоровался и сел за свой облитый фиолетовыми чернилами стол.

— Чем могу служить, представитель прессы? — спросил он, улыбаясь.

Я рассказал ему о цели своего прихода. Веселое настроение у председателя как рукой сняло. Он даже поморщился.

— Без ножа режут меня эти околоколхозники, в печенках сидят, извините за выражение. Честные колхозники работают не жалея сил, душой болеют за подъем артельного хозяйства, а подобные «шашки» только разлагают дисциплину. Сами посудите, до чего же хитер этот околоколхозный люд. Хозяин дома, например, работает в райцентре сторожем, а жена — в колхозе, так сказать, для ширмы. Выработает его супруга сорок трудодней за год, а колхозные блага ей подай: дрова бесплатные, коровушка на артельных лугах ходит, приусадебный участок в полгектара. Чем не жизнь! Мужик получку на хлеб да на сахар принесет, а остальное все на колхозной земле выращено. Зачем жене работать, как остальные односельчане?

— И много таких семей? — спрашиваю председателя.

— Больше семидесяти по артели наберется. И все так: мужик в райцентре, жена — в колхозе, сын — в райцентре, мать — «из годов вышла», чтобы на колхозной земле трудиться, а на своем приусадебном с утра до ночи не разгибает-

ся. И ведь досада берет, когда видишь, что эти околоколхозники лучше живут, лучше материально обеспечены, чем настоящие колхозники.

— Но ведь у нас есть Устав сельхозартели, — перебиваю Степана Ивановича.

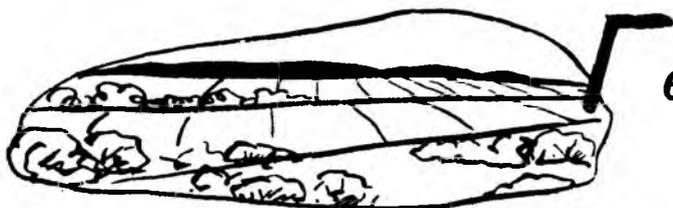
— Устав есть, пробовали кое-что принимать против таких людей, но без толку. Однажды правление решило за пользование пастбищами для выгона скота взыскивать с каждого двора околоколхозника по 30 рублей. Возмущенные «единоличники» написали письмо областному прокурору. Пришло строгое распоряжение, чтобы больше шестнадцати рублей не брать. То же самое с приусадебными участками. Раз человек числится в колхозе — значит положено. А ведь не разбираются, какую пользу или даже вред он приносит... Нет, что-то надо кардинальное придумывать. Я бы сделал так: уж если работаешь на стороне, то и по-

езжай туда — незачем людям голову морочить. Хочешь здесь жить — живи, работай, приноси пользу общему делу, а не только своему желудку и благополучию.

— А что говорят околоколхозники в свое оправдание? — спрашиваю Федоренко.

Председательское возмущение сразу погасло, как сырая папироса. Он задумался, достал пачку «Беломора», закурил. Словно очнувшись, негромко сказал:

— Говорят, что они на производстве пенсию заработают. Федор Мальцев мне так заявил: «Ты мне, председатель, пенсию-то не гарантируешь. Если я состарюсь, то кто меня кормить будет? Ведь у меня ни сына, ни дочери, ни зятя нет и не было». Что я мог ответить на это? Ничего, кроме общих фраз, которые все знают.

ераська — сын нузнеця

До чего же поэтичны названия наших северных деревень! Удивительно ласково, сердечно звучат они: Роднички, Горочка, Запрудка, Ерофейка, Бродки... А в других названиях уже очерчены строгость, торжественность: Шеломово, Саблино, Копьево. Налицо полный набор древнего оружия и одежды русских воинов. И тут же рядом землелашец дал такие названия своим селениям: Мироносица, Каравайцево, Хлебное, Отрадное... А сколько деревень и сел имеют птичьи названия: Жаворонково, Галкино, Голуби, Ястребово, Кукушкино, Воронино...

Однажды газетные пути-дороги привели меня в деревню Бутылкино. Что ни говори, а звучало это для меня странно. Старый житель деревни Феофан Иванович Грахничев пояснил мне:

— Слыхал я, что жил когда-то в деревне мужик — пьяница из пьяниц, гол как

сокол. И нашли после его смерти в чулане ветхой избы видимо-невидимо бутылку. Вот и прилипло прозвище к нашей деревне... Бутылкино да Бутылкино, хотя и гуляк-то почти не было.

Феофан Иванович знал о своей деревне все до мелочей: и когда пожары были, и неурожай, а также подноготную каждой семье, вплоть до пятого колена. Слушать его было интересно. Но больше говорил он о людях.

— Живет у нас кузнец Василий Герасимович Коржавин. Восемьдесят три года я уже прожил, но не видел таких семьянинов. Одиннадцать девок подарила ему жена Манефа Николаевна, и ни одного парня. Загрустил мужик: как же без наследника-то в дому...

Однажды вечером на дальних покосах косари сидели у огромного шалаша из свежего сена и пили чай, заваренный на

листьях черной смородины. Бабы и мужики устало переговаривались, поглядывали на закат, предвещавший хорошую погоду. Изредка кто-то ввертывал крепкое словцо, и все дружно смеялись. Василий Герасимович, подложив под бок охапку сухой травы, думал о жене и о «публике», которая осталась в деревенской избе. «Публикой» он называл своих девочек. Сядет, к примеру, семья за обеденный стол и звучит Василия Герасимовича любимое словечко: «Бери ложки, публика!» Приведет он в получку девочек в сельпо и сразу раздастся голос: «Выбирай на платье, публика!» А «публика» рада стараться. Таких ситцев да игрушек навьбирает, что хошь не хошь, а расплачивайся отец. Покачает головой кузнец, вздохнет, а потом махнет рукой продавцу: «Сколько с нас за все присчитывается?..»

Отдыхал Василий Герасимович, не спеша курил папиросу-самокрутку. Его думы прервал озорной голос молодой вдовы Лидки Путниковой.

— Поздравляем с дочкой, Василий Герасимович! На сына-то, видать, у тебя духу не хватает?

Добродушный, веселый смех взлетел над шалашом, эхом прозвучал в ближнем березнячке и погас где-то за широким лугом у речушки. Кузнец не обиделся на шутку Лидки: бабы на язык остры, и с ними лучше не связываться. И все же, помолчав немного, скрутив новую цигарку, кузнец заговорил:

— Спасибо, Лидия Назаровна! Но сын у меня все равно будет. Пусть хоть двадцать девок родит мне Манефа, но двадцать первый обязательно парень.

Через неделю привез кузнец Манефу Николаевну из родильного дома.

— Ну, как, «публика», назовем младшую сестрицу? — спрашивал отец.

— Лидюшкой, — негромко проговорила первоклассница Зина.

— Венерой, — посоветовала семиклассница Настя.

— Венерой? — переспросил Василий Герасимович. — Нет, что-то уж больно мудреное имя, и звучит не по-нашему. Смех ведь какой, ишь ты, Венера Васильевна! Нет, не годится.

— Аннушкой, — раздался из-за стола голос пятиклассницы Галины.

— Вот, это, пожалуй, в самый раз, — улыбнулся отец. — А мать согласна?

Манефа Николаевна одобряюще кивнула головой. Аннушка не слышала семейного совета. Она крепко спала в плетеной зыбке.

Прошло три года. Снова Василий Герасимович отвез свою жену в родильный дом.

— Цены тебе не будет, если принесешь мне сына, береги себя, — говорил тогда кузнец жене.

Дни потянулись в мучительном ожидании. И как-то под вечер в дом пришла почтальонка Дуся. Прямо с порога выпалила:

— Сын ведь у тебя, Василий Герасимович, родился. По телефону из больницы звонили.

Радости кузнеца не было конца. Он сходил к соседям и рассказал о наследнике, соседи передали новости другим, и в тот сентябрьский вечер вся деревня узнала, что у Коржавиных в дому долгожданный наследник. Василий Герасимович ходил сам не свой, вымыл с дочками избу, даже младшая Аннушка, не понимая что к чему, старалась помочь.

Подошел срок выписывать Манефу Николаевну из больницы. Кузнец надел в тот день свой праздничный костюм, как никогда долго брился и на удивление всем помолодел на добрый десяток лет. Председатель колхоза сказал тогда Василию Герасимовичу:

— Бери моего рысака, пусть люди смотрят, что Коржавины едут.

Но председательский конь был молод и горяч. По ровной дороге идет тихомирно, а на ухабах как шальной делается: бежит, не понимая, что у кузнеца в руках крохотная жизнь бьется. Остановил рысака Василий Герасимович и сказал жене:

— Растрясем парня, я его на руках до дому донесу, а ты поезжай полегоньку.

Через плечо у кузнеца было перекинуто завязанное полотенце: так удобнее нести ребенка. Двадцать верст шел с бесценной ношей Коржавин.

Назвали сына Герасимом, в честь деда. Ребенок родился слабым, часами плакал. Манефа Николаевна не спала неделями, осунулась.

— Так дальше, мать, не пойдет. Отдохни, а я с Гераськой повожусь, — говорил кузнец.

Он вынимал сына из зыбки и укладывал с собой на кровать. Во сне мальчик вздрагивал, отец радовался: «Растет, значит!» Но часто в полночь Гераська просыпался от петушиного кукареканья, раздававшегося из подполья. Это сердило кузнеца, и однажды он за завтраком сказал как бы между прочим:

— Что-то с ума спятил наш петух, всю ночь покою нет Гераське, испугать можно парня.

Все поняли, к чему клонит отец. Любили «петьку» в семье. Красивый петух! На голове гребень, как алый флаг, и оперенье, как радуга. Всех соседних петухов побивал, хотя и сам частенько с окровавленной головой возвращался к насесту.

На семейном совете «петьке» был вынесен приговор без обжалования, и к вечеру петушиные ноги уже лежали на шестке печи, рядом с продымленными чугунами. Кое-кто из девочек всплакнул, а отец их успокаивал:

— Летом у нас еще лучше петух вырастет, не ревите.

А Гераська медленно, но верно выправлялся, рос, крепнул. Все заботы, все внимание были обращены к нему. Поста-

вив цинковую ванну на русскую печку, кузнец частенько сам купал наследника, сам пеленал и подолгу сидел у зыбки.

Дом Коржавиных стоял на отшибе деревни, и прямо под окнами проходила проселочная дорога. По ней часто громыхали колхозные тракторы, да так, что содрагалась изба. Частенько Гераська, вздрагивая, просыпался от непонятного шума и подолгу плакал. Особенно отличался грохотом гусеничный трактор молодого механизатора Федьки Зайцева. Не тракторист, а лихач! Не вытерпел однажды кузнец, выскочил на улицу, остановил машину:

— Неужели, Федька, не можешь потише ездить, ведь у меня ребенок маленький.

— А мне какое дело! — огрызнулся тот.

— Совести у тебя нет, вот что скажу. Возьми на пол-литра, но только не греми машиной, очень тебя прошу.

От денег Федька отказался, но пообещал ездить потише. И не обманул кузнеца: стал объезжать коржавинский дом. Другие механизаторы то же самое сделали.

— А Гераська растет, да как! Удался в отца. Такой же худощавый, жилистый, с такими же льняными волосами и серыми глазами в белых ресницах, — говорил мне Феофан Иванович. — Хороший будет парень в нашей деревне, если в отца пойдет...

Краснословье

Я не силен в диалектике, хотя когда-то имел неплохие оценки по истмату и диамату. Знаю, что все меняется, все течет и процессы развития общества необратимы: нельзя два раза зайти в одну и ту же воду в реке. Неотвратим процесс из-

менения жизни и нашей деревни. Меняются люди, обычаи, привычки, язык. И от этого мне становится иногда грустно.

Краснословье! Родное русское краснословье! Меня радует и волнует речь пожилых крестьян — эта поистине народная

кладовая слов-алмазов, золота пословиц и поговорок.

Спрашивая однажды ближайшую дорогу в один из колхозов, я услышал от встречной старушки такой ответ:

— Не пройти напрямиком-то, милый, река взыграла, вода — прибылица кругом.

Вода — прибылица! Придумайте такое!

Женщина, наблюдая за кошкой с котятками, которые весело играли после того, как насосались молока матери, негромко заметила:

— Середка сыта, так и края играют.

А как звучны названия одежды и утвари, посуды и орудий труда, предметов обихода. Веками люди пользовались великолепным словом «поскотина», и на смену ему пришло цивилизованное «пастбище». Исчезают из говора «гумна», «риги», «амбары». И вместо них появляются зерновые тока, кладовые, сушилки. Каждый скажет, что первые слова лучше, имеют запах и физически ощутимы.

А сеновалы! Знаменитые некрасовские сараи с духовитым разнотравьем лета. Какой охотник не находил здесь уют и отдых в осеннее ненастье, кто из крестьян в жару сенокоса не освежал в этом бревенчатом немудреном сооружении свои натруженные мускулы. Кто из деревенских парней не целовал здесь своих дroleй!

Но сеновалы — это не только покой и нега. Для мужика сеновал был нужен так же, как корова. Легче и выгоднее всего вести заготовку кормов там, где они есть. Вывернулся час-другой хорошей погоды, и смотришь, сено под крышей. Нет, недаром наши отцы и деды строили на лугах сеновалы. В стогу сено гниет сверху и снизу, вдобавок нередко стравливается скотом. Наконец, значительная часть сена в зимнее время остается под снегом на остожьях.

Сейчас традиция стариков забыта: сеновалы перестали строить и даже ремонтировать. Старые сеновалы догнивают без крыш или растаскиваются на дрова. От этого мне тоже до слез и больно и грустно. Почему же у тебя, хлебороб, отвернулось сердце от этих деревянных друзей, стоявших когда-то посреди травяного буйства лугов?

Чье сердце не щемили в молодости незатейливые звуки красномехой «тальянки»? Гармонь была постоянной спутницей сельской молодежи и на летних праздниках, и на зимних «посиделках», и на неповторимых по обычаям свадьбах. Подрастал парень, и ему обязательно покупали гармонь — значит парень жених. Какой же жених без гармонии?

Кто хоть раз видел сельские пляски «ленчики», «кадриль», «рабанские» и «корбанские» (счета им нет), тот не забудет их красоту и прелесть. Яркий вид цветастых сарафанов, самозабвенная дробь каблуков. Где всё это?..

Однажды ко мне в гости прилетел на несколько дней мой друг, литератор Андрей Меркулов. Мы ездили с ним от деревни к деревне, заходили в дома, беседовали с людьми. Он записывал частушки, старые песни, подолгу рассматривал разные прялки у старух и даже попросил у одного жителя подарить ему деревянную голову коня, которая раньше красовалась на фронтоне дома. Украшение было распилено на две части, упаковано и отправлено на аэродром. Писателю хотелось как можно больше узнать то, что осталось от исконно русского, северного.

В отдаленном сельсовете мы познакомилась с директором восьмилетней школы, заядлым театралом и любителем старины.

— Хотите, я организую вам на сцене клуба старинную кокшеньгскую свадьбу? — спрашивал учитель.

— Это же интересно, — обрадованно отвечали мы.

И через два дня в сельском клубе нам посчастливилось увидеть то, чего, наверно, никогда не увидишь. Ритуал старинного свадебного торжества был ярким, человечен и красочен. Мы слушали девичьи песни, причеты, присловья, смотрели лихие пляски, от души смеялись над остроумными шутками сватов. Слово на экране проходили сцены: «прощание с красотой», «красование», «свадебный поезд».

Четыре часа шла на клубной сцене старинная свадьба. Это была настоящая народная опера...

Хлеб —

всему голова

Хорошо, если в дальней дали встретишь человека, богатого душой, интересного и думающего собеседника. Незаметно знакомство перерастает в дружбу, а дружба, как известно, требует и встреч, и общений. Так у нас получилось с газетчиком Иваном Королевым. Мы с ним нередко вместе ходили (именно ходили, а не ездили) в командировки, по выходным дням в кино, катались вечерами на лыжах, сидели допоздна то у него, то у меня дома.

За промерзшими окнами трещит январский мороз, но нам уютно и никто не мешает. А за чашкой чая мы уже переходим к «земным» разговорам. О чем бы ни говорили два газетчика, они все равно часть своей беседы посвятят тому, чем живет человек сегодня.

— Двадцать второй съезд, — говорил Иван, — особое внимание обратил на материальную заинтересованность в труде, объявив ее важнейшим принципом строительства коммунизма. Это очень своевременно и правильно. Я вот иногда просто удивляюсь, как могли жить колхозники, получая годами копейки и граммы. Представь себе, если бы рабочему не выдали зарплату в конце месяца. Жить было бы нечем и шуму бы было по «завязку». А вот крестьянин мог жить и работать за «палочки» в бригадирской тетради. Сейчас дело изменилось к лучшему, колхозники, смотришь, своевременно получают за свой труд.

— Каково твое мнение о переходе на денежную оплату труда крестьян? — перебиваю собеседника.

— На мой взгляд, дело не совсем продуманное, — ответил Ваня. — И вот почему. Если горожанин в магазинах покупает буквально все, что необходимо для жизни, то крестьянин, кроме сахара, керосина, одежды и других промышленных

товаров, ничего не берет. Мужику кажется странным покупать в магазине мясо и молоко, он это все хочет вырастить и получить сам, в своем хозяйстве. А чтобы иметь мясо и молоко, нужны корма. Но колхознику перестали выдавать зерно. Значит корм для скотины он вынужден покупать где-то на стороне. Уже одно это отбило у мужика желание получать высокие урожаи хлебов и овощей. Не все ли равно ему, сколько на гектар картошки вырастет, если он за обработку этого гектара получил деньги. Я не отрицаю выдачу рубля, но и натуральная оплата должна существовать наряду с денежной. Пусть они идут пока вместе, дополняют друг друга.

Затем разговор перекинулся на то, какие качества нужны хорошему председателю колхоза. Мы перебрали наиболее характерные черты нескольких вожаков и пришли к выводу, что тот умен председатель, который заботится о людях. И опять-таки эта забота проявляется через материальную заинтересованность.

Председатель колхоза «Родина» Лобытов сказал мне однажды:

— Я не верю, что крестьянин научился работать и хозяйствовать на земле. Оплати щедро его труд — и мужик свернет горы.

В колхозе «Родина» умеют платить за работу мужика. Артель сеет 450 гектаров льна. Все знают, насколько трудоемка эта культура. Но здесь хорошо и вовремя управляют с «северным шелком». Почему? Все льяные площади здесь закреплены за звеньями. В каждом звене несколько женщин, и каждая из них выращивает от одного до трех гектаров льна. Льноводки работают на своих плантациях только два месяца в году (прополка, тербление, расстилка и

сьем), а получают много дополнительной оплаты от всего дохода за льнопродукцию. Выгодно ли это? Да, выгодно. Пожилая женщина Анна Золотова вырастила три гектара льна и получила тысячу рублей дополнительной оплаты. У Золотовой в райцентре полно родни, и летом на телебление приходили к ней по десяти человек — и внуки, и внучки, и дочери. В других звеньях та же самая картина: на лен выходят все члены семьи от мала до велика, ибо знают, что за труд получают с лихвой.

В некоторых колхозах картофель убирают до поздней осени, причем кое-как, добрая половина урожая остается в зем-

ле. В колхозе «Родина» делается так: накопал девять мешков — десятый твой. Вези его домой, откармливай кабана, зимой свинина к стати. И ни одного клубня на полосе не остается. Колхозу хорошо, и людям в самый раз. Здесь получают и зерно: ведь у каждого есть в хозяйстве куры, а разве плохо из собственной муки испечь пирог-рыбник или ржаной каравай. Крестьянин до сих пор считает испеченный у себя в печи хлеб вкуснее «магазинного».

Нет, что бы там ни говорили, не выдумывали, а пословица: «Хлеб — всему голова» — остается пока еще в силе, и ее не следует забывать.

руки

старой доярки

Осенние сумерки быстро спускались на голые, неуютные поля. Моросил нудный, мелкий дождь. Раскисшая, скользкая тропа через жнивье вывела нас к деревушке Горка. Около разболтанного за лето отвода, понунив голову, с опущенной нижней губой, обреченно мокла лошадь.

Пока искали скотный двор, пришлось долго плутать по кривой улице с фантастически глубокими колеями, полными воды.

Попавшаяся навстречу пожилая женщина показала на длинное темное помещение на глинистом косогоре.

Успели к началу вечерней дойки. По пружинящему настилу прохода, гремя ведрами, сновали женщины. Желтый свет запыленных электрических лампочек не позволял различать их лица. Доярки сидели на корточках, зажав коленями ведра. Молоко струйчато звенело в подойниках. Не разгибаясь, они выдаивали одну корову, затем другую, третью, четвертую...

Смахнув рукавом капельки пота, одна доярка заметила нас, недовольно сказала:

— Мужиков бы заставить доить, узнали бы, почем фунт лиха. Ракеты придумали, землю конями пахать разучились, каждому молокососу теперь машину подай, и только у нас все одно и то же: дергай руками с утра до вечера коровьи соски...

К нам подошли еще три женщины. Одна из них, невысокая, плотная, со скуластым добрым лицом, поддержала подругу.

— Электродойка нужна для облегчения. Боремся за коммунистическую ферму, а механизации кот наплакал. Моя прабабушка так же коров обряжала...

Вместе с доярками уходим со двора. Валентина Александровна Смирнова пригласила нас в свой дом.

И вот мы сидим в просторной чистой комнате с неприятательным деревенским уютом. Хозяйка рассказывает о своей жизни.

С первого дня организации колхоза тридцать лет изо дня в день поднимается она на косяг, где стоит коровник. Много надоила Валентина Александровна молока от своих буренок за эти годы.

Смотрим на ее руки, крупные, покрасневшие.

Заметив наши взгляды, доярка спрятала их под цветистый передник.

— От работы это, — смущенно сказала она. — Бывает, зануют, подержу их в теплой воде, и помогает. Зоотехник как-то в беседе говорила, что нужно сделать двести сжатий кулаком, чтобы выдоить один килограмм молока. А в день я надаиваю по 180 и больше литров. Посчитайте: большая цифра получается.

Валентина Александровна помолчала немного и заметила:

— Вот в газетах часто пишут, что доярка такая-то надоила от каждой коровы по пять тысяч литров. Может быть, это и подвиг, но ведь сколько она затрачивает ручного труда на эти килограммы! Машиной было бы все делать легче. Ручная дойка давно отжила свой век. Вот мы, старые люди, уже привыкли, а молодежь неохотно идет в доярки, им нужны механизмы. Народ пошел грамотный и постарому работать не хочет. В самом деле, на своей ферме мы находимся по двенадцать-четырнадцать часов, а ведь молодым нужно и в кино сходить, и на танцы, и на любовь время выбрать...

Рассказываю Валентине Александровне о супругах Заботиных из совхоза «Шуйский» Ивановской области. Муж и жена, вдвоем, обслуживают триста коров. На помощь им пришла механическая дойка. В день супруги Заботины надаивают 2800 килограммов молока.

Это в десять раз больше, чем при ручной дойке.

— Хорошо бы так сделать и у нас, — оживилась женщина. — Ведь можно же. В области на заводах изготовить доильные агрегаты. За металлом не надо далеко ездить, Череповец рядом.

Уходя от доярок, твердо решил побеседовать о механической дойке с экономистами, зоотехниками, партийными работниками. Был уверен, что их также волнует этот вопрос.

И не ошибся.

Встретился с экономистом колхоза «Родина» Василием Осиповичем Савановичем.

— Смотрите, что получается, — сказал он. — В области сейчас работает несколько тысяч доярок, не говоря уже о других колхозниках, связанных со сбором и транспортировкой молока. Если в ближайшее время не приступить к механизации дойки, то к концу семилетки, когда поголовье коров увеличится, потребуется еще несколько тысяч доярок. Но уже сейчас многие колхозы испытывают большую нужду в рабочей силе. Каков же выход?

Есть только один путь: механизация на фермах. Труд доярки должен стать похожим на труд заводской работницы у станка.

Василий Осипович взял арифмометр. Защелкал немудреный бухгалтерский аппарат.

— Вот что получается, товарищи. Пятьдесят процентов средств от реализации молока идет на оплату труда животноводов.

И это из-за ручного труда. Вот почему себестоимость молока еще непомерно высокая.

Экономиста поддержала главный зоотехник колхоза Т. К. Гусихина.

— Машинная дойка дает возможность получить молоко низкой кислотности, до 17 градусов. При ручной дойке кислотность обычно составляет 18—19 градусов. Только на этом колхоз теряет в год тысячи рублей дополнительного дохода. А на эти деньги можно бы купить несколько доильных аппаратов.

Насколько необходима механизация доения, убедились на примерах других колхозов и совхозов Вологодского района.

Сейчас в хозяйствах района восемь тысяч коров. Их обслуживают 700 доярок.

К 1980 году район по плану должен иметь 16 200 коров. Это значит, что потребуется еще не мало доярок. Чтобы заменить ручной труд на фермах, на помощь колхозам должна прийти механизация.

Весенние ветры

Планета поворачивается к весне, к солнцу. В полдень уже можно греть спину от парящего в зените светила. Со стальных длинных сосулек, свисающих с застрехов, бегут светлые, как слезы, капли. Райцентровские мужики деревянными лопатами сбрасывают с крыш всем надоевшую зиму. Крупные спрессованные комья снега обвалом летят вниз, образуя перед пешеходами рассыпчатые невысокие барьеры.

Скоро весна — весна переломная, необыкновенная: так пишут в газетах. Появилось сообщение о предстоящем мартовском Пленуме Центрального Комитета. Вопрос — перестройка руководства сельским хозяйством. Докладчик Никита Сергеевич Хрущев. Партия будет говорить с народом о том, как быстрее наладить дела в деревне, как лучше и оперативнее вести руководство, чтобы стол у рабочего и колхозника был богаче и обильнее. Это сообщение радует, ободряет, вселяет надежду, придает силы.

И в райкоме партии, и в райисполкоме, в каждом колхозе о Пленуме говорят с большой надеждой, все ждут необыкновенных перемен. И это вполне законное желание: каждый, кто связан с деревней, хочет видеть ее иной, ибо экономика колхозов должна идти более крупными шагами. Этого требуют время, эпоха, люди...

Сколько дельных мыслей и предложений слышишь от руководителей райкома, и от председателей артелей, и от простых хлеборобов. Держали люди под спудом свои выношенные мысли, и вот эти мысли сейчас вырвались наружу, как воды вешние из-под снега. Колхозники с жаром спорят о таких проблемах, что вчера бы они показались кое-кому абсурдными. Хорошо, что народ полным голосом может говорить о том, что думает,

забывая год от года о зловещем культе личности.

Весенние ветры — хорошие ветры! Пусть будут туго натянуты паруса наших душ и сердец, ведь нам далеко плыть...

После обеда зашел в райком партии. Только что закончилось заседание бюро, на повестке дня которого стоял вопрос об искусственном осеменении скота в районе. Секретарь райкома партии Анатолий Иванович Вересов пригласил к себе в кабинет.

— Что нового слышно? — спрашиваю секретаря.

— Кое-что есть, — ответил он. — Говорят, что будут межрайонные управления по руководству сельским хозяйством. Впрочем, и для вас, газетчиков, кое-что придумано. Районные газеты, видимо, будут упразднены. Наверное, создадут межрайонные газеты при управлениях.

Анатолий Иванович задумался, раскрыл новую пачку «Беломора», предложил закурить и мне. Заядлые курители знают, как необходима папироса в волнующем разговоре. С дымом и беседа плавнее течет и мысль становится обостреннее и яснее.

— Повестку сегодняшнего бюро ты знаешь, — говорил секретарь. — Конечно, искусственное осеменение — вопрос очень важный, но его вполне бы можно было обсудить и не в райкоме партии. Но представь, что сейчас негде этого сделать. В райисполкоме полно отделов: и райфо, и райплан, и райсобес, и районо, но только нет отдела по руководству сельским хозяйством в районе. Сейчас по существу за дела в колхозах никто не отвечает. Племенная работа запущена, колхозные бухгалтерии не проверяются, специалистами колхозов никто не руководит. Получаются прямо-таки парадоксы.

Наш мясокомбинат сейчас превратился в поставщика породистых хряков и коров. Звонят недавно с мясокомбината: «Нужен какому-нибудь колхозу элитный хряк, привезли на убой из дальнего колхоза?» Отвечаем: «Конечно, нужен». А ведь его с успехом могли бы превратить в ветчину, если бы не нашлись люди, болеющие душой за дела в колхозах. Раньше, в давние годы, хоть райзо что-то делало, а сейчас и этого отдела нет. Я думаю, что перестройка даст пользу.

О неконкретности в руководстве сельским хозяйством мне говорили многие вожаки колхозов. Но особенно запомнился разговор с председателем «Дружбы» Степаном Ивановичем Федоренко.

— До чертиков надоели всякие совещания в райцентре, — густо басил он. — Я вот в январе только пять дней был в своем колхозе. Бесконечные активы, собрания, семинары, конференции... А мне нужны не совещания, а техника, чтобы не рубили опять мужики кукурузу топорами. Вот и позавчера было совещание в райкоме. О чем оно, зачем меня туда вызывали? Да затем, чтобы сказать, что навоз — это удобрение, корми корову — и она даст много молока. А я-то раньше и не знал этого, хотя пятнадцать лет работаю председателем.

Мне, как газетчику, приходится тоже часто бывать на всевозможных совеща-

ниях. Их настолько много, что надоедает писать отчеты, которые, между прочим, уже набили оскомину и читателям. Но главная беда не в этом. Дело в том, что на этих собраниях, совещаниях, пленумах присутствуют одни и те же люди. На протяжении многих лет одни и те же лица сидят в президиумах, вызываются на разные семинары и активы. Если проходят совещания передовиков сельского хозяйства, то добрая половина участников — руководители колхозов и совхозов, партийные работники, активисты. Мне кажется, что это не совсем правильно. Нужно больше привлекать людей труда, которые внесли бы много свежести в работу совещаний, дали бы ценные советы, сами бы чувствовали себя настоящими хозяевами дел, обсуждаемых на собраниях. А когда на совещание собираются почти одни руководители, то выходит, что они сами себя агитируют. А ведь агитировать-то надо народ!

Совещания в области плодят совещания в райцентрах, райцентры плодят совещания в низах и так далее. Получается цепная реакция! Отнимается масса времени от организаторской работы на местах...

А весна идет безудержно и неумолимо. Она отодвигает к северу снега, будоражит сердца хлеборобов своей новизной и ожидаемыми свершениями. В добрый путь, чудесное время года!

Олег КВАНИН

РАБОТА

Пусть в руки не возьму блокнота,
Строки не выведу пером,
Как дед мой, стану век работать
Веселым, звонким топором.
По-плотнички немногословен,
Иным уменьем пригожусь —
Из солнечных сосновых бревен
Светлее песни дом сложу,
Чтоб был, как песня, синюю залит,
Чтоб жил, как песня, сотни лет,
Чтобы, войдя, сказал хозяин:
— Да, ты не плотник, ты поэт!

НИКОГДА...

Никогда по росе
Босиком не бродил он,
Никогда он не видел,
Как солнце всходило.
Не любил поездов он
Ни дальних, ни дачных,
И не помнил с рождения
Дней неудачных..
Не с того ли
И радостных дней у него
Тоже не было..
Ни одного...

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Котфенку сбросить с плеч!
И вот в сияньи жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам.
Она их подметает,
Чтоб ноги не обжечь,
И шаньги на сметане
Начинает печь.
На окнах иней розовый —
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И стали у ворот.

И вот уж двери настезь,
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.
А от порога катится
По половицам пар
К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.
И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть.
Котфенку сразу — где уж там! —
Успеешь ли надеть.
— Да что ж ты, Настя, прячешься?
Ведь я к тебе — навек!
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И, как десять рыжих коров,
Что отбилась от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол —
Впору водку хлестать со зла:
Рожь, какая она была!
Он от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом, васильковом дне,
И катилась над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны,
Сине-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей.
Эти синие чаши до дна,
Стали б руки еще сильней
И выпрямилась спина.

...Дождь, дождь, дождь.
Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, газик, не выдавай,
Ну-ка, газик, газу давай!
Ноет сердце — в поля, сквозь дождь!
И машина летит рыча.
Речка, лужа — не разберешь.
Газик, старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
Ничего, — говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе —
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе.
Ничего, — говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять —
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!
Ну-ка, газик, не выдавай,
Ну-ка, газик, газу давай!
Темнота и морось кругом,
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

Николай УГЛОВСКИЙ

НАКИПЬ

(РАССКАЗ)

Этого нельзя забыть... Нельзя забыть хотя бы потому, что с этого все началось. Оба они тогда были очень, очень молоды и полюбили впервые. Это он знал точно. Переживания тех далеких, грозных и счастливых дней до сих пор неистребимо жили в нем, и казалось странным, что он не мог вытравить их, когда все так переменялось. Они возникали в его душе даже в самые тяжелые минуты семейных ссор, и тут он ничего не мог с собой сделать.

Это было нечто необъяснимое...

Вот и сейчас, когда Андрей весь внутренне дрожал от негодования и отвращения к тому, что происходило, и говорил облитые горечью слова, его память, словно издеваясь и мстя ему, злорадно подсовывала обрывки все тех же воспоминаний, и он временами не видел теперешнего перекошенного от злобы лица жены, хотя и смотрел на нее, а видел то, что скрывалось за этой злой гримасой — наивную, милую улыбку, озорные, смелые глаза и чуть обозначившуюся упрямую складку между черных бровей. Тогда эта складка появлялась редко, хотя, если припомнить хорошенько, не так уж редко. Отчего она появлялась — он забыл. Зато помнил, как быстро складочка исчезала, стоило лишь прикоснуться к ней губами.

И еще он помнил...

Но тут лицо жены внезапно приблизилось к нему через стол, и Андрей поспешно отвернулся. Стыснув зубы, еще раз

выслушал перечень своих проступков и прегрешений... Да, слышал он, теперь ему не отвертеться, всему городу известно, как он по-хамски ведет себя в семье, где бывает после работы. Как он после этого покажется людям?..

«Хорошо, что нет дома ребят», — подумал Андрей и устало сказал:

— В общем, спасибо за услугу, Тамара. Я и не знал, что ты жаловалась в райком не в первый раз. Хотя... пора бы уж знать. Ну, что ж, ты своего добилась. Могу порадовать: мне не только дали выговор, но и сняли с работы. А дальше что?

— А ты думал, по головке поглядят? Пьянствуешь, где-то пропадаешь по вечерам, домой половину полочки приносишь, а я бы молчала? Не на таковскую попал. Теперь-то возьмешься за ум, хватит. А нет — я опять в райком пойду. Добьюсь, что и из партии вышибут. И не думай, что тебе семью позволят бросить. Что положено — отдашь, как миленький...

— И тебе нравится такая семья?

— Ты сам ее разбиваешь.

— Я? — Андрей взглянул на жену и спустил голову. — Не знаю, может, и сам. Но как же это могло случиться? Почему?

— Не шляется бы да не пил... Другие мужья все в дом несут, а ты скоро из дому потащишь. Дети вон неделями тебя не видят.

— Да, дети... Ты всегда спекулировала тем, что я плохой отец. Ты ежедневно твердила им, будто я их не люблю. Чего

ты хочешь? Какой ты стала, Тамара? Неужели...

Он опять, но теперь уже с каким-то недоумением, которое, как видно, ему хотелось разрешить вместе с ней, поднял на жену глаза и встретил все тот же непримиримый, ненавидящий взгляд. Слова застряли у него в горле, и он произнес их про себя: «А помнишь, как было там, на фронте? Там ты была совсем другой. И мы любили и уважали друг друга. Как же ты могла это забыть?»

Ему стало стыдно за те бессвязно покаленные слова, которые он говорил вслух, и тошно от мысли, что ее и на этот раз не тронет заветное: «А помнишь?..» Она не помнила или не хотела вспоминать. Может быть, просто не могла представить, что это было, было... Лишь однажды, когда он заговорил об этом и упрекнул ее, что она стала черт знает кем, Тамара словно очнулась, темные глаза ее, всегда настороженные и подозрительные, на мгновение увлажнились (возможно, это только показалось Андрею), она посмотрела на него как-то растерянно и сказала: «Ты сам сделал меня такой...» Но тут же, видимо, устыдившись собственной слабости, осыпала его градом обвинений.

Раздосадованный Андрей не придавал тогда значения ее словам, сказанным в первую минуту растерянности, его охватило, как это бывало не раз, глухое отчаяние, из которого, казалось, не было выхода. Жизнь сломалась, это было ясно, и все-таки он на что-то надеялся. И только сегодня почувствовал, что надеялся зря. Он Тамаре не нужен. Они чужие друг другу. Как он не понимал этого раньше? Да нет, понимал, пожалуй, но не хотел верить. Потому что не мог забыть того, что было много лет назад...

Он встал и прошел в соседнюю неосвещенную комнату, так и не сняв пальто. Тамара принялась за прерванное его приходом мытье посуды. На керосинке подогревался ужин. Где же так долго бегают ребята? Сидевший на курятнике кот недовольно жмурился от яркого электрического света. Горка вымытой посуды росла. Откуда ее столько? Зачем?

Со своего стула, на котором Андрей любил по вечерам читать газеты, ему было

хорошо видно, что происходило на кухне. Вот Тамара вытерла стол и пошла мыть руки. Все как обычно, даже демонстративный и вызывающий звон убираемой в шкаф посуды, словно Тамара хотела разбить хотя бы одну тарелку и потом сказать: вот до какого состояния он ее довел...

Андрей смотрел на жену и пытался заставить себя обдумать, что предпринять завтра. Ведь его, собственно, не сняли с должности инструктора, но пригрозили послать на так называемую «низовую» работу. Скорей всего, в колхоз. Ну и отлично, он уедет из райцентра. Пожалуй, в колхозе от него будет больше пользы, а главное — он избавится от этих дразг. Должен же когда-то наступить конец.

Тамара поставила на керосинку чайник и села за вышивание. Вышивание — ее любимое занятие, ему она отдается всей душой. Лицо ее становится спокойным и сосредоточенным, лишь многочисленные морщинки на лбу выражают озабоченность, когда Тамара подбирает нитки к замысловатой канве. Андрею всегда казалось, что в эти минуты думают вот эти морщинки, а не сама Тамара. Неяркие, с красивым изгибом губы тоже шевелятся как бы в раздумье. Ох, как давно не видел Андрей на этих губах той давней, наивно трогательной, ласковой улыбки! А глаза... Разве тогда у нее были такие глаза? И он, забыв о своем нынешнем положении, а может быть, сознательно уходя от него, отрешаясь от постылой обыденности, опутавшей его, дал волю памяти.

Вот как это было...

В конце ноября 1942 года мотострелковая бригада, в которой служил Андрей, приняла первый бой. Это было юго-восточнее Ржева. Все три ночи, пока они продвигались к фронту, бушевала снежная пурга. Дороги перемело, машины не шли, а проталкивались руками и плечами.

В последнюю ночь вперед пустили танки, ехать стало легче. Оставшись без дела, солдаты могли наблюдать, что происходит вокруг, и у многих сердце сжима-

лось от тоскливого предчувствия. Фронт, казалось, был совсем рядом — впереди, слева и справа. Бледно-голубые звезды ракет вспыхивали повсюду. Мгновение подрожав в своей высшей точке, они стремительно срывались вниз и таяли. Было такое впечатление, что ракеты гасли чуть ли не перед носом головной машины. Андрею было жутковато, но он был командиром взвода и на встревоженно-недоуменные вопросы солдат отвечал, что едут они правильно.

Ночь, подозрительно притаившийся по обеим сторонам дороги лес, далекие и близкие разрывы, мертвенно-бледный чужой свет ракет, то и дело вырывавший из темноты батальонную колонну, — все это вызывало у новичков смешанное чувство подавленности и незащищенности. Там, в тылу, они представляли войну совсем иначе.

В томительные минуты, когда колонна останавливалась, ее обходил комиссар батальона Лузанов. Это был пожилой, с седыми висками, но по-юношески непоседливый, шумный, грубовато веселый человек. В батальоне его любили, больше того — им гордились. Все знали, что Лузанов — участник гражданской войны, до последнего времени был райвоенкомом, на фронт приехал в собственной длинной кавалерийской шинели и с шашкой былых буденновских времен. Эта шашка одних умиляла и восхищала, у других вызывала ехидные шуточки. Комбат не раз просил Лузанова снять эту «игрушку», а комиссар возмущался и говорил, блестя молодыми глазами: «Она еще мне послужит, как служила в былые годы».

Звучный напористый голос Лузанова слышен был отовсюду. Он кричал:

— Как настроение, братки? Скоро приедем, потерпите. Видите, фриц волнуется, кидает ракеты куда попало. Страшно ему ночью на чужой земле. Веселей, орлы, носом не клевать, невест попусту не вспоминать. За нами кухня едет, поутру отогреемся горячей кашей и — вперед на запад!

Бойцы веселились от этих звонких слов, улыбались, подмигивали друг другу, переговаривались.

На рассвете спешили — дальше дороги не было. Роты гуськом прямо по снежной целине двинулись на исходные. День начинался хмурый, низкие, грязновато-белые облака неподвижно нависли над тревожной, грохочущей взрывами землей, зато чуть потеплело, а главное — все встало на свои места. Справа, за невысокой грядой снежных холмов, был враг, а слева и впереди шли свои, тут была своя земля, отвоеванная, как слышал Андрей, всего два дня назад. Теперь он не испытывал никакого страха — может быть, потому, что его мысли были заняты другим — заботой о взводе. Позже он понял, какое это великое, всезаключающее чувство — чувство ответственности за людей, особенно в бою.

Из-за холмов стреляли. Правда, мины рвались в доброй сотне метров от взвода, но Андрей всякий раз оглядывался, смотрел, все ли в порядке, нет ли отставших. Вдруг все услышали пронзительный, немолимо нараставший не то свист, не то шипенье, и вслед за тем увидели, как впереди о землю ударились черная противотанковая «болванка», срикошетила, снова взмыла вверх и, кувыркаясь, с фырканием пронеслась еще метров полтора и зарылась в снег.

— Вот это да! — почти с восхищением сказал один из бойцов. — Такая сразу голову отвернет.

— Случайная. Видать, наши танки на исходную вышли, — отозвался другой.

Батальон втянулся в глубокий и узкий, с крутыми обледеневшими боками, овраг. Взглянув вверх, Андрей заметил на восточном скате два немецких блиндажа. В дверях одного из них стояли комбат и комиссар. Оскользясь на вырубленных в промерзшей земле ступеньках, туда тянул провод знакомый Андрею земляк связист Окулов.

В овраге скопилось немало частей, он буквально кишел людьми. Андрей понимал, что лучшего места для сосредоточения войск не найти, но он понимал также, что противник не хуже нашего знает это. Ведь немцы ушли отсюда недавно. Через полчаса начался шквальный обстрел. Мины рвались непрерывно, и люди сбивались под спасительным западным склоном.

Все-таки вскоре появились раненые. Первым был ранен солдат-узбек, неизвестно почему появившийся на верху опасного восточного склона, там, где находились блиндажи. Возможно, он был послан куда-то и теперь возвращался кратчайшим путем. Солдат упал, словно поскользнулся, съехал на спине вниз метров на десять и больше не поднялся.

Вот тогда-то Андрей в первый раз и увидел Тамару. Он, правда, встречал ее на марше, но как-то мельком и даже не запомнил ее лица. Наверное, она появилась в санчасти батальона недавно.

Как только узбек упал, из блиндажа выскочила маленькая неуклюжая фигурка в белом маскхалате и на четвереньках быстро-быстро поползла вверх. Сумка с красным крестом волочилась у нее сбоку. Вот она добралась до раненого, склонилась над ним, потом все увидели, как она достала из сумки пакет. В это время одна из мин разорвалась совсем рядом.

Во взводе заволновались.

— Ребята, да ведь это наша Тамарка!

— Что же она делает? Неужели пере-зывать хочет? Убьют же!

— Тащила бы в блиндаж, там и пере-вязала бы.

— Чудак, ей его и с места не сдвинуть. Силенок-то! А у него, может, сломано что...

— А где же остальные наши санитары?

— Они с машиной сюда пробиваются, а Тамарку комбат с собой взял. Я видел, как она с ним шла.

Андрей, повинуясь какому-то безотчетному порыву, хотел уже бежать на помощь Тамаре (позже он сообразил, что это было бы бесполезно), но она сама догадалась, как действовать. Подхватив раненого под мышки, она медленно — очень медленно! — стала спускать его вниз. Кто-то, переждав серию разрывов, выбежал из блиндажа и помог ей. Раненого внесли в блиндаж.

Это было жутко и в то же время, непонятно почему, радостно. Андрея охватила нетерпеливая дрожь. Чего они здесь стоят? Кого ждут? О чем там думает начальство? Это становилось невыносимым, хо-

тя Андрей не мог не понимать, что если ждут, то, значит, так надо.

Они ждали до полудня. Первыми, угрожающе и слитно урча, из оврага вышли танки, за ними батальон Андрея (первая рота села на танки и с ними — комиссар Лузанов), следом — подразделения соседнего стрелкового полка. Андрей знал боевую задачу: им предстояло выбить гитлеровцев из деревни Осиновище, а затем и с опушки леса, за которым у них уже было укрепленных позиций на много километров. По деревне была наша артиллерия, скоро там начался пожар, но пламени не было видно, а только один дым, низко стлавшийся по земле. Взвод перебежками продвигался справа от дороги, стараясь не отстать далеко от танков. Стрельбы со стороны немцев вроде бы не было, но вдруг один из танков остановился и задымил. Увязая в снегу, задыхаясь, весь потный под полушубком и халатом, Андрей бежал к этому танку, рассчитывая немного отдышаться под его защитой и затем сделать решительный бросок.

Но тут бешеный минометный и автоматный огонь прижал его к земле. Андрей успел заметить, что танки сворачивают с дороги, растягиваются в цепь. Десантников уже на них не было.

«Что же это? Не могут же они одни...» — пронеслось у Андрея в голове, и он тут же вскочил, яростно взмахнул своим бойцам свободной рукой и упал от какого-то толчка. Ударился лицом в снег и даже обрадовался ожегшей потное лицо прохладой. «Умыться бы», — мелькнула нелепая мысль, и Андрей в самом деле снял с левой руки перчатку, провел ладонью по лбу, растирая снег.

— Ранены, товарищ лейтенант? — услышал он сбоку жаркий голос и обернулся на него.

Рядом лежал сержант Огуречников, самый пожилой во взводе и при случае втихомолку подтрунивавший над молодостью взводного командира.

— Как ранен? — не понял Андрей.

— Да упали же как-то сразу, я и подняться не успел.

— Подожди... — только сейчас Андрей ощутил в левой штанине, пониже колена,

что-то мокрое и липкое. Попробовал двинуть ногой и невольно сморщился от боли.

— Черт, в самом деле...

— Больно? — спросил Огуречников, хотя можно было об этом и не спрашивать. — Ну, значит, кость задело. Может, и напрочь, это свободно. У меня так же в финскую... Придется тащить.

— Ни в коем случае! — стыдась за свою нелепую рану, сказал Андрей. — Перелома нет, я чувствую. Давай вперед. Огуречников, танки же уходят. А я сам доберусь.

— Геройски, конечно, — усмеялся Огуречников, — а только зря. Можете и замерзнуть, это свободно.

— Санитары подберут. Передай Витальеву — остается за меня. Он где-то справа бежал.

— Есть. Ну, держись, товарищ лейтенант. Отползайте к дороге, там помогут. А я пошел.

Огуречников перевернулся на другой бок, приподнял голову, узко сведенными жесткими глазами осмотрелся вокруг и вдруг, будто кинутый пружиной, вскочил, зигзагами побежал вперед...

До оврага Андрей добрался уже в полной темноте. Помог дойти связист Окулов, раненный в плечо. Встретившийся по дороге старшина роты Прянишников сказал, что перевязочный пункт находится в блиндаже. Андрею по-прежнему было до крайности стыдно за свое ранение, и он отводил глаза от встречающих, спрашивавших, как дела на передовой. Между тем он чувствовал, что дела обстоят неважно. Гроыхало все на том же месте, перед деревней. Она горела теперь, как огромная куча хвороста. Пламя охватывало полнеба, колыхалось из стороны в сторону, словно багрово-красное гигантское полотнище на ветру, и временами, казалось, доставало до облаков. Даже здесь, в овраге, было светло от этого порестного, обжигающего сердце пламени.

Около ступенек, ведущих в блиндаж, Окулов остановился передохнуть, критически оглядел Андрея.

— Давеча я здоровый еле добрался, а теперь... — и он оглянулся, ища глазами, кто бы мог им помочь.

— Полезли, — сказал Андрей и опустился на землю. Упираясь здоровой ногой, он влез на первую ступеньку, потом на вторую, третью... Все они были обиты сотнями ног, обледенели, казались круглыми. Добравшись до сравнительно надежного места, Андрей и Окулов отдыхали, затем снова лезли вверх. И вот уже чья-то рука ухватилась за Андреев рукав, еще усилие — и он оказался на узенькой площадке у самой двери.

— Встать можете? — деловито спросила Тамара.

— Могу. Дайте руку.

Он встал, и Тамара ввела его в блиндаж. За ним, жмурясь от света лампы-гильзы, вошел Окулов.

На просторных нарах лежало человек десять раненых. Андрей разглядел, что трое из них с шинами на ногах.

Ни стула, ни чурбака в блиндаже не оказалось, раненых Тамара перевязывала на полу, возле лампы. Теперь она была не в маскхалате, а в гимнастерке и форменной юбке. Волосы Тамара, как видно, убирала под шапку, но при работе они то и дело выбивались, она машинально подтыкала их обратно и всякий раз безуспешно. Андрей зачарованным взором следил за нею. Так странно было видеть в этом мрачном, приземистом блиндаже, с пятнами крови и кровяными обрывками бинтов на грязном полу, среди грохота, боли и смерти эту красивую темноглазую девушку в несуразной одежде. Но если бы ее не было, эти раненые, успокоенно лежавшие на нарах, не были бы перевязаны и согреты, да и сам Андрей не знал бы, куда прислониться в холодную ночь. Значит, была такая необходимость, чтобы она оказалась здесь. Но как же ей, наверно, тяжело! Андрей смотрел на ее раздумывавшееся, усталое лицо, на ее руки, такие маленькие и слабые, на всю ее деловито несуетливую, сосредоточенную фигурку и вдруг понял, что ни о чем таком она сейчас не думает, а делает свое дело и, кажется, немного волнуется, как бы не сделать его плохо. Ведь это тоже был ее первый бой...

И он почувствовал к ней такую благодарность, и нежность, и восхищение, а вместе с тем и жалость за то, что ей приходилось и еще придется пережить на войне, что Андрею представилось кошунственным и постыдным утруждать девушку помощью ему, молодому и сильному и к тому же столь глупо выбывшему из строя в самом начале боя.

Когда она спросила, куда он ранен, Андрей поспешно сказал:

— Пустяки, ногу задело. Дайте бинт, я сам. Вот его перевяжите, у него осколок в плече.

Окулов стал возражать, но Андрей уже взял перевязочный пакет и принялся стаскивать валенок. Тамара пожалала плечами и занялась Окуловым.

Андрея встревожило, что пуля осталась в ноге, лечение могло затянуться, но уже тогда он твердо решил не эвакуироваться из бригадного медсанвзвода и вернуться в свой батальон. Он оторвал намокший низ штанины, забинтовал ранку и отполз в угол, чтобы освободить место у лампы для других раненых.

А они шли и шли. Как они взбирались сюда по обледенелой круче — Андрей не мог понять. Но как только раненые добрались до уютно горевшей лампы, они сразу как-то обмякали и становились беспомощными. Спадаало нервное напряжение, появлялась боль, а раненые знали — и имели на это право — что теперь кто-то должен, обязан был о них позаботиться, сделать так, чтобы им было тепло и не больно. Иной полз сюда с перебитой ногой и ни разу не застонал, а сейчас не мог даже шевельнуться без огненных брызг в глазах. Но были и такие, у кого и рана-то оказывалась пустяковой, однако они требовали к себе особого внимания, охали, просили пить, перевернуть на другой бок, переменить повязку и возмущались, когда Тамара не успевала одновременно поспеть ко всем.

Андрей, неотрывно, с замирающим от нежности и изумления сердцем наблюдавший за нею, был поражен ее душевной стойкостью, невинным терпением и добротой. Но временами она умела быть и строгой, потом Андрей понял — почему: если бы Тамара потворствовала, ее за-

мучили бы капризами и жалобами, и она не выдержала бы. Но когда она научилась всему этому? Ей, наверно, не было и восемнадцати лет.

К полуночи блиндаж был битком забит ранеными. У Тамары остался лишь небольшой кружок свободного места у лампы, и она даже не могла пробраться к тем, кто лежал на нарах и нуждался в помощи. Кончились бинты. Нечем было дышать. Начался ропот. Все спрашивали Тамару, почему их не отправляют, пусть она идет к начальству и требует транспорт. Не подыхать же им здесь. Как в бой, так нужны были, а ранили — никому и дела нет...

Измученная, с трясущимися от усталости руками, она поворачивалась на своем «пяточке» во все стороны и в десятый раз убеждающе повторяла:

— Ну, потерпите еще немножко, из штаба же звонили, что машины вышли. Пурга же была, дороги трудные... И наша санитарка придет, там и морфий есть. Ну, может, еще полчаса, а может, и меньше. Всех отправлю, не волнуйтесь. Да я сейчас сбегаю, посмотрю.

Как была в гимнастерке, так и выбежала на улицу. Вернулась минут через пять, радостно объявила:

— Есть одна машина, только необорудованная. Порядок будет такой: поедут сейчас те, кто ранен тяжело, но может сидеть.

Поднялись все, кто мог встать, но Тамара загородила выход и сказала, что «если будет такой кавардак, то не поедет никто».

И ни один, даже из самых горластых, не осмелился ни толкнуть, ни оскорбить ее грубым словом. Не из жалости или боязни, а из уважения к тому, что она сделала для них в эту ночь.

Через полчаса приехала санитарная машина и увезла лежачих. Их спускали на носилках немислимым способом: ставили носилки на землю, санитар садился на собственный зад и, притормаживая таким образом скольжение, съезжал с живым грузом вниз. Иного выхода не было... Стиснув зубы и вцепившись в носилки, чтобы не вывалиться, раненые не стонали попусту, иные шутили...

В блиндаже осталось человек шесть, кто не мог ходить, но вполне мог подождать до утра, в том числе и Андрей. Пока шла эвакуация, он дремал, привалившись спиной к бревенчатой стене, но и сквозь дрему слышал звонкий, требовательный голос Тамары, распорядившейся погрузкой раненых.

«Сумасшедшая, она же простудится там», — со страхом подумал он, но, вспомнив слова Огуречникова: «На войне, брат, не простужаются, не до этого...» — несколько успокоился. Тамаре сейчас действительно было «не до этого».

Укладываясь на нарах спать, боец из первой роты, Волков, вдруг окликнул Андрея, со вздохом сообщил:

— Убили нашего комиссара, товарищ лейтенант. Чудак, а жалко... Когда мы поехали, он тоже влез на танк, шашку свою выхватил и кричит: «Вперед, орлы, смерть немецким оккупантам!..» И главное, в фуражке был, так на шапку и не сменил. Ну и цокнули, конечно. Он это думал, наверно, как в гражданскую — с шашкой... А смелый был человек, ничего не скажешь. Душевный.

— Да, — грустно отозвался Андрей, считая излишним высказывать свои чувства по поводу гибели Лузанова. — Деревню-то взяли, Волков?

— Меня там и ранило. Он сам отошел, а у леса засел — и ни в какую. Придется нашим завтра выбивать. Только вот я о чем думаю: ежели мы за каждую деревушку так тяжело биться будем, когда же до границы дойдем? Их, деревушек-то тысячи и тысячи. Да еще городов сколько...

— Но ты же веришь, что дойдем?

— Само собой, но тяжеленько достанется. Вот ежели бы порядка да техники побольше, тогда, конечно...

Андрей не ответил, и Волков затих. Но Андрей продолжал думать о том, что сказал солдат. Он не мог предугадать, как дальше пойдет война, однако не сомневался, что пойдет как-то иначе, и не будет проливаться столько крови за каждую деревню. Главное — научиться воевать, а техника будет.

Наконец, вернулась Тамара, внимательно оглядела блиндаж, заметила, что

все, кроме Андрея, спят и обратилась к нему:

— А вы почему не уехали? Я бы нашла для вас место.

— Мне не к спеху. Подожду до утра.

— Как ваша нога? Не болит?

— Да вроде бы нет...

— Дайте-ка я посмотрю.

— Не стоит, все в порядке. Вы оденьтесь, а то и в самом деле простудитесь.

Но она уже взялась своими маленькими, чистыми и красными руками (наверно, оттирала их снегом) за валенок и ловко стащила его с ноги. Размотала сбившуюся повязку, прощупала ранку, сказала:

— Слепое ранение, значит, пуля на излете была. Ну, не беда, вырежут. Лишь бы нагноения не получилось.

Она смазала кожу вокруг раны иодом, снова забинтовала.

— Ну, а теперь можете спать. Я разбужу, когда машина придет.

— Я уже выспался. Давайте так: ложитесь вы, а я вас разбужу. Вы же едва держитесь на ногах.

— Нисколько. И спать мне не хочется. Знаю, что не уснуть. А и правда, холодно что-то. На улице вроде теплей было.

Она набросила на плечи полушубок, порылась в его карманах и достала оттуда небольшую продолговатую банку тушонки и два сухаря. Дремота у Андрея пропала вовсе. Он понимал, почему Тамаре не уснуть: у нее еще не улеглось возбуждение от всего пережитого, от той работы, с которой она в общем-то справилась неплохо. Так она думала, это было видно по ее лицу. Глаза у нее потеплели, на губах то и дело появлялась не просто добрая, а наивно доверчивая, трогательно беспомощная улыбка.

— Давайте поедим. Не хочется, но надо же... У вас есть ножик?

Андрей открыл ей банку и протянул ножик.

— Натё. Вилки же у вас, надо полагать, не имеется?

— А вы чем?

— Я не буду. Ну, если останется, то после вас.

— Конечно, останется. Разве мне все съесть?

Она села у стены и принялась ковырять ножиком в банке, хрустя сухарем. Взгляд ее вдруг стал задумчив и печален. Наверно, подумал Андрей, вспомнила дом, мать, любимого... Не может быть, чтобы она не любила и уж тем более — чтобы ее не любили.

— Тамара, как вы попали на фронт? — тихо спросил он.

— Очень просто, — оживившись, заговорила девушка. — Знаете, мне никак не давалось ученье, не знаю уж почему. Наверно, я очень рассеянная. Особенно математика... В седьмом классе два года сидела, такая скучища. Мама мне говорит: «Ну, что я с тобой буду делать, куда пристрою». В разговор вмешался папа: «Мы, — говорит, — ее замуж пристроим, жениха богатого найдем, ему математика без надобности». Смешно... Будто я сама не могла найти. А вообще папа очень добрый, на кино или мороженое и просить не надо. У него пол-Москвы знакомых было... А тут война. Я говорю: поеду и поеду. Мама, конечно, в рев, да я-то ее знаю — поплачет, а все равно по-моему будет. Ну, поступила на курсы медсестер, кончила, вот и попала сюда...

— М-да... И не жалеешь теперь? — несколько растерянный, спросил Андрей.

— Да нет пока... А вообще-то, конечно, я иначе представляла...

Андрей поморщился.

— Что, нога? — участливо спросила Тамара.

— Нет, ничего... А если бы не война, замуж бы вышла?

Он хотел добавить: «За богатого?» — но побоялся ее оскорбить.

— Ну, не сразу. Куда мне было торопиться? И дома не хуже жилось, все подружки завидовали. Главное, что я хозяйкой над собой была, не то что у Люськи: этого нельзя, туда не ходи, с этим не водись. А вы как попали?

— Мое дело известное: срок подошел.

Андрей вспомнил, что когда началась война, он тоже боялся, как бы война не кончилась без него, но сейчас не хотелось в этом признаваться. Его изумила откровенность Тамары, она тронула его своей непосредственностью, но в то же время

и озадачила рассказом о доме, войне и математике.

«У меня-то было совсем иначе, да и не могло быть не иначе. Ведь я в деревне вырос и даже в Москве не бывал», — почти с завистью подумал он. Да, Андрей в чем-то завидовал Тамаре — ведь ему было только двадцать лет.

У него вертелся на языке еще один вопрос, но он не знал, как его сформулировать, чтобы не вспугнуть ее доверчивости, не нарушить той внезапно возникшей близости между ними, которую ощутили оба. Эту близость Андрей видел и чувствовал в ее мимолетных взглядах, в улыбке, даже в том, что пола ее полущубка нечаянно прикрыла его раненую ногу. Он любовался ею и все больше терялся перед ее свежей, чистой, близкой и недоступной красотой. «И она такая смелая!» — преданно думал Андрей, радуясь, что назвал ее на ты, и она не рассердилась, даже не нахмурилась. Если бы и Тамара обратилась к нему на ты — он был бы совсем счастлив.

Наконец Андрей решил.

— Скажи, Тамара, от кого ты получаешь письма? Без них ведь и вовсе было бы тяжело.

— Только от мамы. Я никому еще не сообщила своего адреса. Ну, теперь вы... — она протянула ему банку и ножик. — Правда, немного осталось, но ничего, наша санитарка вернется, я подкормлю вас еще.

Она произнесла это вполне серьезно, будто и в самом деле обязана была его кормить. Андрей, покраснев, сказал:

— Спасибо. У меня сухой паек есть.

— Где его приготовишь? А вы же с утра не ели, я знаю.

Тамара сняла шапку и сначала распустила спутавшиеся волосы, а потом, вынув шпильки, стала расчесывать их гребнем. Андрей не видел ее лица, скрытого волосами, но это уже не имело значения. Он чувствовал, что она смотрит на него.

— Как вас зовут? — вдруг спросила Тамара, не открывая лица.

— Андрей. Андрей Кудрявцев.

— Ну, так вот, Андрей, ты ешь, ешь... — обеими ладонями она внезапно забросила волосы за плечи. — Чудно! Вот

мы сидим в землянке, а мне кажется, что я дома. Трюмо только не хватает. Это оттого, наверно, что вдруг тихо стало.

И верно, в эту минуту не слышно было ни одного разрыва, ни одного выстрела. Но Андрею тишина показалась страшной, чем недавняя перестрелка, потому что каждую минуту она могла взорваться обвальным громом, несущим смерть и страдания.

Однако он тут же отогнал гнетущие мысли, так не соответствовавшие тому, что он переживал в эту удивительную ночь. Перед ним, убирая волосы и чему-то тихо, про себя, улыбаясь, сидела прекрасная девушка, и как будто не было ничего — ни войны, ни задымленного, мрачного блиндажа, ни спавших на нарах раненых, ни ноющей боли в ноге...

Андрей поставил банку на пол.

— Тамара! — каким-то чужим голосом проговорил он.

— Да?

Она вопросительно и чуть удивленно взглянула на него.

— Тамара, я никуда не поеду из медсанбата. Упрошу врачей. Да и ранение несерьезное... Ты придешь меня навесить?

— Если будет время — приду, — просто сказала она.

— Спасибо... Я очень буду ждать.

— Да, Андрей... Пожалуйста, ешь, я хочу, чтобы ты немного подкрепился.

— С удовольствием, — благодарно улыбнулся Андрей: в груди у него пела такая радость, что если бы не рана, он пошел бы сейчас в зловеще притаившуюся ночь, в бой, куда угодно. Хотелось сказать или сделать что-нибудь такое, чего он никогда не говорил и не делал.

— Когда-нибудь, Тамара... да нет, очень скоро я отблагодарю тебя за это чудесное угощение, за все, за все.

— Подумаешь, угощение!

— Не в том дело... Ты даже не представляешь, что значит для меня встреча с тобой. Я увидел тебя утром. Помнишь, ты выскочила из блиндажа к этому раненому, узбеку. Тебе было страшно?

— Не знаю. Мне так хотелось быстрее помочь ему. Ведь это был мой первый раненый.

— Что же он?

— Умер... У него оказалось сквозное осколочное ранение в бок. Я прямо разревелась над ним.

— Тебе еще много смертей придется повидать. Не надо думать об этом. Хотя бы сейчас...

— Хорошо. Но я всегда буду о нем помнить.

Она плотнее запахнула полушубок, виновато улыбнулась.

— А знаешь, я уже сплю. Ну, прямо раскисла вся. С чего бы это?

— Да ты же до смерти устала, чудачка, — растроганно сказал Андрей. — Иди сюда и ложись. Вот тебе сумка под голову. Подожди, я сниму полушубок и постелю...

— Не надо, мне и так будет тепло. Да и спать придется недолго.

Она придвинулась к нему, уже почти сонная, в последний раз слабо улыбнулась и закрыла глаза. Он поспешно сорвал с себя шапку и подsunул ей под голову. Не зная, что бы еще такое сделать, чтобы ей было удобнее и теплее, Андрей осторожно приподнял девушку за плечи, положил темноволосую голову к себе на колени и обнял одной рукой. Больше он не шевельнулся до самых предрассветных сумерек...

Она навестила его через неделю, потом еще раз приезжала в медсанвзвод с ранеными, а месяц спустя Андрей вернулся в батальон. Теперь они виделись почти каждый день. Вскоре все считали их мужем и женой. Так оно и было, хотя формально Андрей и Тамара не были расписаны. Просто некогда да и негде было это сделать. Бригада медленно, но неуклонно продвигалась на запад, и восстановленные на освобожденной земле загсы оставались где-то позади.

Тамара написала матери, та ответила сдержанно, почти холодно. Андрей понял, что мать восприняла замужество дочери как очередную причуду и не верила в серьезность ее намерений. Впрочем, ни он, ни Тамара не обратили на брюзжание матери никакого внимания. Ведь они были вместе, до самозабвения любили

друг друга, а остальное их пока не касалось. Шла война, и каждый из них, та-ясь друг от друга, думал не об отдаленном будущем, а о том, что может случиться сегодня, завтра, а то и через час. Они ведь тоже не заговорены от пули или осколка. Пора мечтаний и больших надежд еще не пришла...

Ржев, Рудня, Великие Луки, затяжные бои на подступах к Витебску... А помимо этого — десятки других памятных мест и событий на великом страдном пути. И все они, так или иначе, помнились Андрею четче или смутнее в зависимости от подробностей, связанных с Тамарой.

Фронтовики вообще не любят вспоминать труд и будни войны — рытье и сиденье в окопах, грязь и холод, ночные марши, ежедневные обстрелы и бомбежки... Это было у всех и со всеми и особого интереса не представляло. Зато о чем-либо необычном, смешном, приятно неожиданном, что случилось с ним самим или с товарищем, фронтовик расскажет непременно, да еще и преувеличит немного для лучшего эффекта, впрочем, с полной убежденностью, что так и было.

То же и с Андреем... Тамара, большое и искреннее чувство к ней почти зачеркнули в памяти тягостные фронтовые будни, многое он тогда воспринимал и переживал иначе, чем другие однополчане. Даже в самые трагические моменты Андрей ощущал в себе лишь на время приглушенную радость и душевный подъем при мысли, что Тамара где-то недалеко, что она волнуется за него и, главное, верит, что все будет хорошо. От боя к бою он тоже все сильнее проникался той же уверенностью. Вот тогда-то они и стали мечтать и строить планы на будущее.

Под Великими Луками Андрей командовал уже ротой. Тамара не раз пыталась перевестись из санчасти к нему санинструктором, но в роту посылали мужчин, да и Андрей был против. Его пугала ее безрассудная смелость. Казалось, Тамара признавала опасность для кого угодно, только не для себя. Андрей злился и ругал ее, когда она пробиралась к нему на передовую, часто под огнем, иногда ночью, с единственным «оружием» — сумкой через плечо. Андрей нерв-

ничал, но в то же время сердце его переполнялось гордостью и нежностью, которые не всегда удавалось высказать.

Столь же двойственное чувство испытал он и в тот незабываемо волнующий момент, когда Тамара призналась ему, что ждет ребенка. Он станет отцом! Тамара уедет, ей не будут каждодневно угрожать опасности. И как трудно было представить себя без нее.

Она уезжала в конце июня. Бригада стояла во втором эшелоне, готовясь к большому наступлению. Еще несколько дней назад были оформлены и получены документы, но Тамара, уже не числясь в списках батальона, все откладывала и откладывала отъезд, и Андрей не торопил ее, потому что обоим казалось — о самом-то главном они еще не переговорили. Но час расставанья был неизбежен, и он пришел.

В то солнечное, теплое и тихое утро они поднялись рано. Словно бы все было как обычно, однако Андрей чувствовал, что происходит нечто страшное и неправимое — то, что не должно происходить. Но оно происходило, и Андрей не мог ничего предотвратить. Оба молчали: слова переполнили бы чашу грусти. Тамара хоть и была печальна, но держалась мужественно. Кто знает, о чем она тогда думала. Может, мыслями она была уже в Москве... Андрей укладывал в вещевой мешок консервы, хлеб, кружку, потом задумался, снял с гвоздя трофейный бинокль и тоже положил в мешок — на самое дно. «Вырастет сынишка — подарю, да и самому будет память», — рассеянно подумал Андрей. Тамара вопросительно посмотрела на него, он ответил взглядом: «Так нужно». Он первым вышел из землянки. И вот они идут мимо других землянок, мимо полевой кухни и укрытых в капонирах машин, потом по тропке через низкорослый, во многих местах обломанный и примятый кустарник, и дальше, уже бездорожно, поднимаются по зеленому, ослепительно сияющему под утренним солнцем зеленому косогору вверх, все выше, и лощина, укрывшая батальон, уже выглядит не военной стоянкой, а живописным, уютно мирным уголком, будто выписанным мягкой акварелью.

Почти от самого гребня косогора началось обширное поле озимой ржи, уже не зеленое, но еще и не желтое, а как бы чуть тронутое утренним загаром. Рожь не шевелилась ни одним колосом, словно застыла в тревожном ожидании. «А ведь ей теперь бояться нечего — немец-то далеко, — подумал Андрей. — У нас на севере рожь, наверно, только в трубку пошла...»

Все так же молча, но сейчас уже рядом, они пошли вдоль кромки поля и остановились у проселочной дороги, ухившей в рожь. Андрей сказал:

— Просто не представляю, как ты доберешься одна до станции.

— Как-нибудь, не маленькая, — отозвалась Тамара.

— Шоссе тут недалеко, выйдешь — голосуй, пешком дальше не ходи. А на станции прямо к коменданту. Скажи, что ты... ну, словом, скажи, что ждешь ребенка. Обязаны устроить.

— Не буду я говорить, что ты! — застыдившись, возразила она. — Доберусь, ты не беспокойся. Себя береги, главное — пиши чаще. Я же... сам знаешь...

— Черт, вроде ничего лишнего нет, а тяжесть какая... — Он огорченно приподнял на руке вещевой мешок. — Давай я бинокль выну.

— Нет, нет, не трогай... И вовсе он не тяжелый. Главное — ты пиши как можно чаще.

— И ты... А то всякие мысли в голову полезут. Ну, давай...

Андрей надел ей мешок за плечи, расправил ляжки. Но тут же снова снял, сказал ожесточенно:

— Пошли. Провожу вон до того поворота.

— Тебя же в роте ждут, Андрей.

Он знал, что его ждут. Батальон давно был наготове, ждали только сигнала. Андрей ускорил шаг, стараясь проглотить тугой комок, застрявший в горле. Но комок не исчезал, казалось, он распухал все больше.

— Андрей!

Он испуганно остановился, увидел на ее глазах слезы. Тамара протянула руку за мешком, и Андрей машинально отдал его. Тамара не бросилась ему на

шею — он всегда удивлялся, что она, такая непосредственная, способная на самые неожиданные поступки, была сдержанной во внешних проявлениях своего чувства. Сначала это смущало его, вызывало противоречивые мысли, но сейчас Андрей сам удивился бы ее пылкости. Она протянула ему руку, он обнял и крепко прижал ее к себе, а уже через минуту Тамара быстро уходила от него. Андрей долго видел лишь вещевой мешок, покачивающийся на ее спине. Только раз она обернулась и, пятась, помахала ему рукой. Потом рожь скрыла Тамару по пояс, затем по плечи, не стало видно уже и пилотки, а Андрей все вытягивал голову и приподнимался на носках, не веря, что она ушла...

Так было.

То, что вихрем пронеслось сейчас перед его мысленным взором, по-инному заставив биться сердце, показалось укором им обоим, нынешним. Обоим?

Андрей зябко передернул плечами. Ну, нет! Он тут ни при чем. Хотя... любит ли он ее? Пусть иначе, не так, как прежде. Что же еще связывает, роднит их? Дети? И это все?..

— Тамара! — глухо произнес Андрей и оглушительно скрипнул ножками стула по полу. Если бы она отозвалась!

Тамара вздрогнула, но не подняла головы, не выпустила из рук иголки. Да, напрасно он звал. Она вздрогнула не от его голоса, а от неожиданного в тишине скрипа. И все-таки Андрей сказал:

— Тамара, почему мы так обмелели душами? Неужели так быстро постарели?

Пустые слова! Разве это началось сегодня или вчера?

— Тебе лучше знать, — по-прежнему непримиримо ответила она.

— Если б я знал! — с горечью проговорил он и умолк, подавленный невозможностью что-либо изменить.

В сенях кто-то стукнул дверью, послышались шаги. Нет, это не ребята, но кто же? Вот уж нехстати...

Вошел Виктор Хворостухин — старый товарищ и недавний сослуживец Андрея.

Сейчас Хворостухин работал директором пригородного совхоза, но встречались они часто.

Виктор поздоровался с Тамарой, пристально поглядел на нее и спросил, дома ли Андрей. Она молча и резко кивнула в сторону комнаты, но Андрей уже сам вышел на кухню. Если он кому и рад был в эту минуту, то только Виктору.

— А я собрался в райком, — быстро сказал он. — Проводишь, Виктор?

Хворостухин метнул на Андрея удивленный взгляд, однако тут же ответил:

— Само собой. А что так приспичило?

— Дело есть...

Андрей проговорил это уже в дверях. Они вышли во двор, потом на улицу. Было по-осеннему темно, ветрено и не по-осеннему сухо. Вдоль тротуара, прибитые к деревянным мосткам ветром, таинственно и сиротливо шептались о чем-то отжившие лето тополиные листья. Неярко светили на столбах редкие фонари. Прохожих почти не было. Черным провалом пятнилось посреди оголенного сада зеленхоза небольшое озерцо. Скоро оно украсится блестящим ледяным панцирем, и по нему зазвонят коньки и ребячьи счастливые голоса...

Андрей шагал быстро, словно хотел уйти от того, что его мучило. Но уйти от этого нельзя было. Хворостухин тронул Андрея за плечо, хмуро спросил:

— Опять?..

— Да... — ответил Андрей, не оборачиваясь. — Но я хочу с этим покончить. Дома я чувствую себя квартирантом. Пора переменить квартиру.

— Ишь ты, какой приткий... В другой квартире ты скоро подохнешь с тоски. Брось, Андрей. Не в этом выход, и ты это отлично знаешь. А что, собственно, произошло?

— То же самое, — потухшим голосом сказал Андрей и невольно замедлил шаг. — Упреки, упреки и жалобы... Что я пью, порчу детей, не забочусь о семье и вообще бездарность, не способная устроить ей жизнь по-человечески... Так она выражается...

Хворостухин усмехнулся в темноте, но Андрей, и не видя, почувствовал эту знакомую хворостухинскую усмешку.

— Насчет того, бездарность ты или нет, у меня свое мнение, а остальное-то верно, пожалуй. Ну, а ты в чем ее упрекаешь?

— Пойми, Виктор, она стала мешанкой, настоящей брюзгой. Удивительно, как меняются люди! Ты думаешь, она была бы другой в Москве? Ее уже ничего не интересует, кроме бабьих сплетен. А знал бы ты, какой она была на фронте! Мы же вместе мечтали, какой полной и интересной будет наша жизнь после войны. И вот...

— Знаю, что мечтали, слышал. А я, думаешь, не мечтал? Да разве мы одни?

— Но ведь не сбылось?

— Как тебе сказать? Пожалуй, пока нет... — Хворостухин, словно впервые поняв это, виновато развел руками.

— Вот видишь, — подхватил Андрей. — Помню, война кончилась, я думал: такая теперь жизнь наступит, такая жизнь!.. Горы сверну, только бы не воевать больше. У меня же все было — любимая, сын, вера в будущее огромная. И вот наступили будни... Пойми, я не ною, я хочу разобраться. Не только с Тамарой... — Он вдруг вспомнил, что сказал ей недавно, повторил: — Как-то обмелели мы душевно — почему это?

— А работа? — не совсем уверенно спросил Хворостухин.

— Да, работа... Ты же знаешь, я отдаю ей все, что могу, хочу, чтобы везде и всем было лучше, светлее, и как обидно, что нет полного удовлетворения, вроде на холостом ходу вертимся. Заседания, указания, резолюции, а дело ни с места. И я буду рад, если меня пошлют в колхоз. Страшно другое... Я вот вспоминал давеча и подумал: в том, что Тамара стала такой, может, и я виноват. Тоже мелочи и насущные заботы о сегодняшнем дне засосали. А кто виноват, что засасывает? Ты скажешь — слаб, перспектив не видишь, газет не читаешь. А в этом ли вся соль? Сколько еще у нас таких, которые разуверились в своей заветной мечте, которых тоже засосало. А ведь они не хотели этого. Нет, Виктор, все это не так просто.

— Знаю, что не просто, но и ты во многом неправ. Развел тут заупокойную... Понятно, шербагин разных и неустроен-

ности всякой у нас хватает, чего уж там, но ежели только на них смотреть да охоть — радости останется мало. Весь белый свет с копейку покажется. А ты, что же, всерьез в обыватели записался?

— Похоже, — невесело усмехнулся Андрей. — Хотя никто и не подозревает. Да и многих поглубже копнуть — похуже меня окажутся.

— Вот это партийный работник! — крикнул Хворостухин. — В шею тебя надо гнать.

— Выгнать недолго, разобраться — груднее. У нас ведь как иногда смотрят на эти дела? Придет жена в райком или в партийную организацию, слезу пустит, скажет, что ее муж сукин сын — и пиши пропало. Легче от этого и ей, и ему, и детям будет.

— Не допускай, чтобы на тебя жаловались.

— Их, брат, к этому не вчера причили.

— У Тамары-то были основания, ты не обобщай.

— Может, и были, не спорю. Тут я, действительно, слаб оказался. На стороне утешения искал.

— Вот, вот...

— Да не нашел. Ерунда все это. Я же люблю ее, раз прежнего не могу забыть.

Эта мысль, это твердое, как никогда, убеждение пришло к нему и высказалось столь неожиданно и просто, что Андрей понял — оно всегда жило в нем. Но от этого не стало легче. Что толку, если сама Тамара не чувствует к нему ничего, кроме озлобления? Было бы лучше, если бы он смог выкинуть ее из своего сердца. Но он не мог...

Андрею было неловко перед Виктором за свое признание, но и Хворостухин был смущен не меньше. Он крепко тиснул локоть друга, деланно веселым голосом спросил:

— Куда же мы идем? Не в райком, конечно?

— Пойдем в парк. Там сейчас никого нет.

— Только недолго. Меня же, сам понимаешь, жена ждет.

— Очень? — попробовал пошутить Андрей.

— Ну, не так чтобы очень, да я сам по ней соскучился. Только час тому назад из командировки приехал.

— Да... — Андрей еще что-то хотел сказать, но не сказал и зачем-то поднял воротник пальто.

Они повернули за угол. Это была уже центральная улица, фонарей стало больше. Но в конце ее виднелась заманчивая для Андрея темнота — там находился опустевший, безмолвный парк.

Хворостухин снова оживился.

— Зайдем в павильон, Андрей? По кружке?

— Не хочу... Ты думаешь, я здорово к этому пристрастился. Было, не отрицаю, да ведь это такой же тупик. А я выход должен найти. Шагай, шагай...

Хворостухин пожал плечами. Шли молча до самого парка. Здесь было темно, тихо, только опавшие листья с сухим звоном потрескивали под ногами.

Друзья сели на ближайшую скамейку, закурили. И тогда Хворостухин заговорил — серьезно, негромко, как бы размышляя вслух.

— Вот ты тут говорил... разное. С Тамарой у тебя сложно, а с жизнью и со всем прочим и того сложнее. Я-то веры не потерял, имей в виду, хотя, надеюсь, ты меня этаким ура-бодрячком не считаешь. Думаю, что достигнем того, о чем молодыми мечтали, но — это от нас самих зависит. Мне ведь тоже разные проклятые вопросы спать не дают. А с Тамарой... что ж, прямо скажу: вы оба в чем-то ошиблись. Эх, сколько еще и теперь вот так ошибаются! Хуже! Походят месяц-другой на танцы, поцелуются раз два — и уж влюблены, жить друг без друга не могут. А через полгода — развод.

— Ну, знаешь!..

— Погоди, дай досказать, — сурово остановил Андрея Хворостухин; он умел быть и таким, хотя был на год моложе друга. — У тебя другое, а иначе и говорить было бы не о чем. Война — это не шутка, сам прошел, знаю. Полюбили вы искренне, верю. Не надо было Тамару в Москву отправлять. Сам же рассказывал, что в семье ее избаловали, хоть и не успели окончательно испортить. К тому же

и теща была против. Ну и... понятно, помоему. И ведь не месяц она там жила, а три года. Удивляюсь, как вообще Тамара сюда поехала. Из-за ребенка, может быть. Само собой, трудно ей было привыкать, а ты что сделал? Сперва потакал ей, угодить старался, на работу не отпустил, а она уж и сама не знала, чего ей хочется. Только все равно несчастной себя считала. Ну и ты не выдержал, не влез ей в душу — вот и пошло. Но я вот что тебе скажу: раз она на фронте себя не жалела, хвостом туда-сюда не крутила, а потом в этакую глушь с тобой поехала — значит, было в ней хорошее, и чувство к тебе было настоящее. Вот так, друг... Суди сам. Давно хотел тебе это сказать, да все пока присматривался.

Хворостухин с излишней тщательностью придавил о сидение окурков, потом еще поллевал на него и бросил в листву.

— Спасибо, — скривил губы Андрей. — А знаешь, я и сам об этом думал, только не уверен был... Ну и что же ты мне посоветуешь?

— Гм... Советы в таком деле давать... Я бы на твоём месте поговорил с Тамарой откровенно. Ну, это элементарно,

тут вот что главное: сумей ты пробудить в Тамаре то хорошее, что в ней есть, а тогда она сама, без подсказки, увидит себя как бы со стороны, так сказать, посмотрит критически. Но и сам будь с ней честен и благороден! Вместе вытаскивайте себя из мутного болота, понял? А то, гляди, обрастешь тиной — и не узнать.

— Если бы вместе... — произнес Андрей задумчиво. — Она ведь и приятельниц завела таких же, тут круто не оторвешь. А рвать надо, чувствую. Если б Тамара хоть немного мне помогла... если бы знать, что у нее ко мне чувство осталось.

— Уверен, что осталось, только накипью покрылось. Помоги ей очиститься от накипи, вот оно, чувство-то, и проявится.

Андрей помолчал.

— Понимаешь, Виктор, когда вот так говоришь с тобой, все кажется как будто простым и ясным, а как вспомнишь, что было и как теперь стало, и видишь — не так-то это просто. А решать надо, потому что и жить, и любить хочется по-настоящему, не вполовинку. Я-то, кажется, это понял, она-то поймет ли?

Валентин СОРОКИН

СОЖЖЕННЫЕ ЧЕРНОВИКИ

Крепись, душа! Смелей! Что там
Еще таится нам с тобой?
Ведь выходили мы из дота,
Чтобы принять открытый бой.
Без гимнастерки, без бушлата.
Забыв про всю земную кладь.
Подняв последнюю гранату.
Шли,
не желая умирать.
Не слабли духом, не сдавались.
В штыки? Так стало быть в штыки!
И пробивались. Прорывались.
А тут?
А тут... черновики!
Но этот миг, минуты эти
Кривой усмешкою не тронь.
...Как птица, пойманная в сети.
В печурке мечется огонь.
Бушуют огненные кони.
Какие их зовут края?

Под ноги их с моей ладони
Слетает рукопись моя.
Ее копыта мнут и треплют,
И злые зубы в клочья рвут.
И вот уж виден грудой пепла
Мой долгий, мой нелегкий труд.
Насквозь продут. Насквозь просвечен.
Забит.
Так надо. Так — верней.
Пусть больше не мозолят плечи
Узлы ошибок прошлых дней.
Без малодушия! Без жалоб!
Когда-то так и шли мы в бой.
...Крепись, душа! И пой!
Тот жалок.
Кто слаб перед самим собой.
А нам чужды такие мели.
Нам дальше плыть, другим служить.
Мы снова все начать сумели.
Родиться заново
И жить.

НОЧНОМУ ГОРОДУ

Врезают полночь то и дело
гудки далеких поездов.
Он спит, накрытый ночью белой, —
один из русских городов.
Он здесь стоит, растя и строясь,
не стар за долгие века.
На животе его — как пояс —
блестит спокойная река.
Вода не мчит, не убегает
куда-то за город, в кусты.
Вода стоит и отражает
дома, и б́аржи, и мосты...
Одной ногой почти в июле,
весь в оперении весны,

он спит, раскинув руки улиц,
и, как обычно, видит сны.
Он спит, но завтра он проснется
и сбросит ночи забытьё;
он спит, но завтра он возьмется
за дело давнее свое.
По всем артериям польется
поток машин, одежда и лиц...
С кем схож он? — спросят. —
Мне сдается,
Не с величавостью столиц.
Не схож он, нет, и с южным Сочи,
что грузной грудой фруктов горд.
Он горд, что он простой рабочий,
что труженик, а не курорт.

ПЕСНИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

И зимы бывали зловещи,
и ночи — дремучи, как лес,
и вещи, обычные вещи
теряли и ценность, и вес.
Не думали больше про мебель,
забыли о шторах в окне,
все чаще мечтали о хлебе,
а он поднимался в цене.
Но все ж, несмотря на разруху,
что вносит с собой война,
стояли, не падали духом,
и песня бывала слышна.
О песни! Припомнить легко мне
и удаль всю вашу и грусть:
как лестницу в собственном доме,
я помнил вас все наизусть.
Певали в любом городочке,
в столице, в деревне любой

о синеньком скромном платочке,
что послан был с фронта домой.
Певали про русскую душу,
про ненависть в русских сердцах,
певали про то, как Катюша
на фронт провожала бойца,
как в темную ночь вспоминает
о доме своем фронтовик
и как по зубам получает
немедкий барон фон дер Пшик.
Те песни припомнить легко мне,
всю удаль тех песен, всю грусть:
как лестницу в собственном доме,
я помнил их все наизусть —
ведь всё ж, несмотря на разруху,
что вносит с собою война,
стояли, не падали духом,
и песня бывала слышна!

Николай ПОПОВ

У ЗИМЫ ХАРАКТЕР СТРОГИЙ...

У зимы характер строгий:
То трещат морозы злы,
То нахлынут на дороги
Снега белые валы.
Полыньёю бледно-синей
Небо изредка блеснет —

И опять колючий иней
На деревья упадет.
У зимы характер строгий,
Только он по сердцу мне —
И метельные дороги
Даже видятся во сне!

Константин КОНИЧЕВ

БЫЛА БЫ Я ВОЛШЕБНИЦА...

(ОЧЕРК)

Рисунки Д. ТУТУНДЖАН

Вычитал я в газете: «На последней выставке кружевных изделий изяществом и виртуозностью рисунка, совершенным мастерством отличались кружева кустарки-художницы Е. И. Кабачковой. Несмотря на свой почти преклонный возраст Еликонида Ивановна считается лучшей мастерицей. Произведения ее вызывали похвалу на международных выставках в Брюсселе и Париже...»

Прочитав об этом, я вспомнил свое далекое детство, Кадниковский уезд и Устьянскую волость. В нашей волости с давних пор крепостного права подвизались тысячи кустарок-кружевниц. С малых лет и до потери зрения в глубокой старости трудились они в свободное от полевых работ время. В долгие зимние вечера с пальцами собирались девчата в одну избу, бабы отдельно — в другую. И не скучно им было от всяких разговоров, от песен старинных — протяжных и частушек-коротушек.

— Веселье делу не помеха, — говорили они, — язык без костей, пусть он резвится, как хочет, а руки делают свое дело...

Творческая работа требовала умения и одаренности. И такая работа кружевниц-

художниц была и есть увлекательна и утомительна.

Утомление заглушалось песнями. Так было встарь, да и нынче песне почетное место в артельных мастерских. Сколько частушек приходилось мне слышать, сколько сохранилось в памяти!..

Спустя добрых полвека я вспоминаю девичьи «посиделки». Широкие лавки заняты кружевницами вплотную. Перед каждой на пальцах туго набитые мякиной белоснежные подушки. С подушек свисают на тонких ниточках коклюшки. А как ловко, потрескивая, припрыгивают коклюшки в умелых руках девичьих! И, кажется, сам черт не поймет, почему получается из их рук столь причудливое прекрасное хитросплетение. У одной длинная прошва, у другой кружевная накидка, у третьей шелковая шаль — получают предметы зависти городских модниц, предметы украшения быта заботливых молодых и старых хозяек.

Творческий труд вологодских кружевниц издавна в почете.

И вот, как сейчас помню, жила у нас в деревне девушка. Звали ее Велинка. Была она родом не из нашей Попихи, а

из соседней деревни, из бедной семьи. Да к тому же несчастье случилось — где тонко, там и рвется — сгорела у Велинких родителей изба от «божьей милости», а вернее оттого, что у них в деревне не было громоотвода. Погорельцы пошли по миру за подаяниями, а Велинка — в батрачки к Михайлу, который опекал меня, сироту.

Велинка по хозяйству — на все руки: и скот обрядить, и на гумне молотить, и косить, и жать, и за дровами в лес, везде и ни в чем любому мужику не уступала. В свободные часы хозяин ее заставлял, да и она своим долгом почитала, плести кружева на продажу. И за все свои многотрудные дела и художества на готовых хозяйских скудных харчах Михайло платил ей в год шестнадцать рублей и в придачу полусапожки...

Я учился в церковно-приходской школе, а Велинке было восемнадцать лет.

В моем понимании она была красивой, приветливой и доброй. Взрослым ребятам нравились ее голубые озорные глаза, с масляными искринками. А такой густой и тяжелой русой косы, как у Велинки, ни у кого из наших девчат не было. Две Михайловы дочери от зависти злом пыхтели, глядя на Велинчину косу.

Михайло ехидно насмехался иногда:

— Зачем такая косища!? Ну, кобыле хвост — понятно, богом предусмотрено, от всякого шмеля отмахиваться. А ты что думаешь жениха приманить такой красотой? Иному, резкому на руку, такая коса на две драки, с корнем выхватит.

— Кто кому еще выхватит, — спокойно, принимая как шутку, возражала Велинка.

Обладала Велинка приятным голосом. Частушек девичьих и ребячьих она знала «полный мешок до самых завязок» и пела их по-разному: девичьи печальные на один лад, веселые задорные на другой, а ребячьи коротушки пела задиристым басом. Конечно, как и другие девчата, она предпочитала сама складывать и под настроение пропевать песенки любовные:

У меня бедовья —
Четыре кофты новья.
Пятая с узорами —
Гуляю с белозерами.

Мне сказал король бубновой,
Будто дамочке червей:
— «Не отдам тебя, Велинка,
За три тысячи рублей».

Ой, когда-то было время,
Целовал меня он в темя.
А тепереча в уста,
Что ж, целуй, пожалуйста!

Запомнилась мне эта Велинка на всю жизнь.

Велинка? А как ее настоящее имя? Да, помню, она называла себя Великонидой. Но есть ли вообще такое женское имя? Усомнился я и недавно заглянул в старый Сытинский календарь. В алфавите женских имен нашел Еликониду, а «Великониды» не оказалось...

Так, не о Велинке ли газетная заметка? Тут уже сомнения у меня исчезли. И решил я написать в Вологодчину письмо на имя Еликониды Ивановны Кабачковой, с напоминанием о себе, о днях полувековой давности. И добавил, что если это она та самая Велинка и если она даже грамоте не обучилась, то пусть попросит кого-либо ответить мне письмом, а если ей когда-нибудь доведется побывать в Ленинграде, то добро пожаловать ко мне в гости...

Ответное письмо получил я через неделю:

«Костенькин Иванович, как я рада, что вы вспомнили обо мне. Вот ведь, газета помогла найти меня, и как ты догадался, а я-то слыхала о вас и книжки твои читывала и не смела написать занятому человеку. Ну, раз такое дело, то получай и мой полный ответ на Ваше письмо...» — так начиналось сбивчиво, на ты и вы, письмо Еликониды Кабачковой. Дальше она сообщала мне, что жива-здорова, но мужа «потеряла» в войну, а дочку вырастила, выучила, и стала ее дочь кандидатом геологических наук и вышла замуж в Сибирь за инженера... А она, Еликонида, живет славно, зрение не притупилось, плетет кружева в артели, да еще обучает этому делу девчат. И похвальные грамоты имеет, о пенсии пока не беспокоится.

Впрочем, о пенсии буквально сказано в письме следующее: «Совестно мне хло-

потать, коль руки не трясутся и коклюшки в пальцах не путаются, а знают свое место.

Хоть мне трехгодовалого быка за хвост и не удержать, как говорил однажды Никита Сергеевич о тех пенсионерах, у которых силы еще много, а совести недохватка, но у меня еще умение не иссякло и совесть не потеряна и на здоровье обиды нет. Нынче десятого июня мне шестьдесят шесть годов минуло. Кормлюсь хоть и не харчисто, а работаю чисто.

Теперь насчет поездки в Ленинград. Будет потеплее — соберусь, и вот уж тогда обо всем наговоримся, друг на друга наглядимся...

Да, не беспокойся, грамоте я давно обучилась и две газеты и «Крестьянку» с приложением выкроек выписываю, и в райбиблиотеке на активном счету значусь.

Да я и в Ленинград к вам приеду, так все музеи и достопримечательности обегая и тебе и семье вашей много-то не помешаю. Заранее прошу — пришли путеводитель по Ленинграду...»

* * *

Я, конечно, путеводитель выслал и повторил приглашение в гости.

Ожидая Велинку в Ленинград, я стал вспоминать свое сиротливое детство, строгого с диковатой придурью опекуна Михайлу, его многочисленную работающую семью и работницу Велинку... Из семьи Михайлы остались в живых только две престарелых дочери и сколько-то внучат и еще больше правнуков. Как-то перебирая в памяти всякие мелочи давних дней, я вспомнил один на всю жизнь возмутивший меня случай. Было это в девятьсот четырнадцатом году, незадолго до начала сенокоса. Мы с Велинкой, держась за деревянные рукоятки, крутили тяжелое точило, а хозяин Михайло — сивая борода вьюном, — восседал над точилом, как Саваоф на божественном троне. Волосы у него седые, подвязаны узким ремешком, кумачовая рубаха нараспашку, и древний литой медный крест на гайтане, покачиваясь, свисал над его вы-

пученным брюхом. Синие портки у Михайлы засучены до колен, на волосатых ногах следы от каких-то чирьевых болячек. Был он хмур, неразговорчив. Сосредоточенно и сильно нажимал жироватыми ручищами на косу, отчего нам с Велинкой приходилось нелегко крутить и без того тяжелое точильное колесо. Десяток кос-горбуш с кривыми рукоятками готовил Михайло к сенокосу. Оттачивал остро, чтобы косили, как брили, под самый корешок. Последнюю, новую косу, точил для Велинки.

— Ну и коса будет! — восхищался Михайло, — не коса, а змей! Сталь с просиною. Самая лучшая коса кондратовских мастеров... И пойдешь ты у меня, Велинка, с такой косой впереди всех по прокосу, и мы за тобой, как журавли косяком, да и не угонимся. Ах, какая коса!.. А ну, еще покрутите, надо с обеих сторон носочек выравнять... А теперь сходи-ка, Велинка, в загороду и попробуй на свежей траве, какова коса...

Велинка взяла косу и побежала в загороду на цветистый, усеянный ромашками, луг. Михайло достал из-за гашника кисет с махоркой, устроил передышку. И не успел он докурить сигарку, как опечаленная, с заплаканными глазами, медленно и робко переступая, брела Велинка обратно. В руках она держала два обломка косы. Упругая сталь наскочила в траве на камешек, не выдержала, переломилась.

Велинка шла и на ходу, приставляя обломок к переломленному месту, голосило слезно и напевно:

— Была бы я волшебница... сказала бы: «срастись, коса». И дела только... Ужели спаять нельзя?..

Михайло швырнул окурок в корыто и набросился с руганью на Велинку:

— Что, дьявол? Куда глядела! Коса-то неточеная рубля подороже! — и начал разносить Велинку непотребными словами. Глаза у Михайлы вспыхнули таким зловещим, злющим зеленым блеском, что даже у меня, ни в чем не повинного, от испуга заостенел язык и не мог пошевелиться.

Велинка стояла около точила, склонив голову, утирала кулаками слезы.

— Была бы я волшебница... — твердила она, отвернувшись, будто не находя других слов, — заклала бы я эту беду...

— Я покажу тебе! Ишь, ведьма, чего захотела! Косу-то какую нарушила... Ну и я тебе за это «добро» отплачу...

Несчастливая Велинка и я, свидетель этого происшествия, никак не ожидали от озверевшего Михайла столь дикой и глупой выходки. Он изловчился и ухватил сзади Велинку за ее роскошную, золотистую и ладно сплетенную косу, обвинил вокруг заскорузлого кулака и обломком косы провел почти у самого затылка вскрикнувшей и рванувшейся Велинки.

— Вот тебе, коса за косу! — у Михайлы в руке оказалась Велинкина красота. Он взмахнул отрезанной косой, развел ее и бросил под ноги. Велинка захлебнулась в слезах. Я, как мог, утешал: «Пожалуйста десятскому либо уряднику. Найдут управу на Михайлу...»

Едва ли Велинка слышала мои слова. Да и услышав, едва ли стала бы кому жаловаться на самодура-хозяина. На крик прибежала кривая Клавдя — сестра Михайлы. И та завопила, не притворяясь:

— Что ты, окаянный, наделал? Мог бы за сломанную косу и высчитать, а не нарушать волосье у девки...

— Уходи, кривая! Завтра сенокос. Вот и погорячился малость. Ей же на пользу. Без волосьев-то не захочет по воскресеньям разгуливать...

Помню, после этого случая не зажила Велинка у Михайлы. Ушла от него и ходила в окрестных деревнях в поденщину косить и жать, молотить и на всякие другие работы. И не догулянок ей — пока коса не выросла.

* * *

...Был у Велинки ухажер-«кавалер» Панко Бобылев. Сапожник, не тихоня. Началась в ту пору война с немцами. «Рекрутился» парень, гулял шумно и невожатанно. Водки не было, а от самогонки и политуры не просыхал. До отправки с новобранцами повстречался Панко с Велинкой. Отошли от гуляющих подальше в сторонку. Сели на бугорок, поросший кустарником, осмотрелись кругом и,

как умели, стали целоваться. И слово за слово:

— Что тебя давно не видно? Где ты, Велинка, пропадом пропадала? Смотри, не закрути другого, а то бывает страшен гнев в ревности...

Велинка рассказала всю горестную историю, с ней происшедшую, и так расстроилась, что, пустив слезу, склонив голову на плечо своего друга, проговорила:

— Была бы я волшебница, обернулась бы я в жердь вересовую, выхлестала бы все рамы у Михайлы и самому еще по хребту прошлась бы... Вот как он мне, гад, нагадил... Будто на сердце соли насыпал...

— Для этого, Велинка, и волшебницей не надо быть, — успокоил ее Панко, крепко обнимая.

В ту августовскую ночь гуляли новобранцы по деревенским улицам. Проходили они с шумом гармонным и песенным Попихой, выстроенной в два конца — в один посад. Пахучий дым от горевших лесов и торфяных болот перемешался с туманом и скрывал всякую видимость. Казалось бы, это на руку Панку Бобылеву. Но он не тайлся в ночи, а на виду у всей ребячьей ватаги вытащил из изгороди жердь и вымахал у Михайлы в избе все шесть окон до последнего стеклышка, а некоторые рамы вышиб с крестышами. В последнее окно Панко с размаху бросил жердь, угодив в стеклянный шкаф.

Послышались вопли и звон битой посуды.

Михайло в страхе отсиделся в переднем углу под образами, не сказал ни слова и не вышел на улицу. Что возьмешь с рассерженного новобранца?.. А с улицы доносились песни. Я слышал разудалые ребячьи голоса:

Давай, товарищ, окна бить
Все равно в солдатах быть.
На Карпаты попадем
Мы и там не пропадем!..

Увезут меня в солдаты,
Этакого вольницу.
Я запрою свою Велинку
На три года в горницу!..

Не слышала Велинка «агрессивных» песен-коротушек. Знала, конечно, она, в чьих руках была жердь... Для этого не надо быть волшебницей...

Провожала Велинка Панка Бобылева на Устькубинскую пристань. Не столь разговоры вела, сколько плакала. Панко у церковной ограды сидел на берестяной коробушке, курил папиросу за папиросой и посматривал в даль Кубенского озера, откуда медленно двигался густо дымивший пароход «Коммерсант». Новобранцы напоследок веселились, пели, плясали. Панко, грустный, нехотя покидал свою Велинку.

— Не реви, дуреха. Вернусь, поженимся. Имей терпение...

— Я за тебя кажинный день молиться стану.

— Была нужда! Бога нет. Знай раз и навсегда.

Подошел урядник, рыскавший среди новобранцев; сабля сбоку, портфель в руке.

— Ага, Бобылев. Вас нужно допросить в смысле бития стекол и нанесения ущерба.

Панко не дал договорить полицейскому чину, перебивая его, спросил:

— А ты жить хочешь? Смотри, сколько людей поехало вшей кормить и кровь проливать?.. Нашему брату терять нечего...

Урядник махнул рукой, сказал:

— С подлеца взятки гладки...

— От мерзавца слышу, — сурово ответил Панко.

* * *

Вспоминались мне и другие случаи из деревенской жизни, из своих юношеских лет. Одного не мог вспомнить, где и когда исчезла из моего поля зрения Велинка Кабачкова. Знаю, что Бобылев вернулся после революции и женился на другой.

Немудрено было нам с Велинкой расстаться и затеряться в эти буйные, бурные годы. И вот, газетная заметка напомнила о ней.

В конце прошлого года Еликонида Ивановна приехала в Ленинград, ко мне, на Дворцовую набережную, в гости.

Ничего похожего с прежней Велинкой! Даже голос и тот изменился. У меня хорошая слуховая память: многих своих старых знакомых узнаю не с лица, а по голосу. Еликонида преобразилась неузнаваемо.

Разумеется, она состарилась, и голос, когда-то нежный, певучий, стал грубоватым, скрипучим; речь отрывистая, но довольно культурная. Чувствовалось, что жизнь не прошла мимо Еликониды, оставила глубокий след, запечатлелась в ее сознании и горестями, и радостями.

Сначала у нас разговор как-то не особенно вязался. Вроде бы мы прислушивались и приглядывались, искали общую нить для беседы. Нашлась эта нить в наших воспоминаниях. Я напомнил, как бы шутя, эпизод, что рассказал выше. Засмеялась Еликонида Ивановна.

— Ты и это помнишь? — И, видно, разтроганная память вызвала у нее сквозь смех слезы. — Да, Костя, всякое бывало. И так говаривала: «Была бы я волшебница...» А знаешь, что скажу: меня и ныне иногда нет-нет да волшебницей и обзовут. Сплету мудреное, по-новому, невиданному рисунку кружево, сдам в мастерскую. Девки, бабы дивуются, да так и говорят: «Опять Кабачкова чего-то наколдовала, что нам и не снилось...» Вот и твоей супруге-женушке я подарочек выплела, извини за скромность: тут только четыре метра с четвертью. Можно и на ворот к платью, и на рукава, и на кофточку, куда угодно...

Еликонида подала развернутое кружево. Оно было снега белей и хрустело в руках. Посредине кружева чередовались ромбовидные фигуры, украшенные розетками. По краям острые зубцы треугольниками.

— Да это же воронихинская решетка! — восторгаясь, заметил я сразу.

— Конечно, она самая. Ты скоро разгадал, — ответила Еликонида. — Я ведь читала твою «Повесть о Воронихине». И тебе в угоду сплела такое кружево. Рисунок с фотографии из книги перенесла на сколок. Дело нетрудное. Два дня всего и потратила.

Я поблагодарил ее, а жена, порадованная подарком, поцеловала гостью.

После незатейливого угощения стала Еликонида разглядывать мою библиотеку, попросила фотоальбомы, чтобы по ним проследить мой извилистый путь. Потом она восхищалась видом из окон квартиры на Неву, на Петропавловку, на Биржу. По Неве сновали теплоходы. За буксирами тянулись плоты, баржи. На песчаном пляже у стен крепости — тысячи загорающих.

— Сколько голышей нежится под солнцем? Ужели им делать нечего? — с удивлением и долей возмущения спрашивала Кабачкова.

Потом она долго и внимательно смотрела на соборную колокольню, словно глазами измеряла ее высоту.

— Действует? — спросила она.

— Действует, но не как церковь, а как музей.

— Тем лучше. Надо побывать. Какой ты счастливый, Костенькин. В таком веселом месте жить да жить, работать да работать, и умирать никогда не захочется. Можно позавидовать. Исполнилась твоя детская мечта...

— Какая мечта? Я никогда и не думал, что буду жить в Ленинграде, да еще писать книги. Случилось как-то само собой. Конечно, были стремления. Но мало ли какие стремления бывают.

— А я вот помню, как мы с тобой однажды сидели у твоих родителей на могиле. Кормили хлебными крошками галок. Тебе едва ли было десять лет... Солнышко так же вот грело. В церкви кого-то отпевали, кажется, покойного подрядчика Сашку Кулёва. А наш сосед Алеха Турка, пьяненький, рыл для Сашки могилу неподалеку, выбрасывал чьи-то кости и сгнившие гробовые доски... Вот я и спросила тогда тебя, сироту, а жалко мне тебя было одинокого: «Как бы ты, Костюха, жить хотел, когда большой вырастешь?..» А ты прищурился, поглядел из-под козырька на церковь, на речку, на висевшие сети, что сохли на козлах у амбаров, на крашенный дом купца Коквкина, поглядел и сказал:

— А когда вырасту, мне бы вот такой дом, чтоб и церковь под окном, и река, и невод-брედень длиной в сто сажень. И стал бы я рыбу ловить и продавать...

— А деньги куда? — спросила я, а ты мне на это сказал: — «Э-э! Знаю куда. Перво-наперво, велосипед с колокольчиком и блеском, как у паникадила! Еще с блеском коньки и с винтовым зажимом на каблуке и подошве. Книг полный шкаф, и чтоб конфеты и орехи в карманах не выводились».

— Не помню, не помню, — смеясь, отмахнулся я.

— Небось, про мою косу вспомнил.

— Это другое дело. Такое не забывается.

— А еще помню, — продолжала Еликонида, — Турка вырыл тогда могилу, подошел к нам, подсел, глотнул водочки прямо из горлышка бутылки и подарил тебе две старинных монеты, достал он их из глазниц чьего-то черепа, песочком почистил. Ты взял монетки и разобрал слова: «Три копейки серебром». Турка ругнулся и сказал: «Какое, к черту, серебро, медяки! И живых, и мертвых обманывают, сволочи. Не верь, Костюха, никому. Хоть сам царь деньги делает, а обманывает...»

— Вот это помню. Турка любил меня. Верно, он говорил тогда: «Зачем мерт-

вых-то обманывать? Царства небесного не было и нет. Земля, говорят, пухом. Какой, к черту, «пух». Песок да глина толщиной в два аршина. Когда умрем, тогда пойдем, какой это «пух»...

— Ну, вот, видишь, ты и это вспомнил, удивительное дело получается, — продолжала гостья. — Что было, скажем, полвека назад, я все хорошо помню, а вчерашнее из памяти выскакивает.

— Стареем, голубушка, стареем.

— Нет, можно сказать, постарели телом, да молоды делом. Иногда и сердце сдает, а рассудок молод...

* * *

Загостились у меня Еликонида Ивановна. Успела за неделю рассказать про свою жизнь все по порядку. Многие узнал я от нее в эти поздние вечера, когда она, усталая, приходила после дневного брожения по городу.

Однажды Еликонида Ивановна принесла две плитки шоколада и стала меня угощать. Я ей говорю:

— Богата Велинка, на шоколад денег не жалеет...

А она смеется и руками разводит от удивления:

— Я отроду бы не купила. Да случилось так, походя заработала...

— Как это?

— Очень просто, у вас в Ленинграде все возможно. Иду по улице Халтурина, а навстречу мне небольшая демонстрация, с флагами и медными трубами, а впереди на грузовике на треноге аппарат фотографирует. С грузовика мне и кричит один: «Гражданка, будьте добры, возьмите вон то знамя, крайнее справа, и поднесите квартальчик...» Чем я ему полюбилась — не знаю. Пронесла я это знамя, похожее на хоругвь, — висит на поперечной палке и две кисти внизу и слова на бархате: «Мир хижинам, война дворцам!» Прошли квартал с музыкой. Он и кричит с грузовика: «Отлично! Стой!..» Все остановились. Меня подманил пальцем, две шоколадки подали спасибо сказал. Оказывается, это ради кино. Не ждала, не гадала, в киноартистки попала!..

* * *

Иногда я находил время сводить Еликонида Ивановну в музеи Ленинграда и на такси прокатил по главным улицам. Любо ей было видеть Ленинград впервые, а что не нравилось, осуждала:

— Сплошь камень да асфальт, асфальт да камень. Все давит на землю, и как она, бедная, дышит под такой тяжестью?..

Были мы с Еликонидой в казематах Петропавловской крепости, где томилась борцы за революцию.

— Читала я в одной книжке об этих застенках. А теперь своими глазами вижу, своими руками щупаю холодные стены.

В соборе Еликонида Ивановна больше всего заинтересовалась резным иконостасом.

— Было бы время, да позволили, с этих завитушек можно бы уйму рисунков снять, а потом бы и сколков наколоть, да таких бы кружев наплести. И опять бы наши девахи пускай думали, как я «на-

колдовала». А ведь это все мужицкая хитрость. Мы из ниток плетем, а они — ножичком, стамесочкой из дерева. Красота-то какая!.. Мудрили славно наши старички, золоторукие. — И вдруг Еликонида Ивановна увидела на одной из гробниц букеты цветов и, усмехнувшись, меня локтем слегка толкнула.

— Ужели кто из царских родственников уцелел и цветы сюда приносит? Глянь-ко, сколько их!..

Но прочла надпись надгробную: «Петр Первый», догадалась:

— Этому царю цветы полагаются... Не знаешь, сколько лет он умер?

— Кажется, в пятьдесят четыре...

— Мало пожил, да много сделал... Петр Первый пять раз и у нас в Вологде бывал...

Осматривали мы с Еликонидой Казанский собор. Там ныне антирелигиозный музей. Больше всего поразило мою гостью изображение Льва Толстого в аду в «Геенне огненной»:

— Вот, глупее и дикастее этого не могли придумать. Нет, отцы духовные, блудники греховные. Душу такого писателя никаким огнем не спалить. Дела его вековечны! А они его в ад, в огонь, в лапы сатане... Смешно? Нет. А глупей не придумать.

В этнографическом музее Еликонида Ивановна побывала дважды. Там большая экспозиция кружевных изделий. Много на этой выставке для пользы дела Еликонида Ивановна заметила и карандашом в тетрадь зарисовала.

— В нашем деле глаз да глаз нужен, хорошая память и рачительность, — пояснила она, показывая мне рисунок.

На вокзал моя гостья собралась за два часа до отхода поезда.

— Голубушка, зачем так рано?

— А уж так спокойнее. Лучше на два часика пораньше, чем на одну минуту опоздать, — рассудила она здраво, повологодски.

— До свидания, милая Велинка! Всех благ тебе, дорогая землячка, Еликонида Ивановна!..

Сергей ВИКУЛОВ

* * *

Ловим щук на блесну. Это дело мужское.
Друг мой Колька на веслах, я — рядом, в корме.
Как на взводе курок, друг мой Колька спокоен,
как и следует быть, я себе на уме.

Шнур намотан на палец. Я жажду победы.
Тихим ходом идем вдоль травы: где-то тут
полосатые щуки, как будто торпеды,
золоченую рыбку мою стерегут.

Я коварен. Я к щукам нарочно сплываю.
Про себя ж, как язычник, усердно молю:
«Сжался, щука, что больше других, надо мною,
съешь, пожалуйста, добрая, рыбку мою!»

Вдруг — удар! Да какой! Шнур—железное троса...
О, готова она постоять за себя!
Руки делают дело свое. Папироса,
перекушена, падает за борт, шипя.

Щука по борту слева... С ощеренной пастью.
Колька ловко ее поддевает сачком
и бросает к ногам... О рыбацкое счастье!
Целый год мы мечтали о счастье таком!

— Есть! — кричу я и тискаю Колькину руку.
И не трудно понять рыбаку рыбака:
может, это последняя в озере щука,
что бензином да нефтью не пахнет пока!

ПЕСНЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

С попутным ветром в пригород
врывается вагон.
И я встаю и прыгаю
с подножки на перрон.
В мешке просторном звякает
о кружку котелок:
немного — ясно всякому —
я рыбы приволок.

Но ты смеяться надо мной
не смей, Фома-Ерема.
Что толку в том, что в выходной
не вышел ты из дома?!

Какую зорьку клеваю
проспал ты, брат, в пуху!
Какую окуневую
прохлопал ты уху!
Какой концерт неистовый
был дан под утро мне
пернатыми солистами
в заречной стороне!

Не для тебя, а для меня
звенели птиц рулады.
Случись иначе — без вранья —
я лопнул бы с досады!

С улыбкою весеннею
с утра приду к станку,
чтоб вновь под воскресенье
уехать за реку.
Сыграют мне побудочку
кузнечки чуть свет...
Купи-ка, братец, удочку,
не пожалеешь, нет!

Ну что ты, мыкая печаль,
сидишь все время дома?
Ужель тебе совсем не жаль
себя, Фома-Ерема?!

* * *

Весна лучами,
как мечами,
на реках вспарывает льды,
и землю грешную мочалит,
стирает копоты следы.
Горячим ветром обновленья
жжет ноздреватые снега.
И вот уж
белого каленья
над нею радуга-дуга!

А ты
из теплой вылез норки
и снова — за зиму привык —

захлопнул полы, словно створки,
и даже поднял воротник,
И в нем
лицо от ветра пряча,
ступаешь задом наперед...

Да перестань же ты, ходячий
анахронизм,
смешить народ.
Встань на ветру, чтоб просквозило!..
Медведь и тот уж — духота! —
очнулся после спячки зимней
и вынул лапу изо рта.

БЕРЕЗОВЫЕ ХОДИКИ

Иду с грибами мимо выгона. Отвод крепко приперт еловым колом.

Обеденной дойки еще не было. Стадо сгрудилось в ложбинке, густо обросшей живучим, неистребимым ивняком. У отвода — ни былинки, вся луговина начисто ископчена коровами.

— Как жизнь, дядя Федор? — кричу я пастуху, сбросив с плеча корзину.

— Идет помаленьку, — доносится из-за шалаша его голос. Посреди выгона, на отшибе от мелколесья, одинокая и старая, как вдова-вековуха, стоит береза. К корявому шишковатому стволу притулился шалаш — покрытое берестой сооружение из ивового тонкопрутья и кольев.

— Заходи, покури, — приглашает дядя Федор.

Перемахнув через изгородь, направляюсь к нему. На колене у пастуха берестяной туесок.

— Внучка по землянику собирается, ее заказ.

Сдунув с резьбы берестяное крошево, он небрежно кидает туесок на шалаш. Мы оба некурящие. И оба понимаем, что «заходи — покури» дяди Федора означает откровенное, ясно и просто выраженное приглашение посидеть, потолковать с одиноким, по людям соскучившимся человеком.

— Как гриб? Попадается?

— Мало.

— Безо времени пошел. Рано еще. А гриба нынче будет — косой коси. Откуда знаю? И не колдун, да отгадчик. Вот запомни и впредь сам примечай. Ежели на полях снег стает, да по западинкам, где лежал он дольше, плесень остается — быть большому урожаю грибов. Самая верная примета. Помни, дело говорю.

По один год тоже так-то вот, как ныне, чуть не все западинки весной плесенью окинуло — из памяти тот год не избыть. Ох, и гриба было!

Помню, с покойной своей Андреевной за глубиной-то на лошади поехали. Полную телегу наторкали за два уповода.

Вышли мы последним заходом на обкошенную полянку, а там по кошенине будто кто золотые рубли решетом сыпал. Все прокосево в рыжиках. Как на подбор! Корзина у меня была — плетень гунменный, не корзина. Полную набрал. Тороплю Андреевну. Время к вечеру, надо к лошади выбираться, а идти порядочно. Попробуй-ка в сутомень-то продерись. Бросай, говорю, к лешему свои грибы, разве все выберешь. А она, ну баба, так баба и есть — пожадничала! Еловыми лапушками корзину огородила, напичкала стогом, а поднять не может. Села и голосит: выкинуть — жалко, нести — силы нет.

Во как бывает. Одним днем на всю зиму глубиной обеспечились.

Дядя Федор посмотрел на дорогу:

— Долгонько что-то сегодня наши доярочки раскачиваются. По моим березовым ходикам уж давно за полдень перевавило.

— По каким ходикам?

— А вот по этим, — усмешливо кивнул он на белокурую березу-вековуху. — Видишь, тень от нее в черемуховое кустовье уперлась. Значит, время около часу. К трем часам березка свою тень к этому вот пню-старичине перенесет. А как на тот вон камень положит, труби, Федор, походную, созывай свое войско! Домой пора.

Я с интересом смотрел на эти часы, циферблатом которых была утопанная коровами луговина, а стрелкой — тень старой бобылихи-березы.

— Думаешь, ходят худо? Не бойся, от московских не отстанут.

— А если день пасмурный? Нет, дядя Федор, ручные или карманные понадежнее.

— Это, конечно, что говорить. Бывали у меня часы. Да недолго пожили. Может, оттого, что по недоразумению достались.

— Как так?

— Было дело. Служил я тогда действительную в двадцать пятом году на Дальнем Востоке. Время было хорошее, самое что ни на есть бабье лето. Выйдешь из палатки, свежесть вокруг этакая сухая, прозрачная. И паутинки легкие из-за реки летят, будто на китайской стороне шелковую шаль кто по ниточке распускает.

Мы вот-вот должны были на зимние квартиры отбыть. И вдруг, как гром среди ясного неба, нагрянуло к нам большое начальство.

Погнали нас, молодцов, на стрельбище. На полигоне встал перед нами командир роты и речь держит. Так, мол, и так, товарищи красноармейцы. Кто из тридцати возможных двадцать пять очков выбьет — в отпуск, домой поедет. А надо тебе сказать, что в нашей роте на стрельбищах мало кто мог со мной потягаться. Дело говорю, не хвастаю. Слышу, дружок мой, Леня-литерец бубнит:

— Федор, выручи! Позарез домой надо. Брат женится.

— Как же, — говорю, — я тебя выручу?

— Бей по моей мишени, а я по твоей. Ей-богу все выйдет, как надо.

— Ладно, — отвечаю, — только бы угадать нам вместе.

В самом деле, мне домой не к спеху. Хлеб обмолочен, сенокос тоже давно кончился. Почему не попробовать выручить человека, попытка не пытка. А стрелком Ленька был совсем никудышным. Еще наш черед не пришел, видим, быть нам на огневой вместе. Выходим по команде, ложимся, как положено. Дали нам для начала по одному патрону. Отстрелялись по первому разу, к мишеням идем. Смотрит ротный Ленькину мишень.

— Молодец, — говорит, — Ежкин! В десятку попал. Ну, а как ваши результаты? — меня спрашивает. А я еще и на мишень свою не глянул, за дружка переживал. — Шесть очков? — удивляется ротный. — Неважный результат. Я от вас, товарищ Скорняков, ожидал большего.

Слава богу, думаю, что хоть шесть-то есть. Ну, кабы Ленька выбил на очко меньше — вся наша затея тогда лопнула. За пять очков патронов больше не дадут, стой на левом фланге, учись у товарищей.

Возвращаемся на огневую. Ленька захлебывается:

— Теперь все ладом будет. Главное, я в «молоко» залепить боялся. Крой, Федюша, в том же духе.

Грохнули мы по второму разу и снова к мишеням. Слышу, ротный опять дружка моего хвалит. Девять да восемь — семнадцать. Порядок думаю. Черт меня под руку не подтолкнет — гулять Леньке на братухиной свадьбе.

— Вот это другое дело, — ротный мне говорит, — точно в десятку!

Смотрю, в самом деле — десятка!

На обратном пути шепчу Леньке:

— Шарь теперь по своей мишени в том же духе.

А он зверские глаза сделал и одно бубнит:

— Ты что, подвести меня хочешь? Неужели не понимаешь, что это случайное попадание?

Ну, случайное, так случайное. Бывает такое. Расположились мы снова. Ленька сразу бабахнул, а я, старатель, все еще мишень на мушку ловлю: опростоволоситься побаиваюсь. И что ты думаешь? Ведь он, сатана, опять влепил в десятку! Ребята меня чуть качать не взялись, ротный благодарность объявляет, — как же, подряд два попадания в десятку, а я сквозь землю рад провалиться.

— Что? Не получилось у Леньки с отпуском?

— Ну как не получилось! Двадцать пять-то очков я ему все-таки нащелкал. А мне за его труды часы именные от полка достались и к отпуску представили. Так вот вместе с Ленькой мы и домой поехали. Вот, брат, какие дела бывают.

— А что с часами?

— Отдавал я ему их — не взял. Дорогой пропили.

Дядя Федор — неутомимый рассказчик. Достав из шалаша донце начатой корзины, из которого, как из игрушечного солнышка, ребятишками сработанного, торчат во все стороны длинные лучи-прутья,

он снова принимается за работу. Стоит нам только перекинуться парой пустяжных фраз, как тут же мимоходом дядя Федор приплетет к слову новую памятную свою былинку.

Люблю послушать его рассказы, которые сами собой подходят друг к другу, будто ладно и ловко подогнанная руками бондаря клепка, и, точно клепка, обручем обтягиваются одним хорошим светлым настроением.

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

— Хватит! — выкрикнул Вовка, едва переступив порог. — Пропадайте вы пропадом с этим Ивушкиным. С меня довольно!

Он со злостью швырнул в угол заскорузлые мороженые рукавицы, сорвал со стены рюкзак. Торопливо, точно боясь, что ему помешают, стал собирать вещи. Их было немного: лыжный костюм, бритвенный прибор, купленный больше для шику, чем по надобности, кирзовые сапоги, две пары байкового бельишка.

Три паренька минут десять молча следили за его сборами. Один из них худенький, по-девичьи большеглазый, с крупной родинкой на виске, сказал полушутя, полусерьезно:

— Парни, подайте стакан воды человеку.

Второй, крупноплечий, приземистый, как небольшой тягачок, полуобернувшись, бросил с усмешкой первому:

— Вчера говорили этому чудаку, что в семнадцать лет спать две ночи подряд на печке — быть худу. Ставлю диагноз: угар. Временное атрофирование умственных способностей.

Третий, рыжий и нескладный, не выдержав, вскочил с широкой лавки и взволнованно сказал:

— Бросьте трепаться! Он на самом деле собирается уходить. Вовка! Да ты что, рехнулся что ли? — Он схватил товарища за плечо. — Слышишь? Довольно дурака валять.

— Я тоже так, Гошка, думаю. Хватит, повалили дурака. Мы ехали работать в

— Ты, наверное, ни одного худого дня в памяти не держишь? — говорю я ему с завистью.

— А ничего не сделаешь, Готя, — снова прячет в бороду добродушную лукавинку дядя Федор.

— Такой уж у меня хронометр, — кивает он на свою березу, — при солнышке, сам видишь, каждому часу счет ведет, отмечает, а пасмурные дни — не учитывает.

колхоз! Понимаешь, в коллективное хозяйство! А приехали куда? В вотчину, которой управляет тупица и самознай.

Вовка рывком затащил рюкзак скрученной тесемкой.

— Дался тебе этот Ивушкин. Ну, обезлюдела бригада. Ну, привык человек все дела вершить в одиночку. Но есть же еще председатель, правление артели. Вот завтра и пойдем туда. Спросим, кто дал право Ивушкину срывать вывозку удобрений на комсомольский участок. Чего ты в самом деле? Неужели Павел Иванович меньше нас понимает, что такое кукуруза. Стой же, чудило!..

— Отпусти плечо. Отпусти, говорю! — Вовка рванулся из-под руки Гоши, кинул за плечи рюкзак.

...Шел деревней, стараясь не глядеть на окна. Знал, не одно лицо прильнуло сейчас к наспех протертым стеклам, не одна пара глаз встревоженно и недоуменно смотрит ему вслед.

Вот и Аннушкина изба. Мимо, мимо! Все равно увидит. Ну и пусть видит. Плетью обуха не перешибешь. Разве можно жить с таким Ивушкиным? Одно бубнит себе под нос: «Яйца курицу не учат». Действительно, курица. И глаза-то, как у курицы, без ресниц.

У старого закопченного овина Вовка вышел к реке. Стоит, не шелохнется в проруби темная вода. Широкое плесо почти вровень с берегами занесено непроходимыми сучьями. Так и не пришлось здесь половить головлей. И с Аннушкой по берегу больше не хаживать.

Наверное, заметила в окно. В эту пору она обычно с телятника приходит. Накинула полушалок и — к ребятам. А те что скажут? Сидят, молчат, виду не подают. Эх, парни, парни...

Плотно укатанная тракторными санями дорога свернула в лес. Молчат-ели, будто тоже обиду затаили. Нет, зашумели недовольно, закачали осуждающе макушками: «Вовка, Вовка! Куда уходишь, Вовка? А уж мы-то тут для тебя к лету грибочками расстараться собирались...» А ну вас всех к ляду! Поеду домой. Мать шаньги на сметане делает, пирогов напечет. Отец примет круто. Этот и лупку может дать. Запросто. Ничего, все обойдется.

Тяжело идти по зимнему пути. Кончилась умятая тракторами дорога. Вовка вышел из лесу, свернул на тропу, что, пересекая наискосок широкое поле, тянулась к далекому железнодорожному полустанку.

Два месяца назад шли этой самой тропой четыре хороших друга: Вовка-заводила, Гоша-долгомер, Ванюшка и Андрей. Эх, парни, парни. Еще в десятилетке решили: сразу в институт поступать не будем, поедem на два года в самый отстающий колхоз. Хлебнем шилом патоки, проверим, на чем земля держится. В райкоме комсомола уверенно заявляли: выдюжим. Отрежем хлеба со своего каравая. Докажем людям, что знаем, чем кормимся. Доказали...

А что если они — Иван, Гоша и Андрей — все-таки докажут? Нет! Гоша покричал, побегал да уже и завял, наверное. Ванюшка, может, до весны останется. Только Андрей наверняка из колхоза не уйдет. Ни за что не уйдет! Не тот это парень! А если все-таки и он уйдет? Ну и пусть. Какое, собственно, ему, Вовке, до всего этого дело? Тем лучше. Значит, все одного поля ягода. А все-таки тошно. Ой, как тошно!

Заструившись снежными ручейками и переметая узкую тропу, потекла по полю поземка. Вязнут в глубоком снегу грузные валенки. Тяжело идти обратно. Тяжело. «Или со щитом или на щите» — это он тогда трепался в классе. Хорош гусь! Ладно, обойдется. Не больно тут в нас и

нуждались. Как жили, так и жить будут.

Вовка распахнул телогрейку, сбил на затылок заиндевелую ушанку. Душно. Словно не по снежному ветреному полю идешь, а на самую верхнюю полку в бане забираешься. Дышать даже больно.

Если бы Аннушку удалось в город переманить? Письмо можно написать. Нет, не поедет. И на письмо, конечно, не ответит.

Удивительная девчонка! Как она сияла, когда шла вместе с ними из колхозной конторы. «Ой, как хорошо-то, мальчики, что вы к нам приехали! Оживет теперь наша бригада! Всех поднимем на ноги!» Такая любого растормошит. Глаза сияющие, глубокие. Глянешь в них и — поминай, как звали. Нет, не ответит на письмо Аннушка...

Едва добрал Вовка до полустанка. От долгой и трудной ходьбы мелко дрожали колени. Как-то особенно противно сосало под ложечкой. Но к поезду он все-таки успел. Сунул в кассу полтинник, схватил билет и уже на ходу вскочил на подножку.

— Допрыгаетесь, молодой человек! — строго заметила пожилая проводница.

— Я уж и так, кажется, допрыгался, — ответил Вовка и, с трудом переводя дыхание, направился в вагон.

«Милый денек. Еще один такой денек — ноги протянешь», — подумал он, измученно опускаясь на сиденье.

Пышнобокая девица в короткой дошке жаловалась соседке, обиженно выпячивая подкрашенные сдобные губки:

— И это называется областной центр. Целый день ходишь по магазинам — ни осетрины, ни окорока не купишь. Подумать только, — заливалась она.

«А много ли ты-то делаешь для того, чтобы там все это было? Окорок! — зло усмехнулся в воротник Вовка. — Я бы дармоедам и хлеб-то по карточкам выдавал».

За стенкой кто-то густо гудел про свое:

— Нет, с такой маломощной силой колхозы нам не поднять. Не под-ня-ять. Землю удобрением вволю кормить надо, тогда и она, матушка, хорошим застольем пожалует. Вот, к примеру, в прошлом

году я на свой приусадебный участок как бухнул три воза назема! Так у меня со старухой столькоросло всего, веришь, Иван Андриянович? С одной только гряды полтора пуда помидоров снял. А помидорчики-то они летом до двух целковых за килограммчик поднимались. Смекаешь? Хе-хе-хе... А огурцов сколько, а капусты! Нет, земля без удобрения рожать не будет. Ее, милую, обязательством не надуешь...

— Ничего, Илья Тимофеевич, — вмешался в разговор сипловатый тенорок. — Бог не выдаст, свинья не съест. Многие колхозы встают на ноги. Это ты загибаешь лишка. Народ на деревню едет. Кои на родные места возвращаются, а кои и так едут, общее дело поднимать.

— Едут, родимой, едут! — услышал Вовка знакомый старушечий голос. — Как же, как же. Да еще ребята-то какие. Да из городу-то, так просто любо посмотреть. Комсомолия!

Вовка осторожно выглянул из-за перегородки. В соседнем купе сидела на своей корзине Андреевна. Милая, старая Андреевна, у которой поселились Вовка со своими товарищами.

— Молчала бы, старая, коли бог ума не дал, — опять загудел Илья Тимофеевич. — Как же, едут! С одного газетного листа на другой. Где она, твоя комсомолия? Пошлют какого-нибудь прощелыгу работать в колхоз, так он только и думает, как бы скорее дать тягу обратно.

— И чего зря человек городит? Чего городит? Вишь, рожу-то навел на свои помидоры-то. Все ведь тебя знают, окаяного. Много ли сам-то в колхозе поработал? Все время то на лесопункте, то в сельпо. По всему району всю жизнь околачивался, только в попах разве не бывал. Ведь звание одно, что колхозник. Да у меня у самой на квартире стоят ребята из городу. Да как ты можешь, бесстыжая рожа, человеку на горло-то наступать. Бог ума не дал! — передразнила Андреевна. — У тебя его много! Вот оттяпаем приусадебный участок-то, так запо-

ешь на другую сторону. А, что с тобой говорить, с пентюхом...

— Да, истинно говорю, — продолжала она, обращаясь к щуплому старику с пегонькой вялой бородкой. — Живут у меня четыре молодца. Шестой месяц живут, — не моргнув глазом, со святой верой в свою правоту накинула четыре месяца Андреевна. — А уж такие-то голуби! Лежу вечером на печи, а они все-то и воркуют, все-то и воркуют. Житье-бытье наше планируют. Радио провели в каждую избу, — сейчас Андреевна говорила только то, что было на самом деле, — и от трудодней, дурачки, отказались. Ну, да Ивушкин, бригадир-то наш, разве позволит своих ребят обижать? Ночью бегал к председателю, днем-то разве его застанешь. Все обделал честь честью. Премияльные выхлопотал для них. А как же? Поди-ко подолби сейчас землю-то. Шутка ли — сто осемнадцать ям под столбы выцарапать. На эком-то морозе. Электричество будут на днях проводить. Уж вот господь послал... Уж вот сподобил, — Андреевна отсморкалась в старый полушубок. — Да я за своих ребят любому зенки выдеру.

Мчался поезд к областному городу. Покачивались на рельсах выдавшие виды вагоны местного сообщения. Поскрипывали, постукивали на ходу.

Вовка осторожно прошел в тамбур. Открыл дверь. Мелькала стремительно под ногами присыпанная гравием и снежком насыпь. Втянул голову в плечи. Жутко. Оглядев впереди место посугробистее, прыгнул на ходу поезда, ногами вперед. Кубарем скатился по насыпи в пухлые сыроватые объятия мартовского сумета. Сел. Ощупал руки, ноги, мокрый лоб. Вроде — цел. Горячими губами хватил с ладони снежку. Усмехнулся про себя: «Милый денек».

Встал и, размахивая кулаком, шалея от буйной неудержимой радости, закричал что было мочи вслед ушедшему поезду: «Э-ге-ге-гей! Держись, Андреевна! Мы ещё повоюем!»

О С Е Н Ь

Врали, что чудес на свете нету.
С тонких веток — щедр осенний дар —
Крупные
 червонные монеты
Падают на мокрый тротуар.
И влюбленно глядя на природу,

Мы разучились радоваться счастью
Обычных неприметных мелочей:
И добрым снам,
И доброму участию,
И лунности безветренных ночей.

Крутые отрицатели покоя,
Трудясь,
Борясь,
Мы говорим опять:
Уж коли счастье,
 то давай такое,
Чтобы двумя руками не поднять.

О вера наших матерей.
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
 Подрастающих детей.
Давно та вера родилась,
И многие забыть успели.
Как незабудки чьих-то глаз
Цвели над нашей колыбелью.
Такой уж матери народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебежится. Пройдет», —
И снова верят, верят, верит.

И дышат тем счастливым днем,
Когда мы, прочно встав на ноги,
Вдруг все увидим
И пойдем
И с честной
 не свернем дороги.

Как должно людям молодым,
Не почестей и славы ради,
Всю жизнь сурово подчиним
Служенью Родине
И правде.
И мы не ступим на крыльцо
Хором
 где совесть опочила,

После производственных забот
Слесарек с соседнего завода
Будто царь
 по золоту идет.
Что сейчас он думает —
 не знаю.

Только я,
Октябрьским светлым днем,
Видя, как березы догорают,
Не могу не думать о своем:
Если бы и нам на белом свете
Жить вот так,
 сгорая на ветру,
Чтобы даже собственную смертью
Приносить на землю
Красоту.

* * *

Мы меньшим радостям почти не рады,
И нас в таком не убедить вовек:
Мол, где же счастья взять таких громадных
Для стольких миллионов человек.

И все-таки
Под шорох мокрых листьев
И светлый шелест родниковых струй
Спасибо тебе, милая,
За чистый
Единственный
Далекий поцелуй.

* * *

И не сдадим пред подледом,
Того он выше будь по чину.
Так верят матери одни,
Взыскательно
 и терпеливо.

И некрикливые —
Они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере,
 преданной и нежной.
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем их надежды.

ВОЛОГДА

Города, как и люди, имеют свой облик, свою жизнь, свои особенности. Знакомясь с биографией Вологды за последний период, мне невольно приходят на память стихи нашего поэта-земляка Александра Яшина:

«Словно из-за моря воротился
Из родимой Вологды сосед.
День за днем — конца рассказам нет:
— Город изменился,
Обновился
За пять лет, как будто за сто лет...»

Да, в жизни Вологды именно последние пять лет ознаменованы стремительным движением вперед. По темпам, по размаху строительных работ они превосходят многие столетия дореволюционного существования древнего города. В самом деле, только в 1956—1961 годах в Вологде введено в эксплуатацию 272 тысячи квадратных метров жи-

*Растет и хорошеет поселок
текстильщиков.*

СТРОИТСЯ

Здание горкома КПСС на ул. Ленина.

лой площади. За это время свыше 30 тысяч человек справили новоселье в новых благоустроенных квартирах.

«Домотканый» городок, как в годы войны охарактеризовал Вологду Константин Симонов, сбрасывает с себя деревянную одежду, строится, хорошеет. Проходя по городским улицам, мы видим десятки новых многоэтажных зданий. В одних из них недавно справили новоселье, в других заканчиваются отделочные работы, а третьи только что закладываются. Строители позаботились об удобствах жителей. Зайдите в любую квартиру, и хозяйки покажут вам газовую плиту, ванну, водопровод. Об электричестве и говорить не приходится — оно прочно вошло в быт. В нижних этажах жилых домов разместились магазины, почтовые отделения, ателье бытового обслуживания, столовые.

Вологда — в лесах новостроек. Вот перед нами площадь Революции. Как она преобразилась! В центре площади, вокруг скульптурной группы,

Городской Дом культуры.

отображающей основные отрасли народного хозяйства области, разросся сквер. Прилегающая к нему территория заасфальтирована. Со всех сторон смотрят на нас оригинальные по своей архитектуре здания обкома КПСС, городского Совета депутатов трудящихся, гостиницы «Северная», областной библиотеки. По соседству с библиотекой построен Дом союзов. На углу Советского проспекта и Пушкинской улицы взметнулся ввысь Дом связи. Здесь разместятся автоматическая телефонная станция, центральная почта, зал для междугородных переговоров, областное и городское отделения Союзпечати. Здание пока не готово, но оно уже украшает площадь. Пройдет немного времени, и связисты получат прекрасный подарок. По соседству с Домом связи сооружено новое здание областной библиотеки. С него леса также уже сняты, а внутри ведутся отделочные работы.

Нередко можно услышать, как вологжане называют улицу Урицкого «улицей новостроек». Действительно, в последние годы здесь появилось немало жилых домов и административных зданий. Окрашенные в светло-розовые тона, они невольно привлекают взгляд.

В том же районе, на улицах Пирогова и Герцена, построено еще несколько домов. Образуются целые кварталы, они неузнаваемо меняют облик города.

Большие изменения произошли в районе Вологодского железнодорожного узла. Здесь появились не только новые улицы, но целые поселки. На площади Шмидта и улице Мира выросли пя-

Школа-интернат № 3 в поселке Вологодского льнокомбината.

тиэтажные дома. Красиво вписываясь в архитектурный ансамбль, они преобразили привокзальную площадь.

В юго-восточной части Вологды, за линией железной дороги, там, где когда-то были огороды и свалки мусора, вырастает новый микрорайон. По плану первой очереди здесь будет возведено двенадцать восьмидесятиквартирных домов. Три из них уже сданы в эксплуатацию. В четвертом доме ведутся отделочные работы. Вблизи от него грохочет экскаватор — это строители готовят котлован под фундамент очередного объекта. В центре жилого массива выросло огромное светлое здание школы. Около тысячи учащихся уже приступили здесь к занятиям.

Для жителей нового городка в недалеком будущем построят кинотеатр, поликлинику, комбинат бытового обслуживания, детский сад и другие объекты. Жить здесь будет удобно и радостно.

Железобетонный мост через р. Вологду.

Широко развернулось строительство в заречной части города. Один за другим вступают в эксплуатацию дома на улицах Гоголя, Добролюбова, Чернышевского, Карла Маркса, Некрасова и многих других.

Кварталы многоэтажных зданий выросли на месте бывшего пустыря около Вологодского мясокомбината, в Заречном поселке и в поселке Речников. То тут, то там высятся большие каменные дома по улицам Энгельса, Комсомольской,

Жилые дома для железнодорожников в новом микрорайоне.

Армейской набережной. А по соседству с ними уже разбиваются новые стройплощадки. Следовательно, сюда тоже скоро придут строители и возьмутся за дело.

Растет поселок Вологодского льнокомбината. Помимо жилых домов, здесь появилось большое количество культурно-бытовых объектов — поликлиника, клуб, магазины, прачечная и т. д. Все это — к услугам текстильщиков. В июне 1962 года в поселке сданы в эксплуатацию общежитие и учебный корпус школы-интерната № 3. В этих прекрасных зданиях 1 сентября приступило к занятиям 480 учащихся. Воспитанникам школы-интерната созданы все условия для плодотворной учебы и подготовки к трудовой жизни.

За последние годы в Вологде появилось несколько административных зданий и учреждений культуры. Прекрасный подарок недавно получили жители Октябрьского поселка — кинотеатр «Октябрь». На левом берегу реки Вологды, про-

тив парка паровозо-вагоноремонтного завода, выделяется большое здание с красивыми колоннами. Это новый городской Дом культуры.

В Вологде построены также корпуса проектного института, областной больницы, четырех школ, хирургического отделения городской больницы, строительного училища областного управления профессионально-технического обучения и многих других объектов.

В крупных масштабах проводятся работы по благоустройству города. На наших глазах преобразилась Армейская набережная, многие улицы и тротуары оделись в асфальт, через реку Вологду перекинулся новый железобетонный мост, под землей проложены десятки километров канализационных и водопроводных труб, сооружается газораздаточная станция, разбиваются скверы и парки.

Да разве можно перечислить всё то, что сделано и делается по строительству и благоустройству нашего древнего, но с каждым годом молодящегося города. В обширном городском хозяйстве приметы нового видны буквально всюду. Вологда становится большим, красивым, благоустроенным областным центром.

Вл. Малков.

Строители в обеденный перерыв.

В. БОГДАНОВ

ДЕВЧОНКИ

Я знаю девчонок.
Тех самых, тех самых...
Не тех, что с пеленок
До выданья замуж
За маминой юбкой
Сидят обреченно,
Не нежных и хрупких
Я знаю девчонок.
Без всякой там блажи,
Другие мне любви,
Станочницы наши —
Маруси и Любы.
В стенах общежитий
Живут без комфорта,
Во взбалмошном быте.
Но есть у них гордость!
Но есть у них песни,
И книг у них горы,
И в комнатах тесных
Такие просторы...
И новостей ворох,
И споры о чести,
О дружбе, в которой
Нет подлости места.

Бедны в одиночку,
А вместе богаты,
Не мамыны дочки,
А наши девчата,
Друг другу кивая,
Бегут после чая,
Шумят по трамваям,
День новый встречая.
Потом на заводе
Серьезными станут.
Забудут все вроде,
Косынки подтянут.
Работают с чувством
И с жадинкой даже.
Устанут, но усталъ
Свою не покажут.
Лишь горки деталей,
Блестя, как медали,
Подскажут: устали
Девчонки, устали.
Устали Наташки,
Катюши и Галки,
Но вечером в парке
Танцуют вразвалку.

И пусть у них тоже
Ребячьи прически,
И сами похожи
Они на подростков.
Но я упрекнуть их
Себе не позволю.
Я знаю — их руки
В горячих мозолях,
В глубоких порезах.
Ладони, как камень.
И пахнут железом
Они — не духами.
Но даже и ими
Девчонки, коль надо,
Так нежно обнимут —
Запомнится на год.
И если сердца их
Любовь повстречает,
Не искрой мердают,
Костром польхают.
Такие мне ближе,
Как песни в народе,
Таких я и вижу
У нас на заводе.

В ЦЕХЕ

По всему пролету, как пожаром,
Разметало жаркий грохот дня.
Я пришел сегодня к сталеварам,
К людям, огрубевшим у огня.
Незнакомый им по всем приметам,
Я зашел сюда не между дел,
У меня задание: в газету
Написать статью об их труде.
Говорил редактор — больше фактов,
Оптимизма больше покажи.
Это значит: все поставь на карту,
Напиши о людях от души.
А они, виновники терзаний,
Козырьки защитные подняв,
Смотрят развеселыми глазами,
Как на привиденье, на меня.

Рядом со спедовкою рабочей,
В искрах огнедышащей стены,
В шляпе и при галстукe я очень
Выгляжу, наверное, смешным.
Разошлась бригада — скоро выпуск,
Скоро хлынет золото в ковши.
Вот и кран
стальной машиной выполз
И на помощь людям зашел.
А они с волнением влюбленных
В этот миг готовы не дышать,
Ведь сейчас их плавка, как ребенок,
Будет делать самый первый шаг.
И, несмело вглядываясь в лица,
Я запоминаю их красу...
Нет, статья для этих не годится.
Им, таким, — поэзия к лицу!

КАКИЕ ЗВОНКИЕ НАЗВАНИЯ

Какие звонкие названия
Лесных речушек, рек и сёл:
Борки, Берёзово, Расстани,
Медянка, Ширя, Суходол...

Ручей в лесу чуть-чуть заметный —
Журчать едва хватает сил.
Когда и кто словом заветным
Его, как сына, одарил

За то раздолье луговое,
За горсть водицы в сенокос?

Глядится в зеркальце лесное
Рядок застенчивых берёз.

И над любой из рек — деревни,
Дома сбежались к берегам.
Любил селиться предок древний
Поближе к речкам и лугам.

И кто он был — никто не знает.
И пусть его давно уж нет —
Его любовь к родному краю
Живет в названьях сотни лет.

Л. БЕЛЯЕВ

* * *

Моя любимая,
Тебя ругают,
Мою нетронутость
Оберегают
Старушка-мать
И с ней другие.
Но им ли знать
Твои витые,
Литые косы,
Что туго скручены.
Ты мной засмотрена,
Ты мной заучена.

Мне только видеть бы
Глаза огромные,
Такие смелые,
Такие скромные,
Такие чистые,
Такие синие...
А мать печалится —
Верните сына ей.
И отсоветовать
Спешат знакомые.
А на наветы их
Молчать легко ли мне?

Как сделать лучше бы?
Что им отвечу я?
— Учитесь души вы
Очеловечивать.
Моя же, чур, за мной,
Ругайтесь вычурно,
Тех щек не вычернить,
Тех глаз не вычеркнуть.
Скажу вам прямо я,
Скажу вам вежливо:
Моя любимая —
Моя по-прежнему.

Г. КРУТОВ

ЮКСПОРСКИЙ СНЕГ

По рассказам приезжих,
Снег пригожий и нежный,
На пушинки похожий,
До-олго в небе кружится
И на шляпы прохожих
Невесомо ложится...

А у нас на Юкспоре
Снег не тех категорий.
Здесь он мелкий и колкий,
Как стальные иголки,

Он пожгучей, чем искры.
Он напорист, как выстрел,
Если он залютует —
Ни пути, ни дороги.
Занесет, замурует
Паровозы в берлоги.

Снег у нас на Юкспоре,
Как буяное море!

Н. ГРУЗДЕВА

* * *

Ты — коммунист? Да, коммунист!
Задай себе вопрос:
Всегда ль ты был душою чист,
Всегда ль, как правда, прост?
Без принужденья, без труда
Проверь себя, проверь:
К тебе, к душе твоей всегда
Открыта настезь дверь?

Чтоб на заснеженном пути
Для всех простых людей,
Как из грядущего, светил
Маяк души твоей.
Чтоб был он светом и теплом
И веял искры вдаль...
В нем — цель твоя и совесть — в нем,
А если нужно — сталь!

ДОЖДЬ

Дождь бьет
по крышам и по вывескам
скороговоркой —
щелк да щелк.
Дождь льет и льет,
Стараясь выискать,
чего бы вымочить еще.

Одни под зонтик
прячут головы
от дождика,
как от беды.
А мы, смеясь,
идем по городу
под ликование воды.

Дождь освежает
и врачует,
шумит по рошам
и полям...
— Дождя,
еще дождя хочу я
с весенним солнцем
пополам!

Ю. ЗАВЕРТКИН

* * *

Комнаты увешены
Темными коврами,
Комнаты уменьшены
Креслами, столами.
Рядом с телевизором,
Взятым не в рассрочку,
Выставлены с вызовом
Крошки-лапоточки.

На серванте — слоники,
Семь, да по ранжиру!..
А хозяйке стонется
От хандры и жиру.
...В доме переполненном
Ничего не светит:
Даже солнце поймано
В тюлевые сети.

В. ПАШОВ

СТИХИ О ДЕТЯХ

ПОТОП

По двору течет вода,
По крыльцу течет вода.
И галдят, галдят ребята:
— Караул, потоп, беда!
Вдруг как крикнет папа Степы:
— Ну-ка, успокоиться!
Никакого нет потопа, —
Это Степа моется.

КУРЫ

На крылечко куры сели,
Как комочки снежные,
На Танюшу посмотрели
И кудахчут вежливо:
«Куд-да ты, куд-да,
Ну куда пошла, куда?»
Тане маленькой ни хода,
Ни прохода не дают.
По крыльцу за Таней ходят,
Даже зерен не клюют,
Таня плачет, Тане страшно,
Рядом курицы одни,

И кричит Танюша Саше:
«Саша, куриц прогони!»
И по щечкам слезы льются,
Саша улыбается:
«Куры, Танечка, смеются,
Куры не кусаются!»

ТЕНЬ

Вот уже и кончен день.
У сарайки тихий мальчик
На свою посмотрит тень
И от страха чуть не плачет.
О, каким он стал огромным —
Больше дома своего,
Страшным-страшным,
черным-черным,
Не узнает мать его!
Брат пришел, пришла сестра
И сказали: «Спать пора:
На траве и грязь и сырость,
Ну, пойдем домой, пойдем!»
Но на тень косится Витя:
«Как я вырос! Посмотрите!
Посмотрите, как я вырос, —
Не войду теперь я в дом!»

ПАМЯТНИК НА ВЕКА

(О ЧЕРК)

Чем ближе строительная площадка, тем грандиозней она, величественней. И нет ей ни конца, ни края. Не умолкает ее шум ни днем, ни ночью. Цех-гигант рождается трудно, заставляя без отдыха биться сотни сердец. Куда ни кинешь взгляд — всюду картины кажущегося хаоса. Там горы вздыбленной земли. Тут, словно брошены небрежно рукою великана, железные балки. Здесь кран-коLOSS поднял за хребет сорока- или шестидесятитонную плиту и держит ее в воздухе, раздумывая, бросить или помиловать. А наверху опалубки видишь паренька в солдатской форме и черной кепке, вскинувшего правую руку. Он стоит впол-оборота к железному слону-крану, командует. И все обретает строгую разумность. Металл, земля, бетон уступают тому, кто властвует над ними, — строителю.

Вот проезжает мимо машина. Кучерявый шофер сбавляет скорость и бросает взгляд на уцелевшие подорожники, улыбается, подивившись силе жизни, потом, что-то вспомнив, гасит улыбку и нажимает на стартер. В длинном пролете цеха холодного проката издали виден плакат: «Бригады тт. Юдина, Викторова, Кульмичева! Ваше боевое задание — к 1 Мая закончить фундамент ФО-20. Железобетонных успехов!»

И знает шофер, как ждут его бетонщики и наверняка будут «ловить» по дороге. Ты еще только заворачиваешь в пролет, начинаешь выкручивать машину, как невысокий плотный крепыш с упрямой головой и открытым взглядом сигналил тебе, рассекая ладонью воздух: сюда, сюда! А потом прибежит в будку, не скрывая радости, обронит два слова: «бетон идет» — и убежит. Это О. В. Кульмичев.

Какая же сила заставляет трудиться так рьяно, жадно? Кусок хлеба, тревога

за завтрашний день, боязнь потерять работу? Нет! Эта сила, как говорит секретарь обкома из одноименного романа Кочетова, возникла вместе с нашей ленинской партией, сила идей, вера в торжество коммунизма. Эта сила поднимает ввысь и бетонные «леса» нового цеха-гиганта. И растут и растут они, упрямо вздымаясь к васильковому небу. Здесь передний край трудового фронта, где создается материально-техническая база коммунизма. «Строители, — говорит Н. С. Хрущев, — где бы они ни работали, закладывают памятники на века».

И в этом благородном деле очень много значат взаимовыручка, дружба.

Движимый этим чувством, волнуется спокойный на вид прораб И. И. Тюлю. Бетон пошел, а вышла заминка. Стрела не доставала крайней опалубки.

Кран, как огромная птица, стоял возле самого берега и боялся тронуться с места: апрельская земля обманчива.

Бетонщики горячились, шумели:

— Может, машинист не хочет, ловчит!

— Дай только ему простор, — возражает прораб, — успевай поворачиваться. Мал вылет стрелы у крана. Не может ее опустить пониже, боится: сломается. А зря. Придется его уговорить.

Он достал блокнот и пошел к крану, на ходу что-то подсчитывая. По выражению лица водителя можно было понять: прораб убедил его. Машинист махнул рукой и взялся за рычаги. Бетонщики торжествовали. Особенно один невысокий в синей спецовке.

Самосвал, натужившись, со всей силой выгибает серую спину так, что бетон целым пирогом, как со сковородки, сползает вниз. Парень в синей спецовке засмеялся от удовольствия:

— В-во! — И энергично заработал лопатой. Торопливо проколов «уши» бадьи «серьгами» троса, он дал сигнал: «Май-

на!» и побежал следом за грузом, ловко взбираясь на стену опалубки.

Шея стальной птицы-крана вздрагивала, издавая усталый, надрывной клекот. Чем ближе дикообразная голова, тем сильнее дрожь, тем больше беспокойства в глазах прораба. Но вот он схватил голову под уздцы. Кто-то стукнул по ней топором, и полуторакубовая пасть изрыгнула темную кашицу. Все облегченно вздохнули.

Шли машины, снимались «бетонные пироги», звучал вибратор. Весело на душе у бетонщиков. И когда поспала страда, какой-то шутник крикнул:

— На подкормку!

Все поняли: пришли давние знакомые — молоденькие лотошницы с пирожками и бутербродами. Откуда вдруг высыпало столько народу: из земли, с лесов, из-под самой крыши. Всюду резиновые в глине, как в желтых чулках, сапоги, жесткие, словно жестяные, куртки.

— А вы что записываете? — подбежала ко мне смеющаяся, довольная Миля Копылова, та, что принимала в дальнюю опалубку бетон.

Подошли другие любопытные, окружили. Слово за слово, завязалась беседа. Тон задавали девушки, резвые, боевые.

Их участок еще никому не уступал первенства. Это у кого хотите спросите, хоть у самого Генералова, старшего прораба. А знаете, сколько машин приняли одним звеном за смену? 60, ну, может, 59, не меньше. Думаете, за кубатурой гонимся? На своем собрании мы так заявили: в честь съезда только отлично работать! И подавай нам бетон бесперебойно, и марку не путай! А то как бывало? Делаем основное — пол. Привозят нам бетон на мелком гравии. Бетонируем стенку, такую, что руке тесно, — везут не бетон, а сплошной булыжник. Зовем лаборантку, показываем, что, мол, это такое? А она смеется: не бетон, а масло, чего вам еще? Этим маслом, говорим, железо и то подавится. Марка не та, пожизне надо. У нас, говорит, дозаторы есть. Положено 170 литров на кубометр — и все. Больше не можем. Начинаем дальше шуметь и своего добиваемся. Все надо пушкой пробивать... И свои подводили, плотники.

Свяжут опалубку, сыпанем бетона в нее, а она — шашь — в стороны пошла, разъехалась. Не опытные работали, новички, временные.

— Мы тоже временные, — протестуют два паренька в синих спецовках. — Но обижать себя не дадим. А если б постоянно в бригаде прописались, давно ходить бы вам в коммунистических.

Это Евгений Сябухин, воронежец, и Валерий Лихачев из Нюксеницы. Они приехали по комсомольским путевкам на завод. Их направили в цех холодного проката, а так как он еще строится, то они и стали временно бетонщиками.

Девушек задел их ответ. Они наперебой заговорили:

— Мы и сами завоеем это звание. У нас и спортсмены есть, и студенты, и даже артисты. Люда Щуплова. Спросите-ка ее о трудностях. Улыбнется, ломая черные брови, и откровенно скажет: «Привыкла». Нелегко, конечно, особенно, когда горячка и только слышишь: «Давай, давай». Труднее было, когда Люда впервые в роли Гурмыжской выступала. Думала, упадет от волнения. Роль ответственная. А в театр пришла вся бригада во главе с Кульмичевым. Тут главное — первые минуты удержаться. Удержалась. А потом хлопали ей неистово. Да вы приходите во Дворец культуры. Там таких работяг много на сцене увидите. Но вот ни мастер, ни начальник управления не поинтересуются, удалась ли нашей Люде роль. Лишь бы работала — и ладно.

Подошла очередная машина, и стайка девчат с шумом вспорхнула с места. Звала работа.

* * *

При встрече с людьми, о которых когда-то узнал много хорошего, всегда испытываешь невольное волнение, тревогу. А как-то они сейчас ведут себя, не сбились ли с пути, не оступились ли? Ноги сами несут тебя к Доске показателей, а глаза ищут знакомую фамилию. И увидя солидную трехзначную цифру, начинаешь немного успокаиваться. Но все же не лишне потолковать с прорабом. Да вот он и сам. Это было в разгар лета. Вдоль пролета мимо фундаментов, сосредото-

ченно о чем-то думая, скорым шагом приближался к нам Генералов. Не сбавляя шага, он спросил:

— Вы ко мне? — И, посмотрев на часы, предложил: — Пройдемте в будку.

Там склонились над планом два прораба и жарко спорили с куратором о том, как лучше ставить колонны. Генералов сделал два-три деловых замечания и пристально посмотрел на нас своими теплыми, немного уставшими глазами. Не ожидая вопроса, он заговорил о самом важном для участка. Нужно было срочно «выхватить» два фундамента. Наступать надо широким фронтом, объединить усилия в единый кулак и бить им по узкому месту. А их, строителей, подводят монтажники.

В будку врывается шофер:

— Куда бетон валить? Не берут, говорят — плохой.

— Как куда? Как плохой?!

Генералов стремительно вышел из будки. Возле железного ящика-бадьи возбужденно рассуждали бетонщики.

— Сергей Александрович, разве это бетон? — первой подала свой голос маленькая веснущатая бетонщица. Она округлила свои голубые глаза. Стараясь быть строже, солидней, выбирала из темной бугристой массы крупные камни, приговаривала:

— Плохой бетон, вибратор не идет.

Генералов, скользнув глазами, твердо сказал:

— Хороший бетон!

Люда Щуплова весело рассмеялась:

— Ох, Сергей Александрович, Сергей Александрович...

Какой же, мол, ты хитрец. А тот невозмутимо доказывал:

— Скажите лучше, трудно укладывать этот бетон. Он же гидроустойчивый, понимать надо. У него очень малая осадка. Конечно, вибратор не как в масле пойдет. А вы два подключите. А вообще-то я подскажу, чтобы мягче давали.

И с этими словами ушел.

Белокурая бетонщица, смешно надув губы, словно не зная, сердиться ей или смеяться, полезла на крышу «белого дома». Крыша плоская, квадратная, со всех сторон глубокие узкие щели, перепле-

тенные железными сетками. Сюда и принимали бетон. Поднявшись, веснущатая бетонщица жаловалась своей подруге, такой же маленькой, почти подростку:

— Идут и идут машины. Тут и ночью не заснешь.

Миловидная, хрупкая женщина опускает в густую, как ил, массу вибратор, вдвое выше ростом, весом в 33 килограмма. Он идет тяжело, с подвыванием, со стоном. Бетонщица стоит минут десять, низко склонившись, затем, напружинившись, тянет его, словно репку в известной сказке.

Бригадир стоит на деревянном бруске, перекинутом с одной стенки на другую. Их тут много — стенок, выгородок разных форм и размеров. Бригадир не чувствует неудобства. Он здесь дома. И говорить о делах бригады — для него удовольствие. Кульмичев хотел, чтобы я понял, насколько сложна и ответственна работа строителя, приглашал посмотреть, убедиться, сколько в одном этом фундаменте закладок, проходов, туннелей, труб. Они лежат то целыми снопами, то широкими батареями, и все это спрятано от глаз, закрыто бетоном. Зайдешь, спустишься через какое-либо окно вниз и заблудишься. Это целый бетонный город со своими улицами и кварталами. А в конце пролета уже появилось оборудование. Следом идут монтажники.

Кульмичев с сожалением говорит:

— Маловато плотников... Вот уберем мусор, доски — и сюда.

— Но ведь все это плотники оставили за собой, их огрехи.

— Ну что ж, — удивился и, кажется, обиделся Кульмичев, — плотников и так не хватает, пусть делают свою посуду да нам дают, считаться не приходится. Об этом у нас даже никто не задумывается.

Да, такие взаимоотношения стали уже нормой поведения для строителей. Они вошли в их быт, работу не с плаката, не с лозунга, а из жизни, нелегкой и сложной, проходящей в постоянной борьбе с трудностями.

12 часов, а к гусеничному крану опять подруливает самосвал. Знакомый шофер смотрит, прилаживается, как удобнее поставить машину. Вера Круглова, щупленькая, миниатюрная, положив на край

стены двухпудовый вибратор, устало промолвила:

— Пообедать не дадут.

Но больше машин не было. Дорога, пробегающая между громадин-колонн, железных и деревянных сплетений и тесовых домов-коробок, опустела.

— Чего стоите? — громко заговорила Гера, обращаясь к Людмиле Щупловой. — Идите, мы останемся.

Гера осталась наверху. Разговорились. Она учится на крановщицу. А это немалое дело управлять такой машиной, экскаватором. А в голове после урока подчас ничего не остается, хоть плачь: там про магнето да сплетение, а мысли о дочурке да Олеше — это муж. Он тоже ученик: пятый и шестой классы за один год кончает и пока без троек. Придет она с работы усталая, не успеет переодеться и в учкомбинат, а это очень далеко. Олеша остается с ребенком, хотя ему ночью в смену. Немало пришлось им принять маяты. На частной квартире восемь месяцев жили да полтора года по разным общежитиям. А потом комсомольский секретарь Виктор Румянцев, спасибо ему, комнату в общежитии молодоженов выхлопотал.

В молодежном живут веселей. Хотя на пять семей один коридор и кухня, но своя, не «хозяйская». Согласно живут...

Во время беседы к нам подошел партгрупорг и упрекнул Геру, почему она не была утром на политинформации. Густо покраснев, переминаясь резиновыми сапогами, она оправдывалась:

— Мы же на место без 20 восемь приходим, а бетон тут как тут. Шоферы опоздать боятся. Информацию и по радио послушать можно, а бетон на потом не оставишь, он в камень превратится.

Парторг погрозил пальцем. Гера продолжала:

— Раньше мы с радостью бежали на любое мероприятие, только покличь...

— Сознательнее были? — хитровато прищурившись и склонив на бок большую черную голову, спросил парторг.

Гера отчаянно замотала головой. В чистых озерцах ее голубых глаз забегали зайчики.

— Не так меня поняли. О работе меньше душа болела. Куда позовут — шли, а что на площадке случится — нас не касалось. Начальство, мол, больше знает, оно в институте училось. Сейчас стараемся, как бы быстрее да лучше. Вот хоть такой пример: у меня второй разряд, у Веры третий, она и вибрирует и приглаживает. Я помогаю ей, и она мне. Или вот плотники наши, юдинские. Такие они душевные да отзывчивые. Всем бы такими быть, приветливыми. Скажи только им — помогут: и бадью внизу выколотят, и щит выбьют, если у нас бетон провис и его отжать надо. И сделают все на совесть. Мы не то, что каменщики. У них бывает так: нет кирпича — сидят себе. Недаром Люда наша к нам пришла из бригады каменщиков.

После бетонщиков Гера больше всех уважает плотников. За ними в ее «таблице» следуют арматурщики.

Парторг остался, кажется, доволен.

За разговором мы не заметили, как перед нами словно вырос Кульмичев. Он заглянул в тесовые щели, перепутанные прутьями арматуры, воскликнул:

— Уже?! Давно не было машин? 30 минут? Звонить надо. — И убежал. Этот не прозевает.

— А сам-то обедал он? — спрашиваем.

— Видала, — отвечала Гера с теплотой в голосе, — брал пирожок у лотошницы.

Еще обеденный перерыв не кончился, а строители стекаются на площадку. Вот со стороны стана «2800» через пути въезжает черная цепочка арматурщиков. Она сползает вниз в котлован, затем поднимается на тесовый дом и скрывается в нем. Из-за поворота в конце цеха показался чернорабочий стройки — самосвал.

Скажите строителям: да вы же герои, жертвуете личным временем, отдыхом, отдаете стройке все свои силы и помыслы, связываете с ней свои возвышенные надежды и мечты и просто не мыслите жизни без нее, — они, пожалуй, удивятся: да какие же мы герои! У нас все буднично, привычно, земная проза. Без музыки, без тамбуринов лезем в котлован. А если в конце смены пришел Генералов и, ни к кому не обращаясь, с тоской в глазах как бы случайно уронил одну

только фразу: «Некому бетонировать во вторую смену, вот беда, пришлось отпирать людей в другой пролет», — знают, что делать. И вовсе не надо вдумываться в суть восклициания Люды Щупловой, которая, рассмеявшись, повторила свое недавнее:

— Ох, Сергей Александрович! Да разве откажешь в вашей просьбе.

Все понимали: горячая строительная пора.

Бетонщики остались. В ожидании первой ночной машины примостились прямо на бадьях. С краев два парня в военных гимнастерках. Между ними Люда Щуплова, смуглая, рослая, в черной курточке и брюках. Точно такого же цвета и тапочки. Из-под розового в горошинку платка выбиваются темные волосы. Напротив ее маленькая Гера. В ее глазах тревога.

— Ой, девочки, с удовольствием бы я осталась во вторую смену. Но... последние три занятия остались. Пропускать не хочется.

Она задумалась. Дома ждет ее дочка, а еще больше Олеша, которому придется водиться и день и ночь. И постирать надо, и по дому прибраться, и на рынок сходить.

— Нет, нет, пойду домой, — решила Гера.

— Покаешься, — сказала Люда. — Хорошо же ночью. Да и не устали еще. Если бы на танцы пошла во время занятий, в кино — другое дело, совесть замучает. А ты на работе, да на какой!

— Ну ладно, остаюсь.

— Уговорила, хороший я агитатор, а? У тебя, Гера, просто совесть есть, вот и все.

А Гера побежала на свой пост. Подошла молоденькая девчушка, в короткой курточке, волосы гладко причесаны. Это студентка, она здесь на практике. Люда ее наставляет:

— Тебе, девушка, на укладке бетона быть надо. Там ты больше научишься.

— А кто же там вибрировать будет?

— Гера.

— Она осталась?

— А как же.

Наступила осень, на стройке по-прежнему горячая страда. Там, где еще недавно были котлованы, переплетенные деревянными и железными сетками, простирается ровная, выложенная плитами площадка. Над ней то и дело проносятся мостовые краны с многотонными деталями будущего организма. Скоро по тысячам невидимых, скрытых в бетоне проводов пойдет электрический ток.

А сейчас вот строители собрались в своей родной подслеповатой, похожей на сарай прорабской будке. Идет собрание. Народу битком набито. Прорабскому участку вручают переходящее Красное знамя, красивое, бархатное. Пусть люди радуются. Заслужили...

Александр ВЛАСОВ

СОН БАСНОПИСЦА

(Басня)

Случилось баснописцу одному
В лесу однажды очутиться.
Присел он на пенек, и вдруг к нему
Все звери начали сходитьсь.
«Меня сравнить ты с бюрократами посмел!» —
Медведь сердито проревел.
«Он и меня в одну из басен вставил
И горьким пьяницей прославил,
А я и капли не беру хмельного в рот», —
Сказал угрюмый, старый крот.

«Ну, брат, держись! — оскалась, завизжала рысь. —
Ты всех ославил в баснях нас,
И не пройдет тебе все это даром.
С тобой расплатимся таким мы гонораром,
Что будешь помнить каждый час». —
Читатель, басни многие прочти,
Они людей не трогают почти,
Но если звери бы читать умели,
Они бы многих баснописцев съели.

глинистых и подзолистых почвах требует большого количества органических удобрений. Всего накопления их не хватает, чтобы внести даже половинную норму и то только под пропашные культуры. Выход один — шире использовать в удобрения торф. Но и здесь возникает целый ряд трудностей. Лугомелиоративные станции, отделения «Сельхозтехника», торфопредприятия, как правило, не выполняют план вывозки торфа. А стоимость его непомерно высока.

Разумное было принято решение — передать и землю и технику в одни руки — в колхоз. Но почему же мы остановились на полпути? Технику передали, создали ремонтные мастерские, а оборудование их не довели до конца. Дайте нам ещё один, всего один токарный станок, и мы сможем обходиться без помощи отделения «Сельхозтехника». Есть у нас и хорошая мастерская, и опытные механики, и инженеры. Чуть-чуть пополнить оборудование, и любой ремонт, который выполняет отделение «Сельхозтехника», мы будем производить сами. Вот тогда на земле действительно будет один хозяин.

Может быть, покупка, да и использование техники и ремонтной, и лугомелиоративной некоторым хозяйствам пока не под силу. Сэтим не надо спешить. То, что возможно пока лишь в наиболее крепких колхозах, нельзя механически переносить сразу на все. Не надо всех стричь под одну гребенку. Но осуществление этого мероприятия, даже не во всех колхозах, по-видимому, принесло бы пользу.

Совершенно правильно говорила Н. Г. Заглада: «Без труда, без совести нынче не прожить». И все же нельзя полагаться полностью только на сознание, на чувство ответственности. Сама она в той же статье пишет: «Первое, что следует, по-моему, сделать, — это положить конец обезличке и безответственности».

И тут нельзя с ней не согласиться. Нужно смелее и как можно шире внедрять в сельскохозяйственное производство принципы материальной заинтересованности. Ведь еще Ленин обращал внимание на то, чтобы социалистическое производство развивалось «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности».

Примером того, какое огромное влияние на уровень сельскохозяйственного производства может оказать использование материальной заинтересованности, является и наш колхоз. Правда, сельхозартель «Родина» за восемь с лишним лет, в течение которых я ею руковожу, уже несколько раз укрупнялась и лишь недавно наконец разукрупнена. Но возьмем для наглядности данные в перерасчете на ту площадь, которую колхоз занимал в самом начале.

В 1953 году объем валовой продукции в артели был невелик. Денежный доход составлял всего 33,6 тысячи рублей в новых деньгах. Средняя оплата на человеко-день в новом масштабе цен была пятнадцать копеек. Теперь доход в размерах того же старого колхоза достиг 265 тысяч рублей, то есть увеличился почти в девять раз. А оплата на человеко-день возросла

до 1 рубля 86 копеек, то есть увеличилась более чем в двенадцать раз. В 1962 году доход колхоза составил уже около 300 тысяч рублей, а оплата на человеко-день — 2 рубля 54 коп.

Очень часто, особенно у нас в Вологодской области, говорят об одной из главных наших трудностей — о нехватке рабочих рук, о том, что часть населения и в первую очередь молодежь стремится уехать на целину, поступить на промышленные предприятия, только бы не работать в своем колхозе. Такое же положение было и в нашем колхозе. Взять хотя бы три центральные бригады. По территории они размещаются как раз в границах того старого колхоза. В те годы здесь насчитывалось всего сорок трудоспособных мужчин да восемьдесят женщин. А сейчас только в одной из этих бригад, в первой, больше 150 трудоспособных, в том числе около 70 мужчин. Количество рабочих рук по колхозу увеличилось вдвое.

В чем же дело? Почему к нам сейчас приезжают не только те, кто когда-то покинул родные места, а затем понял свою ошибку, но и люди из других районов и даже из других областей? Мы не переманиваем в свой колхоз и не принимаем каждого желающего. И дело не в том, что артель занимает пригородное положение, — она и раньше была пригородной. Главная причина — мы сумели материально заинтересовать колхозников и создали для них необходимые бытовые удобства.

Оплата труда почти всех тружеников села, за исключением лишь некоторых счетных работников и лиц, занятых на второстепенных работах, поставлена в непосредственную зависимость от результатов труда. Например, бригадир. Если его бригада перевыполнила производственный план на столько-то процентов, то на столько же процентов от установленной ему зарплаты он получает надбавку. В случае невыполнения плана соответствующее количество процентов из его заработка удерживается. По такому принципу построена оплата всех руководящих работников.

Особенно важно материально заинтересовать в результатах труда рядовых колхозников — людей, занятых в непосредственном производственном труде. Для этого, кроме основной оплаты, начисляемой по шестиразрядной тарифной сетке для полеводов и в зависимости от выхода продукции для работников животноводства, мы разработали целую систему поощрительной оплаты за перевыполнение производственных заданий. Дополнительная оплата начисляется каждому работнику отдельно, в зависимости от его личных результатов.

Материальная заинтересованность — мощный стимул повышения производительности труда. Правда, в окончательном виде система поощрительной оплаты у нас действует лишь с начала 1962 года. Поэтому точные цифры, характеризующие экономический эффект от введения ее, пока не привести. Но предварительные подсчеты показывают, что у нас, с одной стороны, резко возросли заработки колхозников, а с

другой, себестоимость продукции не только не увеличится, а даже намного уменьшится. Расходы на дополнительную оплату с лихвой перекрываются получаемой прибавкой продукции.

Вот, например, за август и сентябрь 1962 года доярки колхоза надоили сверх плана 631,5 центнера молока и получили за это дополнительную оплаты 1574 рубля. А их сверхплановая продукция по государственным ценам составила 8842 рубля. Следовательно, колхоз получил около 7200 рублей прибыли. А если учесть, что расходы на ремонт и содержание помещений, расходы отраслевые и общебригадные остались прежними, то получится, что и себестоимость центнера молока даже уменьшилась. В то же время заработок большинства доярок возрос за один год почти вдвое. Например, доярка В. С. Воробьева за десять месяцев 1961 года заработала 687 рублей, а за десять месяцев 1962 года — 1135, доярка Ю. И. Кирьянова — соответственно 551 и 1046 рублей, доярка П. А. Вострова — 545 и 929 рублей. Намного возросли заработки и всех других тружеников артели.

1962 год приносит хозяйству большое снижение себестоимости продукции, особенно по льну, птицеводству, по молоку и мясу. И одной из причин этого является введение системы материальной заинтересованности.

В колхозе сейчас, пожалуй, не найти семью, которая бы за последние годы не построила или не отремонтировала капитально свой дом. На центральной усадьбе выстроена целая улица — больше двадцати пяти новых деревянных домов на одну, две и четыре квартиры. По соседству строится большое кирпичное здание для колхозного Дома культуры, строительство которого, кстати говоря, сильно затягивает СМУ № 1. Тут же на полтора с лишним километра проведена линия водопровода, которая снабжает водой и животноводческие помещения и дома колхозников.

Забота о бытовых удобствах колхозников сочетается с прямой производственной необходимостью. Все это звенья одной программы концентрации производства. На центральной усадьбе мы концентрируем наиболее трудоемкие отрасли. Здесь большая часть дойного стада и, следовательно, главная фабрика удобрений,

здесь же основные посевы трудоемких и нуждающихся в обильном удобрении пропашных культур. По соседству размещены и птичник, и ремонтная мастерская, и другие предприятия.

Удобно? — Конечно, да. Не нужны перевозки на большие расстояния, легче организовать труд. И для специалистов, и для колхозников — все под рукой. Беда наша бывает лишь в том, что очень полезные мероприятия мы порой проводим по шаблону, не учитывая местных особенностей. Та же концентрация производства, которая со всей очевидностью агитирует сама за себя, при бездушном отношении может принести не пользу, а ущерб.

Возьмем овцеводство. Кстати говоря, в нашей Вологодской области оно не получило еще должного развития. Недаром в колхозах Вологодского района содержится всего три тысячи овец, а у частных этого же района — 19 тысяч. Целесообразно ли сосредотачивать овцеводство в одной-двух крупных фермах, пока в хозяйствах не решен вопрос о силосном типе кормления овец? Овце ведь нужны высокие сухие пастбища. А найти большие такие участки у нас просто невозможно.

Любит овца только мелкое сено, листовку. Найти его можно в каждой бригаде, но тоже в небольших количествах. И любой бригадир если и отдаст его, то с неохотой. И что же? Все-таки перевозить его? А не лучше ли рассредоточить овец по двести-триста голов в каждой бригаде? Будут и пастбища, отпадут перевозки, найдутся и небольшие помещения, которые можно будет легко приспособить для содержания овец, а надобность в строительстве специальной овцеводческой фермы отпадет.

Совсем недавно, накануне ноябрьского Пленума ЦК КПСС, Никита Сергеевич Хрущев в своей записке в Президиум ЦК КПСС подчеркивал, что в руководстве сельским хозяйством не может быть шаблона. Все должно делаться разумно, с учетом возможностей. Эти же мысли отражены и в статье Надежды Григорьевны Заглады, и в решениях партии по вопросам сельского хозяйства. Хватит опекать по мелочам! Но, с другой стороны, пора бросать и привычку по каждому даже частному вопросу ждать директивы сверху. Руководить сельским хозяйством нужно «с головой, с пониманием, с твердым характером».

О ЧЕСТИ ХЛЕБОРОБСКОЙ

РАБОТАТЬ ПО ДОЛГУ, ПО СОВЕСТИ

Вскоре после того, как в печати появилась статья украинской колхозницы Надежды Григорьевны Заглады «Дорожите честью хлебороба!», мне по долгу работы пришлось побывать в колхозе «Лихтошь» Вологодского района.

Миновав леса да перелески, перелески да поля, обрамленные золотом зрелой осени, газик вынырнул к деревне Винниково. Тут, на околице, мы и повстречались с председателем колхоза Николаем Константиновичем Подгузовым. Председатель был от каблучков и до воротника забрызган грязью. Брезентовый плащ на нем стоял коробом. Лицо Подгузова заросло щетиной, но серые глаза улыбались.

— Понимаете, вот история, — начал он рассказывать, — Захожу в зерносушилку, что в деревне Чекмареве, а в ней — тишь. Зерно сушится, но человека нет. Шумлю. Вдруг замечаю, на полу что-то шевелится. Я туда. Слышу голос: «Это ты, сынок? Поставь обед на лавочку, а я еще отдохну немного...» Присел я на лавочку, подождал. Наконец, вскакивает наш старик Сидоров, ошалело смотрит на меня, затем спохватывается: «Есть время — подожди».

— Потом, когда загрузили новую партию зерна, разговорился я с Сидоровым, — продолжал председатель. — Спрашиваю, как жизнь. А он мне: «Может, другое дело было бы, ежели какая-нибудь финтифлюшка к нашей совести подъехала, а то...» «В чем дело?» «Заглада-то, а? Так оно и есть... Заставила вспомнить о землице-кормилице... Отвернулись от нее за последнее время некоторые из нас: не кормит, мол, и поди ж ты... Выходит, мы сами землицу не кормим, потом не поливаем. А душа-то, ой-ой, как к ней сызмальства прикипела...» Поблагодарил я старика, уехал. А в деревне Архангело встретил его жену. Жалуется: «Угомони неутомного, видано ли, две недели в сушилке ночует, домой не является...» И мне почему-то вспомнились тогда стихи поэта, погибшего в эту войну:

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это другая,
Это значит — сырая земля...

— Понимаете, Уткин имел в виду сырую землю, ну ту, что навек... А я вспомнил о силе земли, дающей жизнь...

Жизнотворная земля! Из рассказа председателя я узнал, сколько богатства принесла она труженикам этой артели, любящим и труд и землю. Известно, что было время, когда мужик начинал отворачиваться от своей кормилицы, которая переставала его кормить. Причиной тому являлась неправильная политика по отношению к сельскому хозяйству, низкие закупочные цены и многое другое. Но теперь эти времена миновали. И это главное.

Несколько дней мне довелось побыть в «Лихтоше». Встречался я с бригадирами, механизаторами, полеводцами — всеми теми людьми, которые стоят у власти земли. И все они заявляли: «Заглада права. Мы должны брать от земли все, что она может дать. От нас это зависит. Но Заглада обращается со своим призывом не только к рядовым колхозникам, а и к руководителям».

НЕНУЖНАЯ СЛАВА

В первых числах июня в нашей области прогремело имя Нины К. Молодая доярка из устюженского колхоза имени Тринадцатой годовщины Октября в мае надоила по 617 килограммов молока от каждой из десяти закрепленных за нею коров. Областной рекорд!

Поэтому естественно, что я, прибыв в Устюжну, на другой же день отправился искать героиню наших дней. В райкоме партии мне сказали:

— Ее ферма в Чесавине. Дорога туда идет там-то и там-то. Недалеко. Впрочем, спросите, каждый покажет.

Приятно было слышать эти слова: знать, велика популярность простой колхозной труженицы. Я шел и представлял встречу с маяком. Заранее знал, что Нине К. исполнилось двадцать два года, на ферме работает третий год, она по-русски скромна и трудолюбива. И уже в голове моей вырисовывался будущий очерк о знатной доярке — на ум приходили красивые слова, броские сравнения, удачные эпитеты...

Но (как часто сталкиваешься с этим но), познакомившись с Ниной К., условиями ее работы на ферме, поговорив с колхозниками, мне пришлось отказаться от первоначального замысла. Сюжет очерка рухнул, подобранные сравнения, метафоры и эпитеты как-то враз потускнели. И после долгих раздумий на свет появился не очерк, а вот эта статья.

«Встретила меня Нина даже несколько удивленно.

— Из областной газеты? — переспросила она.
— Да.
— Из межрайонной были корреспонденты, а вот дальше... Зря приехали, смотреть у меня здесь нечего.

— Скромничаете?
— Увидите сами, — серьезно произнесла молодая доярка.

О, ты оказалась права и неправа, Нина. Я не увидел в Чесавине того, на что надеялся посмотреть, и встретил то, о чем не могу умолчать.

Итак, мы поехали на дойку, обеденную. Пастбище оказалось недалеко от фермы. Часть луга, редкий кустарник — хорошо огорожены. Коровы, слышав дзеньканье бидонов и скрип колес повозки, мигом собрались к отводу. Но их почему-то было поразительно мало — немногим более десятка. Но все животные, нельзя не определить, породистые и на редкость упитанные.

— Где же другие доярки? — спрашиваю я. — И... остальное стадо?

— Все тут.

— ?!

— Не удивляйтесь, — с какой-то грустью заговорила Нина. — Действительно, все тут. Больше здесь никаких доярок нет, коров тоже, кроме вон тех, личных, Пасутся вместе. Пастбище отдельное. А зачем?

Это «зачем» мне приходило на ум не раз, пока я находился в Чесавине. Осмотрел ферму. Она тоже предназначена для десяти коров. Разумеется, без намеков на механизацию.

— Вон где много коров стоит, — показала Нина на соседнюю деревню. — До нее каких-нибудь полкилометра. Там механизация, доярок много, соревнуются они между собой, песни поют... А я одна. Воду на ферму приходится таскать в ведрах, доить вручную, навоз на вилках выносить... Нелегко. Нет, не нужно для моих коров отдельное пастбище, хочется жить в коллективе.

— Говорили об этом?

— Председатель сердится: мол, создаем для тебя все условия, а ты артачишься. Кто, говорит, больше тебя зарабатывает? Никто. Ты — маяк для других...

И тут мне вдруг отчетливо стало ясно все, ответ на вопрос «зачем?» пришел сам собой. Это убеждение еще более утвердилось после разговора с бригадиром Николаем Александровичем Барановым, другими колхозниками. Да, вы догадались, руководителям колхоза нравится слава. И ради этой славы они создали этот своеобразный маяк. Пусть, мол, знают все, что вышний надой молока от коровы у нас. Но маяк этот — искусственный, светящийся холодным светом. Он не может служить путеводной звездой для других, звать вперед, призывать равняться по нему. Руководители колхоза это прекрасно понимают и поэтому не приглашают на ферму Чесавино поучиться других доярок, не пускают туда никаких экскурсий. Зачем саморазблажаться. Пусть, мол, знают, что лучшая доярка у нас, но не видят, в каких условиях она работает.

Нина К., как я уже заметил, трудолюбива, ей приходится нелегко. Подоить трижды в сутки десять коров вручную — не так-то просто, если учитывать, что каждая из них дает от пуда до двадцати пяти килограммов молока. И я понимаю Нину, что ей хочется в коллектив, где может быть, ее заработок на какое-то время станет ниже, но работать будет легче и веселее.

Вот какие мысли возникли у меня, когда я находился в Чесавине.

ЗАБОТЫ И НУЖДЫ

Человеку, который дорожит своей честью, удастся все. Его в любом хорошем деле не удержат ни заботы, ни опасения, ни расходы. Мертвы и пусты все поступки людей, которыми не двигает эта могучая сила.

Примерно этим определением я суммировал все поступки председателя колхоза «Завет» Междуреченского района Терентия Надсадного. Он рассказывает:

— В прошлый год я провел свой отпуск в родной Москве. Любовался ее немеркнущей красотой, ходил в театры и музеи, встречался с родными и знакомыми. Слов нет, в столице жить хорошо, но я каждый день мысленным взором переносился в далекий Междуреченский район Вологодской области, где среди лесов и тополей, быстрых речек и крутых холмов раскинулся колхоз «Завет». Центр его — Спас-Ямшики. Это — моя вторая родина. Сюда по зову партии и правительства я приехал в 1955 году и был избран председателем обширного и, по-настоящему, перспективного хозяйства.

В Москве меня часто просили: «Покажите на карте ваше Междуречье». К сожалению, этого сделать я не мог, так как не было с собой карты области. Ни на какой другой карте наш район Шуйское не обозначен. «Какими видами транспорта туда можно попасть?» Я отвечал:

— Почти всеми, кроме надежного.

Да, в Междуречье из Вологды попасть нелегко, хотя оно и близко. Самолеты туда не летают. В навигацию по северорусской красавице Сухоне в Междуречье можно приплыть на пароходе. Два-три месяца в году дорога позволяет идти машинам. Зимой в областной центр и обратно зачастую ездят «на лопате», т. е. прорывают в толще снега «туннель» для неприхотливых газиков. В распутицу ходят пешком. Одним словом, средства сообщения оставляют желать лучшего. Отсутствие хороших дорог сдерживает хозяйственное развитие района. И первое, о чем хочется сказать: надо строить дороги не на словах, а на деле. Будут дороги — своевременно можно доставлять технику и грузы колхозам, вывозить государству произведенную продукцию.

Могут заметить: прежде чем вывозить, надо эту продукцию произвести. Верно. Не буду говорить за весь район, но «Завет» иждивенцем у государства в последние годы не был. Колхоз рос, но, к сожалению, не такими быстрыми темпами, какими мог. Что мешало? Причин много.

Во-первых, на мой взгляд, существовавшая система руководства сельским хозяйством. Руководителей было много, а настоящего — ни одного.

До самого последнего времени было так. Область спускает (слово-то какое) району план работы, последний — колхозам. Сейте, мол, то-то и столько-то. И зачастую эти планы «спускались с потолка», без учета реальных возможностей конкретного хозяйства.

Незадолго до мартовского Пленума ЦК КПСС райисполком дал колхозу «Завет» задание — в 1962 году посеять 170 гектаров кукурузы (в 1961 году ее было в пять раз меньше). Надсадный подсчитал, что если на каждый гектар под кукурузу внесет полную норму навоза и минеральных удобрений, то под другие культуры ничего не останется. А ведь артели надо посеять еще 1230 гектаров зерновых и собрать с каждого из них по двенадцать центнеров зерна.

Почему у колхоза мало навоза? Вот тут и можно подойти ко второй причине медленного роста общественных хозяйств. Половину посевов занимали многолетними травами и овсом, ошибочно думая, что эти травы сами собой вполне удобряют почву. О накоплении же навоза забыли. Результат — меньше стало зерна и кормов для скота, снизилось поголовье животных, меньше стало подстилки и навоза, истощилась земля, упали доходы артели. А ведь травополку выдумали не сами колхозники.

Выход из порочного круга указала партия. Это — переход на пропашную систему земледелия. А мартовский Пленум ЦК КПСС определил и руководителей сельским хозяйством — территориальные производственные управления, которые в начале апреля созданы и в Вологодской области. По поводу их работы и хочется кое-что сказать.

Начну несколько отвлеченно. Как-то в феврале 1962 года московское радио, делая обзор подготовки к весне по стране, обмолвилось, что в Вологодской области производят снегозадержание на полях. Кто об этом сообщил — не столь важно. Одно ясно — человек, который или никогда не бывал в Вологде или спутал нашу область, скажем, с Курской. Кому из нас придет в голову задерживать снег, которого в избытке хватило бы еще и на ту же Курскую область. Вот так, издали, не зная положения на местах кое-кто раньше руководил колхозами из различных центров. Случалось так. Раздается в колхозе звонок из района: «Почему не начали сев?» Председатель отвечает: «Рано». «Другие начали и уже сводки шлют», «Приезжайте, посмотрите, на поле не заедешь, машины тонут». «У других не тонут». «Другим, может быть, нужны сводки, а нам хлеб». И вешает председатель трубку с обещанием «выволочки». Вот как осуществлялось руководство издали.

От аппарата территориальных производственных управлений колхозы ждут настоящей, действенной помощи и оперативности руковод-

ства сельским хозяйством. Ведь если, например, инспектор-организатор большую часть времени будет находиться непосредственно в колхозе, то от него не ускользнет ни один промах руководителя. Тут и важна помощь, необходим его умный совет. Разумеется, никоим образом он не должен подменять председателя или специалиста сельского хозяйства, как это нередко случалось в прошлом. Одним словом, не должно быть излишней опеки, окриков. Следует дать широкую возможность колхозам составлять и свои планы.

В последние месяцы я познакомился с рядом руководителей и представителей территориальных производственных управлений. Многие из них оперативно на местах руководят сельским хозяйством, детально вникают в запросы и нужды колхозов. Особенно интересуются материально-техническим снабжением. Раньше существовала порочная практика осуждения председателей сельхозартелей в иждивенческих настроениях.

Не ошибусь, если скажу, что долгие годы Вологодская область в смысле снабжения техникой была на положении пасынка. Это хорошо видно на примере хотя бы колхоза «Завет», с которым я хорошо знаком. Земли у нас много, людей не хватает, а машин мало. Но в 1962 году область получила значительное количество новой техники. Кое-что перепало и «Завету».

Наболевший вопрос улучшения материально-технического снабжения колхозов и совхозов надо решать как можно быстрее. Мартовский Пленум обязывает этому соответствующие органы и организации. Если с колхозов требуют продукты сельского хозяйства, то они вправе требовать необходимую технику. Но надо использовать и имеющиеся машины на полную мощность. Ведь страна сразу снабдит колхозы всем необходимым не в состоянии.

Мартовский Пленум Центрального Комитета КПСС работников сельского хозяйства ко многому обязывает. В том, что его решения будут выполнены, никто не сомневается. Работая в новых условиях и по-новому, мы в короткий срок должны добиться того, чтобы создать изобилие продуктов сельского хозяйства. Но и тогда, я уверен, забот и нужд колхозов не убавится. Как говорится, богатому спится хуже, а аппетит приходит во время еды.

Примером умелого ведения колхозного производства может служить деятельность председателя колхоза «Завет» Т. Г. Надсадного. По-хозяйски он заботится о земле, механизмирует производство. Благодаря его стараниям здесь внедрено две «елочки», полностью механизированы все работы по заготовке кормов. Строит оч и дороги, не ожидая, когда этим делом займутся дорожные организации. И я уверен, что недалеко то время, когда председатель на вопрос знакомых москвичей: «Какими видами транспорта можно попасть в Междуречье?», ответит: «Почти всеми и вполне надежными».

НОВОСЕЛЬЕ

Снова встали,
снова сели
к самобранкам стиранным.
Новоселье, новоселье
в сорокаквартирном!
Угодили пивовары
сотней кружек во сто рук,
и нельзя без самовара
для трудящихся старух.
Сколько ими варено,
стирано и парено,
чищено от плесени...
Пусть сидят, как барыши,
Получая пенсия!

Ходят двери на шарнирах,
всюду стулья и герани.
У плиты гора гарниров,
пахнет косточкой бараньей.
Мы не пить пришли,
не гулять пришли,
а на празднике веселом
тост поднять за новоселов.
Но коль портятся без дела
сразу три аккордеона,
а хозяйка припотела,
и окрипла радиоло,
будет пляска...

Закури,
и отставим варево.

Жги, жги, говори,
разгова-
ривай!
Я кронла и порола,
все боялась — узко;
шила не для рок-н-ролла,
а для нашей русской,
по ковру да по паркету —
не лаптями у межи,
где накрапы фиолетовые рос.
Умер сукин сын,
комаринский мужик,
внук его — не сукин сын,
хотя и прост.

Выходит как бы с ленью
и хлопает в ладоши,
ударил по коленям,
постучал по подошвам.
Полы — паркет из граба,
попробуй растрясни...
Российские прорабы
хозяева тесни!
Вручат ключи от комнат,
а после, как закон,
о них-то и не вспомнят
на празднике таком,
где скатаны постели
и убран гардероб,

где нынче новоселье
на сорок ордеров.

*

ШТУРМ НА ШЕКСНЕ

(РЕПОРТАЖ)

Фото А. КУЗНЕЦОВА

Дробно перестукивали колеса вагона, на маленьком коричневом столике купе неумоимо щелкали костяшки домино, за стенкой, под разноречивой гаммой голосов, весело звенели стаканы. Но ничто не мешало размышлять о своем.

Мы ехали на строительство Череповецкого гидроузла в самый решающий момент — накануне перекрытия реки Шексны.

Вспомнились слова начальника «Волгобалтстроя» Алексея Степановича Хмельницкого о Череповецком гидроузле, сказанные всего полгода назад на совещании молодых строителей:

— Череповецкая ГЭС по своей конструкции будет необычная... Впервые в практике отечественного гидростроения здесь будут использоваться горизонтальные аппараты капсульного типа. До сих пор они не изготовлялись нашей промышленностью, и разработка их проекта — значительное достижение наших инженеров. Особенностью этих агрегатов является малогабаритный генератор, который вместе с примыкающей к нему частью ротора располагается в одной общей металлической капсуле обтекаемой формы.

Четыре таких капсулы с генераторами будут установлены горизонтально внутри водяного потока, и мощность каждого агрегата составит 20 тысяч киловатт. Это будет подводная гидростанция, основное оборудование которой разместится в железобетонном теле водосброса. Отпадает необходимость в строительстве доро-

гостоящего помещения под машинный зал. Очень дешевой будет и электроэнергия, вырабатываемая гидроэлектростанцией: себестоимость одного киловатт-часа составит 0,137 копейки.

1. Приказ отдан

...Как ни в чем не бывало, с ленивой плавностью несет свои воды красавица Шексна. Широкая, раздольная, с тихим плеском ласкается она к песчаным берегам, и горя ей нет, что люди посягают на ее вековую вольность. Но там, где это посягательство становится особенно ощутимым, надменная красавица, не стесняясь, показывает свой строптивый нрав...

Более 300 метров в ширину и 9 метров в глубину имела река в районе Череповецкого гидроузла. Все последние месяцы строители сужали ее, укладывая с обоих берегов два узких каменных мыса — так называемый банкет. Сверху его прикрывали мелким гравием и песком. А уже к банкету с верхней стороны гидромеханизаторы намывали песчаную плотину. Благодаря банкету ширина реки перед началом перекрытия не превышала 85 метров, а глубина уменьшилась до 4 метров.

Это место называется прораном. Здесь-то и будет перекрыта Шексна. 29 октября начальник управления «Волгобалтстрой» Алексей Степанович Хмельницкий отдал приказ о подготовке и организации перекрытия реки Шексны.

Руководить работами было поручено главному инженеру строительства гидроузла Николаю Даниловичу Пехову.

Но река вовсе не собирается спокойно ждать, когда люди набросят на нее узду. В районе узкого прорана скорость течения воды резко возросла. Начался частичный размыв дна.

Однако строители предусмотрели хитрость реки. В конце октября была закрыта Крохинская плотина, и в результате этого приточность воды в створе Череповецкого гидроузла уменьшилась на 540 тысяч кубометров в час. Чтобы снизить ее еще, начался сброс воды из водохранилищ шлюзов в Черной гряде, Ковже, Ниловцах, Деревеньке, общим объемом более 30 миллионов кубометров. 2 ноября было намечено начать сужение прорана до 50 метров, чтобы облегчить потом работы по перекрытию реки.

Перед тем как полностью перекрыть реку, через узкую прорезь в низовой перемычке будет затоплена гидростанция. Земснаряды, экскаваторы и бульдозеры полностью разберут перемычки перед подводящим и отводящим каналом и создадут свободный проход водам Шексны через ГЭС.

Обычно для перекрытия больших рек сооружаются надежные наплавные мосты, по которым подвозятся железобетонные массивы, камень и сбрасываются в русло. Но проектировщики и строители Волгобалтстроя отказались от сооружения дорогостоящего и трудоемкого наплавного моста и решили перекрывать реку пионерным способом...

К этому уже было готово все заранее. 56 МАЗов ждали сигнала, чтобы ринуться в наступление, обрушить с банкета в реку многотонный груз. На оба берега реки было подвезено около 300 тысяч кубометров камня и гравия. Возле этих холмов, как часовые, застыли синие экскаваторы. Подготовлены были и подъездные пути к банкетам.

Каждый день велись тщательные измерения скорости течения реки в проране. Все готовилось обдуманно, как перед большим сражением.

Загородить полноводную северянку не легко. И все же ни один человек из двух-

тысячного коллектива строителей гидроузла не сомневался в благополучном исходе мирного сражения.

2. Люди с горящими сердцами

С утра стройка ошеломила нас своим многообразием.

В какой уголок гидроузла ни загляни — всюду работа. Над камерой ГЭС маячат на фоне осеннего серого неба журавлиные шеи подъемных кранов. Рокочут бульдозеры, фырчат самосвалы, сухо потрескивают, ослепляя вспышками, электроды в руках сварщиков металла, дымят костры, на которых греется асфальт.

На сооружении гидростанции работает в основном молодежь. И руководят молодые специалисты. Комсомольцы — и старшие прорабы гидроэлектростанции Александр Пигалев и Евгений Нестеров, и мастер Василий Палазов, и многие другие командиры производства.

Люди, строящие гидроузел, приехали со всех концов страны. Лучше всего об этом рассказывает одна из стен отдела кадров управления. На ней — десятки названий городов, из которых прибыли на стройку рабочие. Тотма и Новороссийск, Пенза и Одесса, Вельск, Ленинград, Брянск, Казань... Какие-то остряки записали даже Рио-де-Жанейро и Геную.

Все они откликнулись на призывы партии и комсомола, чтобы сообща делать общегосударственное дело.

...Огромная вертикальная стрела крана-деррика задрожала от напряжения. Загудел мотор, и трос пополз вверх, поднимая последнюю ферму временного железного моста. Мост должен быть готов к перекрытию, и бригады А. В. Жукова и М. Г. Ключко торопятся смонтировать его.

А внизу, как падающие звезды, коротко вспыхивают огни электросварки. Бензорезчики срезают штыри креплений деревянной опалубки уже забетонированных участков стен камеры гидроэлектростанции.

Заканчивается бетонирование левого откоса отводящего канала. Последний участок его, покрытый квадратами же-

лезной арматурной сетки, на глазах одевается в серую бетонную рубашку.

Молодой прораб Леонид Суслов так организовал арматурные работы на гидроэлектростанции, что они были полностью закончены до нужной отметки на сутки раньше графика. Он, как кубинец, поклялся ходить с бородой до полной победы — пока не будет выполнено обязательство. И вот сегодня, впервые за много дней свежевобритый, Леонид вновь на строительной площадке.

— Только сейчас и можно полюбоваться гидроэлектростанцией, — оглядываясь вокруг, говорит он. — Скоро все скроется под водой. И только на полтора метра будут торчать бетонные «бычки».

Леонид показывает нам специальную монтажную площадку, где впоследствии будет собираться оборудование и агрегаты. А краны опустят их в машинный зал.

— Здесь будет шахта с лестницей для

спуска обслуживающего персонала гидроэлектростанции.

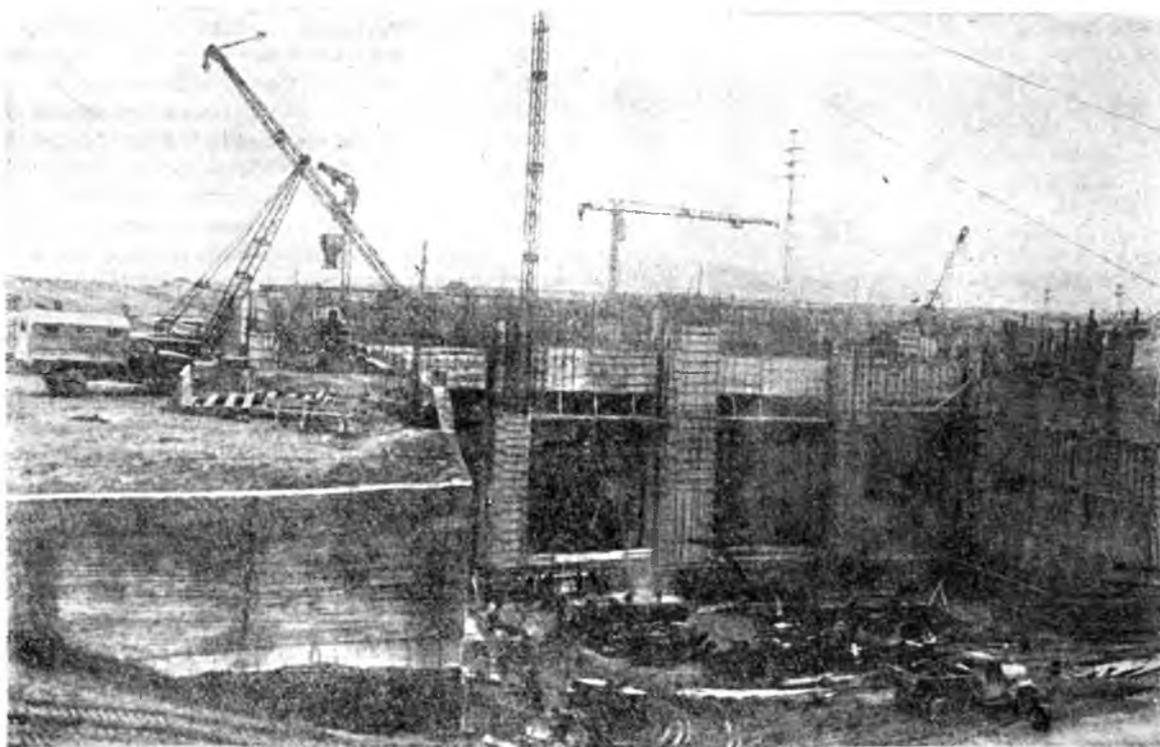
Сейчас в три смены идет бетонирование стен камеры ГЭС. Жидкий бетон лениво ползет из опрокинутого кузова самосвала в железную бадью. Стрела крана приходит в движение. Бадья, взвившись вверх, раскачивается над зияющим отверстием блока.

— Давай, Славик, давай! — слышится звенящий девичий голос. Сигнальщица Люба Шмырева отчаянно машет руками машинисту крана Вячеславу Яковлеву. Машины с бетоном все подходят и подходят. И Славик, впервые сегодня работающий самостоятельно, очень волнуется.

Стоило замешкаться ему у рычагов, как послышались недовольные голоса бетонщиц:

— Ты чего медленно поднимаешь?

Заодно досталось и Любе: мол, нераспорно подает сигналы.

Так выглядела в те дни Череповецкая гидроэлектростанция.

Возмущенная, она кубарем скатилась по кособоку и с обидой зачастила:

— Он не шевелится, а я что сделаю?..

Действительно, боевое крещение выпало Вячеславу сегодня!

Шурша о стенки бабьи, бетон сыплется в блок. Дрожжаче завывают вибраторы, уплотняющие бетонную массу. Гигантский кран днем и ночью беспрекословно подчиняется немому языку жестов. Идет бетонирование.

...А самосвалы везут песок, суглинок, камень и гравий. Чтобы обеспечить перекрытие реки Шексны, необходимо было в самый кратчайший срок вывезти 50 тысяч кубометров этих материалов. А это значило, что каждый шофер должен был делать за смену не менее 25 рейсов с песком.

Вот почему 15 октября на собрании коллектива автобазы было принято обязательство: «Каждому водителю выполнить сменное задание не ниже, чем на 150 процентов. До перекрытия Шексны работать по 12 часов в сутки без выходных дней».

Строймастер Иван Плахонин
и прораб Леонид Суслов.

...Бульдозеры, как огромные блестящие жуки, с тарактеньем ползают взад и вперед — ведут планировку грунта.

Главный механик строительства гидроузла Савин Тюрмаков рассказал нам о том, с каким напряжением соревновались механизаторы за право участвовать в перекрытии реки. Никто не хотел уступить первенство, и люди не раз ломали в те дни устоявшиеся представления о нормах выработки.

— На тяжелом грунте — суглинке экскаваторщик комсомолец Алексей Панков выбирал за смену 700 кубометров вместо 350 по норме! А Геннадий Пыжик, Виктор Рылов, бульдозеристы Владимир Кузьмин, Николай Смирнов, Василий Хорев, Александр Калинин...

Их было много, потому что все хотели получить право участвовать в перекрытии реки.

По два, по три сменных задания выполняли ежедневно водители самосвалов В. Ромашов, А. Лоза, К. Столяр, Ю. Вишняков, А. Быстров. И первыми в списке пятидесяти шести победителей соревнования стояли Н. Пархоменко, К. Фомин, А. Быстров, И. Емельянов...

Савин Тюрмаков увлеченно рассказывает о своих товарищах. Но и про него самого можно написать хорошую повесть. Он начинал работать на строительстве Волго-Балта слесарем, потом стал бригадиром слесарей-монтажников, начальником центральных ремонтных мастерских. А сейчас он успешно справляется со сложными обязанностями главного механика на строительстве гидроузла.

На стройке Савин окончил десятилетку, поступил заочно в Череповецкий лесомеханический техникум и самостоятельно прошел программу за два года до четвертого курса.

На стройке приняли его в партию, а недавно избрали секретарем парторганизации земляного прорабства.

Это прорабство держит переходящее Красное знамя строительства гидроузла. План третьего квартала оно выполнило на 178 процентов.

...Одно из важнейших и наиболее трудоемких дел на строительстве гидростанции — сооружение понура. Эта на-

клонная плита перед гидростанцией не позволит воде реки и грунтовыми водами подмыть дно. Строители должны были уложить на грунт бетон, на него — стеклоткань, битум, асфальт и снова бетон. Не случайно этот участок взял под особый контроль начальник строительства гидроузла Рафаил Абрамович Мешорис.

Ночь всюду вступила в свои права, но только не здесь. Сильный свет множества прожекторов далеко отбросил тьму. Как и днем, стройка дышит рокотом бульдозеров и самосвалов, искрится вспышками электросварки. По всей широкой площадке понура пылают большие костры, на которых дымится в цистернах горячий асфальт. Ближе к реке один из экскаваторов без устали грызет стальными челюстями грунт переемычки.

В эти часы несет вахту и прославившийся еще на Волго-Доне земснаряд № 506. Он, самый мощный на трассе Волго-Балта, намывает плотину. На речной темной ряби играют его огни. Слышится шум всасываемой воды, звучат короткие обрывистые команды с мостика.

Непрерывно бьет из трубы на вершине широкого холма фонтан песка с водой, поднятого с шекснинского дна. В стороне дремлет другой земснаряд — «Московский-9». Он бережет силы, чтобы размыть переемычку.

В ночное небо вплелись арматурные леса. И люди, работающие на них, кажутся в свете прожекторов таинственными волшебниками. И действительно, то, что делают они, под силу не каждому. На десять дней раньше срока выполнила свое обязательство, взятое в честь 45-й годовщины Октября, бригада арматурщиков А. Кабанова. И сразу же одно звено с мастером В. Бурлием стало помогать арматурщикам, работавшим на гидростанции. А следующие дни дали новых героев — вся стройка узнала об отличной работе бригад А. Шонищева и В. Кургаева.

Большая доля в трудовых победах принадлежит комсомольцам-электросварщикам Вале Разумеевой, Виктору Бухонину, Вале Милютиной, Валентину Субботину.

Юрий Копышев, звеньевой сварщиков

Труд рождал героев — людей, для которых честью и совестью стали комсомольский билет и комсомольская путевка. Людей, которые не задумываясь снимались с обжитых мест, бросали домашний уют и ехали бог весть куда, «месить грязь по колена» (говоря словами нашего соседа по вагончику), услышав призывный клич: «Молодежь, на передний край!» Эти люди работали недосыпая, преодолевая все, работали скромно, не гонясь за славой, хотя о них наверняка будут написаны книги, так же, как о строителях Магнитки и молодых покорителях целины. А те, кто вроде Ивана приехал на стройку в погоне за длинным рублем, не выдерживали и сбегали, потому что для победы над всеми трудностями нужно было нечто большее, чем голая корысть, потому что не хлебом единым жив человек. А люди с горящими сердцами и сильной волей продолжали работать.

...Стройка полыхала в ночи электрическими огнями. И на фоне этих огней и непрерывно движущихся машин мы увидели на краю высокого обрыва парня и девушку. Видимо, не впервые пришли они сюда, и все же стояли, как зачарованные. Стояли молча, неподвижно, взявшись за руки, и их статные фигуры

казались отлитыми из чугуна. Видимо, крепкими нитями привязала их стройка, если даже и для коротких встреч они не ищут другого места.

3. Совет командиров

Последняя планерка, или диспетчерка, как ее называют строители, была похожа на короткий совет командиров перед решающим сражением.

6 часов вечера. В левом углу кабинета Мешориса на коричневой подставке, накрытой кумачом, белеет гипсовый бюст Ленина. Справа, над сейфом, схема Череповецкой ГЭС. За длинным столом — начальники служб.

— Сколько за сутки уложено бетона? — спрашивает главный инженер «Волгобалтстроя» П. Д. Батунер старшего прораба гидростанции комсомольца Александра Пигалева.

— 180 кубов.

Александр поднялся — сухощавый, черноволосый, с воспаленными от недосыпания глазами. В последнее время его днем и ночью можно было видеть на строительной площадке. Он на ходу давал распоряжения, ругался по телефону с теми, кто задерживал строительные материалы, успевал побывать у бетонщиков, у арматурщиков, плотников, сварщиков — всюду.

И вот сейчас он докладывает о результатах напряженной работы за день. Докладывает коротко, четко, чтобы, получив новое задание, наскоро перекусить в столовой и вновь отправиться на гидростанцию.

— Начать бетонировать отдельную стенку! — в густом баритоне Батунера слышится приказ. — Запишите: сегодня с семи вечера.

— Чего еще вам не хватает? — спрашивает Пигалева Хмельницкий.

— Нам срочно нужен брус на временный мост.

— Сколько у вас бруса? — поворачивается Хмельницкий к начальнику отдела снабжения.

— Алексей Степанович, нам лес нечем возить, — вместо ответа говорит тот.

— Сколько у вас бруса?

— Алексей Степанович, у нас кран забрали.

Начальник «Волгобалтстроя» хмурится и раздраженно говорит:

— Я вам про Америку, а вы мне про Африку. Говорите про Америку: сколько у вас бруса?

— 30 кубов дали сегодня!

— Мало.

— 120 нужно на мост, — вмешивается в разговор Мешорис.

В голосе Хмельницкого начинают звенеть металлические нотки:

— Мы с вами две недели назад говорили об этом, — сверлит он глазами начальника отдела снабжения. — Пора кончать волюнку. Вы теперь один можете сорвать перекрытие. Запишите: в течение трех дней выдать брус и доски.

Планерка закончилась словом, которого так давно ждали все строители:

— Начинаем!

Это означало — завтра начало штурма.

4. Перекрытие началось

В двенадцать часов дня 2 ноября на банкет с правого берега пошли машины. Впереди МАЗ под номером 64-71. Его вел Константин Фомин. Под ожидающими взглядами десятков глаз машина зашла на банкет, развернулась и стала пятиться к воде. Вот она остановилась, распахнулась дверца кабины. Константин, высунувшись наполовину, нажал рычаг. Кузов вздыбился вверх. С лязгом, грохотом, плеском полетели камни. Первые из многих тысяч тонн, которые должна поглотить Шексна. Не успел отойти самосвал Константина Фомина, как мощный бульдозер расчистил место для следующей машины. И перекрытие реки началось!

Самосвалы шли, шли и шли. Рядом с Константином Фоминым без отдыха работали его товарищи — водители Николай Пархоменко, Юрий Свендер, Илья Болотов, Клавдий Виноградов, Вениамин Беляев, Борис Еремеев.

...К 16 часам дня расстояние между берегами Шексны в проране сократилось на 9 метров.

Вечером, на планерке, когда Александр Пигалев докладывал о бетонировании последних блоков, неожиданно зазвенел телефон. Батунер, лично руководивший работами по сужению прорана, сообщал Хмельницкому о скорости течения воды.

— Так, так... Отлично... Какой расход воды? 150 кубов в секунду? — переспросил начальник «Волгобалтстроя». — Что? Ты, я вижу, вместо пятидесяти загорелся до тридцати метров проран сузить! Вот что: немедленно отправляйся в постель. Ты же серьезно болен...

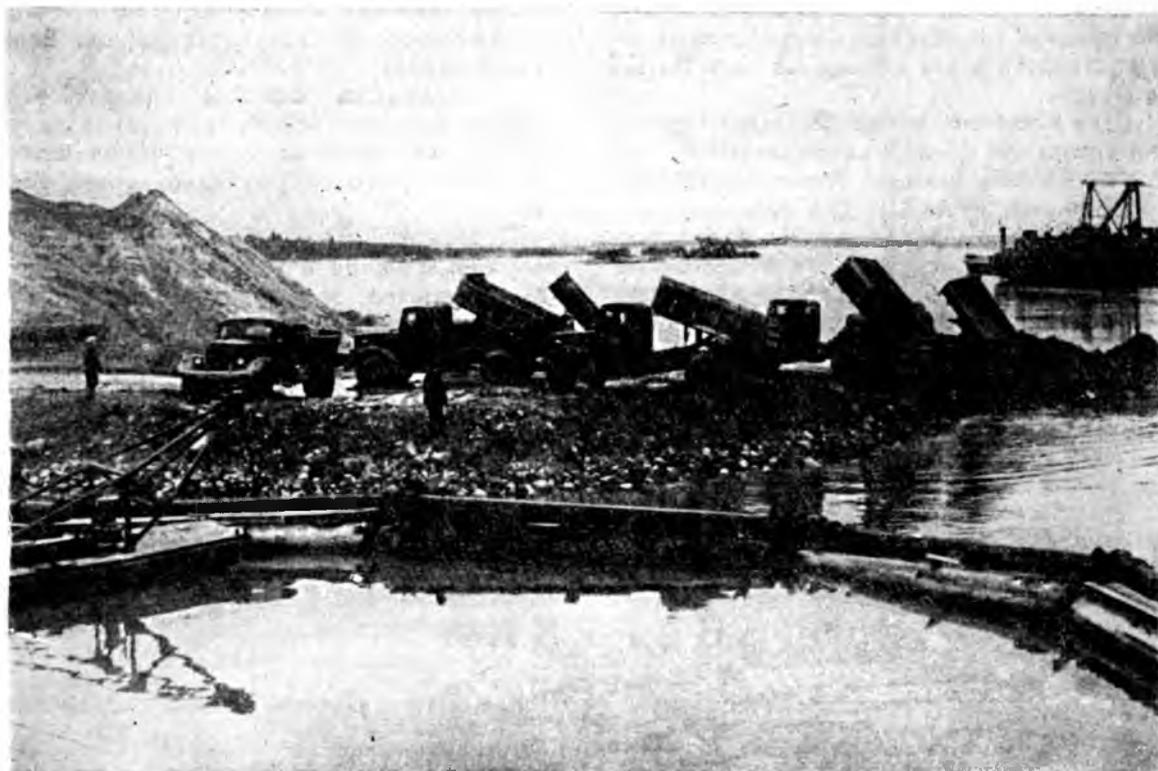
Вешая трубку, Хмельницкий улыбался. Ему было понятно состояние Батунера, опытного гидростроителя, когда-то руководившего сооружением Волго-Донского канала.

...Через двое суток ширина прорана сократилась до 50 метров.

* * *

Утром 20 ноября расстояние между левой и правой стороной пересекающей реку каменного банкета составляло всего лишь 5—6 метров. Вереницей шли к этим узким «воротам» самосвалы, низвергая в воду камень и бетонные кубы. Река змеилась в тесном проходе, но уже как-то обессиленно, словно признавая себя побежденной. А люди, штурмующие Шексну, стояли по обоим берегам ее на банкете, неотрывно следя за последними минутами поединка...

Накануне, 19 ноября, около часа дня взорвана нижняя перемычка. Три бульдозера с дружной торопливостью стали разбирать грунт. Взад и вперед сновали они поперек перемычки, и все глубже становились выемки. Бульдозеры закончили свою работу уже через 45 минут.

В 12 часов дня на банкет с правого берега пошли машины.

Их сменили экскаваторы. Они прорыли узкие проходы в перемычке, и вода хлынула по отводящему каналу к зданию гидроэлектростанции.

Поток воды, размывая грунт перемычки, низвергался в канал с пятиметровой высоты. Он становился все шире, шире, и вот уже рухнул в воду песчаный остров, возвышающийся посреди потока. За два с половиной часа вода в канале поднялась на 4 метра, а еще через три часа уровень воды в нем сравнялся с уровнем воды в Шексне.

А в это время бульдозеры и экскаваторы уже снимали верхнюю перемычку: первыми начали эту работу два Ивана — экскаваторщики Степаненко и Смирнов. Отличился в этот день и их неутомимый помощник — молодой бульдозерист Владимир Кузьмин.

Настала ночь. Но работа не прекращалась до утра. В морозной темноте шумела вода, рокотали моторы, с плеском и грохотом летели в воду прорвана камни из кузовов самосвалов. Люди не замечали усталости в эти последние часы битвы с рекой.

Едва рассвело, все свободные от работы строители пришли на берег реки, чтобы запомнить в мельчайших подробностях минуты, когда Шексна остановится в своем древнем русле, чтобы полностью нести воды по новому пути. Расстояние между концами банкета стало настолько узким, что кое-кто из строителей уже свободно перепрыгивал на ту сторону. А самосвалы с маленькими красными вымпелами на кабинах все шли и шли на банкет. Вели их лучшие водители: Юрий

Свендер, Константин Фомин, Илья Баталов, Борис Еремеев, Вениамин Беляев и другие. Рушились в воды камни и бетонные кубы — последние из многотонного груза, поглощенного рекой. В 10 часов 45 минут каменный пояс через Шексню сомкнулся.

Эта дата — **10 часов 45 минут 20 ноября 1962 года** — будет когда-нибудь вписана золотыми буквами в летопись строительства Волго-Балтийского водного пути. А сейчас люди в фуфайках, куртках, солдатских бушлатах и резиновых сапогах жали друг другу огрубелые руки, смеялись, шутили.

...Прямо с банкета строители отправились к зданию гидроэлектростанции. Здесь уже белела свежеструганным деревом трибуна.

Митинг открыл секретарь Чебсарского райкома партии Г. В. Шириков. Он поздравил гидростроителей с победой и пожелал им новых успехов в работе.

Как клятва прозвучали на митинге слова молодой электросварщицы Вали Разумеевой:

— Молодежь стройки сделает все, чтобы решить новую важную задачу: обеспечить пропуск судов через шлюз Череповецкого гидроузла будущей весной...

Поздравления, поздравления, поздравления... От Совета Министров РСФСР, от Министерства транспортного строительства СССР, Министерства речного флота. В словах поздравлений звучит признание большого трудового напряжения, с честью выдержанного коллективом строителей гидроузла.

Александр ВЛАСОВ

Б Е Р Е З К А

В далеком солнечном Крыму
Цветут, благоухают розы,
Но ветка северной березы
Дороже сердцу моему.

Ей не страшны ни дождь, ни снег,
Ни бурь жестокие удары.
Березку милую недаром
Так любит русский человек...

Иван ПОЛУЯНОВ

ПЛАКУЧИЙ БАРОМЕТР

Будет ли завтра дождь?

Гадать нечего: послушай сводку погоды по радио или набери нужный телефонный номер, и автомат бюро прогнозов бесстрастно сообщит: «По данным гидрометеослужбы в городе и по области ожидается...»

Это в городе. А если ты в лесу, у реки — на рыбалке, в походе — тогда как быть?

Ничего не остается другого, как воспользоваться услугами лесного бюро погоды... Что, о таком вы даже не слышали? Между тем оно есть. Есть в лесу и в поле своя служба погоды. Действует круглый год, ее работники всюду — в воздухе, на земле, в воде. Здесь дают справки по первому требованию — ясные и исчерпывающие. Только работает лесное бюро погоды на пытливых и любознательных, у кого острый, наблюдательный глаз.

...На исходе погожий летний денек. Прогнали пастухи колхозное стадо; вкусно тянет от дороги молоком, полем, травами — эти запахи принесли с собой ковы. Солнце скрывается за грядой леса.

Вытягиваются густые тени, устилают муравчатый лужок перед избами. Над проселком гудя носятся навозные жуки-геотрупы. Наталкиваются на телеграфные столбы и, словно споткнувшись, падают наземь, сердито жужжат.

У кого же взять справку о погоде на завтра? У жука, у полевых цветов, у солнца и неба... У всех вместе!

Жук-геотруп особенно активен перед вёдром. Будет завтра дождь, эти жуки не хуже барометра его предскажут тем, что не покинут своих земляных норок. А бывает, они в дождь-морос летают, — тогда жди отличной погоды.

Накануне ненастья солнце вечером садится в тучу. Багровый, красный цвет зари — тоже вестник дождя, к тому же с сильным ветром. А днем перед дождем небо кажется низким — мутное, белесоватое...

Пожалуй, всем знаком вьюнок. Обыкновенное растение с цветами в форме граммофончика. Закрылись цветы вьюнка среди бела дня — предупреждение о скором дожде!

Просто?

Нет. Не будь опрометчив.

Ведь те же геотрупы иногда, что называется, голову теряют: гудят тревожно, ползают у норок, всем видом показывая, что чем-то обеспокоены и подавлены. Не ожидается ли сильная засуха?.. За разъяснением обратись к белой дреме. Она растет у полей, по межам и слывает за предсказательницу погоды. Белая дрема раскрывает свои цветы вечером, ароматно пахнет, подманивая ночных бабочек. И если пахнет дрема к ночи, полновется над ней бабочек — это примета на дождь.

Тогда почему жуки-геотрупы активны, и небо полыхает, и солнце село не в тучу? Кому верить, когда нет согласия в лесном бюро прогнозов!

Верить жукам — они потому и хлопочут, ползают у норок, что издали почуяли приближение бури. Бури с ветром и ливнем — неспроста дрема запахла, и небо занялось пожаром!

...Скучает над удочками невезучий рыбачок. Утро на диво — ни ветерка, тишь, покой. Клевать бы рыбе да клевать, но спят поплавки. Вон какие голавли бродят в таинственной глубине омута, лениво шевеля рдяными плавниками, сверкая чешуей. Нет чтобы хоть одному сесть на крючок... Дразнят!

А мошкара... Откуда ее столько взялось, несносной, — лезет в уши, глаза, льнет к потному телу. Воюй тут с ней. Одна забота, раз не клюет!

И невдомек рыбачку, что мошкара ему совет дает — сматывай удочки, дождь бу-

дет! Избегает рыба клевать — тоже примета к плохой погоде. Посмотри, как голец зарывается в песок. Так он делает только перед дождем или грозой.

Запастись удочками, накопать червей — мало. Чтобы быть с уловом, еще нужно знать приметы погоды.

...В лесу, обязательно около воды, встречается полосатый бурундук. Очень забавен, подвижен этот зверек. Сама резвость! Бегает по изгороди и — прыг в кучу хвороста! Блестит черными глазками, будто смеется. Вытягивает шею, комично цыкает и свистит на тебя.

А иногда нападает на бурундучишку тоска. То-то он хнычет, то-то сокрушается. Скучный, вялый. Пригорюнившись, сидит на пеньке, свесив хвостик. Не малиной ли, думаешь, ты, полосатенький, объелся? Не медведь ли позарился на твою нору-копанку и разорил?

Все не то. Бурундук — барометр. Не простой — плакучий.

Ненавистен бурундуку дождь. С кустов каплет, шубку мочит... бр-р!

Вот перед дождем и горюет поласатый, плачет, хнычет — всех соседей предупреждает о скорой перемене погоды.

Бесчисленны приметы народа о погоде. Накапливались веками, обогащались от поколения к поколению. В них глубокое знание природы.

Блеск звезд и дым костра, полет птиц и ветер, туманы и росы — всё-всё учтет опытный натуралист, предугадывая погоду. И ты учись — это пригодится. Нет лишних знаний. Перед знающими, смелыми открывает природа свои тайны.

ГАМАК НА СОСНЕ

Перволетье... Волнами наплывает по ветру аромат цветущих рябин. Луга и поляны раззолочены лютиком и купальницей. Под сенью сосен беззвучно покачиваются колокольчики ландышей. Густая темень старых елей подновлена светлой молодой хвоей, и каждая ветка, разлапая и колючая, будто шелком вышита.

Июнь — и нежный ворс покрыл листья берез.

Июнь — и от речек наносит запахом сохнушей на горячих камнях тины.

Июнь — и в поле, и в лесу на мозолистых от корневищ деревьев тропях, по берегам озер и ручьев чаще и чаще видишь скорлупки птичьих яиц.

Наступила пора птенцов!

На виду — у подножия шумливой осины — лежат голубые скорлупки. Голубые, словно осколки неба. Их бросила здесь горихвостка. Но напрасно напрягаешь слух: писка птенцов не слышно. Осторожничают горихвостка, унесла скорлупки подальше от гнезда...

Опытный натуралист уже по окраске скорлупок может судить, из чьего гнезда они вынуты. Больше того, скажет, где обосновалась желторотая птичья семейка — на земле или в укромном дупле, высоко на дереве или в открытом поле.

У птиц — свои законы, которым следуют все, начиная от журавля и кончая маленьким задорным крапивником. И первый закон — затаи гнездо, чтобы в безопасности оставались птенцы до подъема на крыло.

Тот же известный всем журавль населяет болота, сырые обширные луга, прощшие осокой. Он сильный — ударом крыла может переломить лапу собаке, с успехом гоняет прочь лисиц. Неприхотливо гнездо журки. Иногда это ямка в земле, куче хвороста. Или вытопчет ногами, сухими, как трости, гривку осоки, застелит травой — вот и гнездо! Весной трубит журавль у гнезда с раннего утра. Думаешь, вот беспечный — чего это раскричался, всем на свете оповещает, где устроился... Между тем, не всякий музей имеет в коллекции яйца журавля. Они тусклы, бурые, в серых пятнах. На ржавой болотине, в седой поросли прошлогодней осоки попробуй-ка их увидеть! Да и добраться до гнезда журавля тяжело: то отделяет от него топкая низина — зазевайся и выкупаешься в грязи; то озерко, непролазные кусты...

На камушки похожи яички жаворонка, серые в темно-бурых крапинках. Почему они такие? Все потому же, гнездо у жаворонка открытое, свито прямо в поле.

Луговой чекан выводит птенцов тоже на земле. А яички у него яркие — зеленые с голубым отливом. В чем дело? Отгадка простая: свое гнездо чекан луговой располагает под кустиком, среди яркой, не выцветшей на солнце травы. На лугу тени от кустов и трав и то зеленые с просинью!

И пеночки — веснички, трещотки — ладят гнезда в траве. Искусно выют из сухих былинки шалашики с покатою кровлей, прячут в них яички — маленькие, с земляничную ягодку, и цветом розовые, как земляника, подрумяненная чуть-чуть на солнце.

У птиц, обитающих в дуплах, яйца или чисто, даже блестяще белые, как у дятлов, вертишеек, сов, или голубые, как у горихвостки, или белые в мелких красных, коричневых точках. Если яйца чисто белые, это признак того, что иначе как в дуплах птица гнезд не выет. Исключения тут очень редки.

Глубоко в норах, обществом по несколько десятков птиц в одном месте, живут ласточки-береговушки. В норке безопасно, как и в крепком прочном дупле. И так же сумрачно... Яички ласточек-береговушек белые — в отличие от красновато-бурых яичек ласточек-касаток, лепящих искусные гнезда из глины под крышами деревенских изб.

Без чомги трудно представить глухое озеро, заиленную старицу. Гнездо этой птицы плавучее. Оно из камыша, тростника, а спросите у любого удильщика, до чего хороши камышковые поплавки — легки и долго не намокают. Яйца чомги, превосходной ныряльщицы и рыболова, однотонны, зеленовато-белые. Живет чомга на воде, однако чистоплотностью не славится.

Пачкает в гнезде яйца — вроде специально их маскирует!

Высоко по березам, липам, тополям, соснам выет гнезда золотая иволга. Гнездо гамаком подвешивается к развилке боковых тонких сучьев, и ветер качает колыбельку маленьких птенцов. Интересно отметить: по мере роста птенцов, сучья обвисают от тяжести, гамак так раскачивается в ветер, что оперившиеся молодые иволги чуть не падают. Волей-неволей покидайте гамак, не то вывалитесь!.. А яйца иволг очень красивы — в редких крапинах, то розовые, то желтые, словно вобрали в себя переливы утренней летней зорьки.

...У птиц — свои законы.

Притворяется больной пестрогрудка-славка, ползает по кусту, опираясь на

распушенные крылья, срываясь и падая наземь. С собой рискуй, но отведи врага от гнезда!.. Вьются над полем чибисы, хлопают крыльями в страхе: «Ах! ах!» Кричат с тоской: «Что — вы? Что — вы?» Манят за собой прохожего, приблизившегося к их гнездам... Шипит змеей, по-змеиному вытягивает шею робкая беззащитная вертишейка, если в дупло протянулась хищная лапа...

И ты, если увидишь птичье гнездо, пройди мимо. Не трогай. Это — твоя земля. Вся, до последней былинки, твоя. И для тебя повесила гамак на сосну иволга, пеночка поставила на укромной поляне шалашик. Все твое, и ты будь хозяином. Для тебя, наследника необъятного мира, берегут птицы леса, стерегут урожай на полях.

И поют птицы тоже для тебя...

НЕВИДИМКА В ЛЕСУ

Звук шагов — сигнал для обитателей леса. Прячься, кто куда может! Заслышав тебя, старый глухарь-бородач, потеряв степенность, в испуге вытягивает шею, пешком удирает в кусты, чтобы заслониться ими и взлететь в грохоте крыльев. Белка, рассерженно цокая, скрывается в гуще хвои. Бьет дрожь зайца под елью. Даже мыши шмыгают в норы, даже чечетки, на что уж птицы доверчивые, дождем брызжут с ольхи, где кормились. Лоси поднимаются с лежки, поводят широкими ушами, как локаторами.

Тресь-тресь... Приближаются шаги!

Сухая ветка попала под сапог. Наступил на гнилую валежину, обтянутую мхом, как плюшевым чехлом.

Тресь... Тресь-тресь!

И бредешь ты и сокрушаешься: жаль, нет шапки-невидимки! А так... что так. Ты ничего не видишь, а тебя — все. И лес — как вымер.

Но, есть, есть выход обойтись и без такой шапки! Стать невидимым без всяких чудес.

Главное держись в лесу тихо-тихо. О неуклюжем человеке говорят: валит напролом, по-медвежьи. Неправда! Медведь хозяин в седой глухомани, но когда нужно, по самому частому бурелому проплывет тенью. И медведь, косолапый увальень, когда надо, голой своей ступней сперва землю ошупает, после шагнет — с опаской и бережением.

Бесшумная ходьба по лесам — искусство, приобретаемое годами и опытом.

Ну, а если ты выбираешься в природу редко, любишь ее, и хочется тебе приобщиться к потаенной ее жизни, — тогда как быть?

Выбери укромное местечко в лесу, на берегу озера, у излучины реки — где понравится. Замаскируйся и жди. Сиди, не шевелись. Твоя неподвижность и сделает тебя невидимкой!

Это не шутка, это вполне серьезно.

Как-то сделал я привал в березничке, на опушке поляны. Местность низменная, сырая. Трава на поляне поднималась высокая, густая, хотя лето только начиналось. Опушенные нежной зеленью березки наливали воздух тихим лепетом. Дрожала и переливалась роса на стеблях трав...

И гляжу я: кто-то перебегает в траве. Качнулся высокий лютик, и мохнатый шмель выпал из блестящей золоченой чашечки цветка, свалился вниз. Завозился, загудел сердито, как контрабас.

А травинки все качаются. И ближе, ближе шорох... Я затаил дыхание, сажу, не шевелюсь.

К самым моим ногам из травы вынырнул рябчик. Промок на росе. Серые перышки потемнели. Хохолок на голове слипся в забавную кисточку.

Загадываю, чем рябчик занят? А он цветы рвет. Голубые незабудки. Что ли рябчике на букет? Один голубенький цветочек торчит из черного мокрого клюва. Ну, рябчик, ну, прямо франт! Красные бровки, черный галстучек по моде, а выступает-то как в траве! И этот голубой цветочек... Франт, франт!

Гляжу, что дальше будет. А дальше... Разочаровал меня рябчик! Он рвал голубые незабудки и ел! Рвал да ел!

Но я был доволен: кое-что новое узнал.

В другой раз стоял я в лугах на утинном перелете. В сумерки утки с озер направлялись стаями в поля, кормились там колосьями, оставшимися после уборки.

Стоял я на ровном месте, прислонясь спиной к стогу.

Смеркалось. Угомонились стрижи. Стало прохладно.

И вижу — стелет по дороге в село собачонка. Невысокая, с длинным хвостом. Лапки ставит аккуратно, следки словно печатает по дороге. Понятно, лиса! Наверно, в село метит попасть. В курятник.

Поравнялась со стогом лисица. Ах, хороша! В алой шубке, на груди, или, как охотники говорят, «на душке» — белое пятно. Как салфетка повязана. Морда остренькая, шустрая и лукавая. И так и разлита по этой лукавой мордочке тихая мечтательность, зеленые глазки прижмурены. Скользнули они по мне равнодушно. Я замер. Дивлюсь: осторожный она зверек, лиса, но моя полная неподвижность и ее обманула! Не меняя позы, я вежливо спросил:

— Что задумалась, кумушка?

Как припадет к земле она, и хвост белый наконечником в лужу умокнула. Как припустит потом по лугу! С кочки на кочку. С кочки на кочку! Только ее и видел!

Или вот еще случай.

...Слов нет, прекрасна золотая осень! Осины полыхают жаром — будто языки огня взметнулись над лесом. На облитый

солнцем клен смотреть больно: так раскалены его желтые резные листья.

Я крался на крик дятла. Дятел вопил, точно его грабили.

Подошел под самую осину. Дятел не замечал моего присутствия, был целиком поглощен суетней. Острый клюв его, как стрелка компаса, все показывал на круглый глазок дупла, выдолбленного в осине. У корней труха. Желтая — значит дятел дупло пробил недавно. Для себя. А дупло кто-то занял!

История простая. Осень, и до дупел много охотников, кому не хочется иметь на зиму теплую квартиру!

Из дупла неслись совершенно неизвестные мне звуки: какой-то писк и ни с чем не сравнимый стрекот.

Отбросив осторожность, я поднял хвостину и ударил по осине. Дятел умолк, ныряющим полетом убрался в гущу леса. И так крикнул печально...

А из дупла выскочил сероватый пушистый комок. Сверкнули темные крупные глаза. Выпуклые огромные глаза!.. Стремительно пронесся зверек по наклонной ветви. Вдруг расправил крылья, вытянул хвост — и спланировал в березняк.

Белка-летяга! Этот сумеречный и ночной зверек довольно-таки редко попадает на глаза человека. Лучше обыкновенной белки летяга лазает по сучьям, притом и спиной вниз, а перепонки, растянутые между передними и задними лапками, позволяют ей делать «перелеты» до сотни метров.

Не подойди я осторожно на крик дятла, вряд ли бы узнал, чем был вызван переполох, и летягу, конечно же, не увидел.

БОЙ У ОБРЫВА

Подмываемый половодьем речной обрыв из года в год занимали ласточки. Селились колонией, по несколько десятков, и с весны до осени их щебетанье, быстрый полет оживляли реку. Для гнезд ласточки делали в берегу нору. Удивления достойно, как маленькие, на вид слабые птички справлялись со столь тяжелой

работой. Нора глубиной до метра, широкая, — подолбишь глину клювом, повыскребашь ее лапками! Все же ласточки — не землекопы. А если камень встретится — бросай нору, принимайся за новую. Мелкие камни ласточки выкатывали, налегая на них грудью, подталкивая клювом. При этом, когда одна ласточка

выкатывала камушек, то другая — они работают на пару — поддерживала ее сзади, тоже грудью, и подбадривающе пищала...

А в ельнике, клином вдавшемся в луг, обретался пестрый ястреб. Желтоглазый, с острыми крючьями когтей. Разбойник из разбойников. Соседство, стоит ли доказывать, для ласточек опасное. За примером ходить недалеко. Утка-кряква вывела в канаве утят. Разбойник их подстерег и всех переловил поодиночке. Конечно, утята прятались, так он их искал, разгуливая возле кустов пешком. Утята были глупые — головушку сунет под кочку или в траву, куцый хвостик торчит наружу. Ястреб цапал утенка за хвост и выволакивал... Уж как убивалась, жалобно крикала мама-утка по своим утятам! Да что поделаешь — за ястребом сила.

Меня очень пугала беспечность ласточек.

Носятся над водой, подпархивая, как бабочки, щебечут.

И бросает на беззаботных летуний хищные взгляды ястреб, гордится на сухой ели. Что перед ним ласточки! Не потому ли он их и не трогает, что мелочь, когтей пачкать не стоит.

Но вот одна ласточка, увлеченная погоней за мошкой, подлетела к ели. Ястреб камнем упал на нее... Промазал! Ласточка взвилась выше и, загребая воздух острыми крыльями, будто веслами, понеслась под защиту берега.

Берег вдруг словно выстрелил десятками ласточек. От их мельканья зарябило в глазах.

На пороге своего дома всяк силен, и ласточки дружно надели на ястреба. Теперь уж он отбивался от их атак, выставив длинные лапы и хрипло, злобно крича. Сшиб одну ласточку, другую... Погибшие в воздушном бою ласточки падали в реку, течение подхватывало их тельца.

Я бегал на противоположном берегу, размахивал удлищем, кричал. Но чем мог помочь ласточкам, — река и широка, и глубока...

Наконец, ястребу удалось оторваться от ласточек. Неровным, каким-то спотыкательным полетом он косо спланировал через реку, наткнулся на изгородь и упал, забился в густой покошенной траве.

Ведь одолели ласточки страшного врага... одолели! Потому что не в когтях и железном клюве — в дружбе сила!

Оставив удочки, я подошел к поверженному хищнику, и мне стало не по себе. Жалкий, растерзанный, он ковылял по траве, распустив крылья, опираясь на них, как на костыли, пачкал перо кровью.

У хищников своя гордость. Они умирают в самых глухих местах. Не хотят, чтобы хоть кто-либо видел их слабость.

Ястреб с трудом пробивался через траву, каждая травинка ему была препятствием, задерживала его, но желтый клюв держал по-прежнему хищно и надменно. Где-то в частых и колючих кустах шиповника найдет он последнее пристанище...

ДЫХАНИЕ ВЕСНЫ

Возвращались ребята из школы, спорили, что такое «дыхание весны?» О нем в стихотворении говорится, что сегодня в классе читали. Надо бы учительницу об этом спросить да позабыли.

Вася говорит, что дыхание весны — это туман. Петя и другие не соглашаются:

— Туман только летом бывает.

Миша — свое:

— А может быть, дыхание весны — это просто весеннее утро? Мороз еще вот какой, даже носу больно, а солнышко так светит, так светит, что смеяться хочется, и воздух легкий, веселый!

Ни до чего не договорились.

Дома Вася все-таки спросил у отца, знает ли он, что такое дыхание весны? Васин отец — охотник. Должен это знать.

Подошел отец к окну, посмотрел в него и говорит:

— Иди сюда, смотри на небо. Видишь?

— Вижу.

— А что видишь?

— Небо. Синее, синее. И облака на нем.

— Какие они — такие же, как зимой или иные?

— Кажется, такие же!

— Вот и ошибся. Зимой облака волокнистые, скучные, длинные какие-то. А эти на что похожи?

— Эти — другие. Кругленькие. Серединка сизая, а края беленькие и сверкают.

— Правильно. Это кучевые облака. Они-то и есть дыхание весны.

— А почему?

— Потому что к югу от нас настоящая весна пришла, в снегу проталины с каждым днем все шире и шире. И поднимается от них к небу теплый пар от земли, становится этот пар в небе круглыми облачками. Гонит их южный ветер сюда, к нам, значит, вот-вот и у нас весна настанет. Понял?

Все понял Вася. На другой день всем ребятам в классе о дыхании весны рассказал. На каждой перемене на двор выбегали, любовались дыханием весны, радовались!

СМОРЧОК-СТАРИЧОК

Первый весенний гриб — сморчок. Шоколадного цвета, сморщенный, будто чихнуть собирается. А почему?

Потому что самый первый, самый весенний. Чуть снег с лесных полянок солнышком и теплым ветром сгонит, чуть только пригреет сильнее — вылезают сморчки из-под прошлогодних листьев на волю.

Очень они гордятся этим; как же — самые первые из грибов! А поэтому и капризные очень — все не по ним.

Днем — очень ярко солнышко светит. Сморчки как будто и ничего, помалкивают. И вот — ночь настает. Весенняя. С птичьими песнями, с зарей незакатной. Только особенная это заря, что, не погаснув, опять разгорается. Та, что с вечера — теплая, ласковая, утренняя — с дрожью, иной раз с морозцем хрустящим.

Сморчки, что днем, глядя на солнышко, жмурились, теперь зябнуть начинают. Еще пуще морщатся, ёжатся, кричат, ворчат.

Солнышко поднимется, мороз паром- туманом убежит, расплывутся, расщебечутся птицы. А сморчок солнышком опять недоволен:

— Да разве это жизнь? — кряхтит он и морщится. — То жарища и от света тошно становится, то сумрак и мороз. Нет, не могу быть такой жизнью довольным!

И стоит на полянке бурый, сморщенный, хмурый.

Стоит, пока его кто-нибудь в корзину не положит.

От плохого характера своего, от недовольства жизнью, сморчок ядовитым становится. Пока его в трех водах не прокипятишь, на сковороду лучше и не клади. А ты прокипяти его раза три, да эти воды слей, вот в сморчке злости убавится. Проще сказать — совсем не останется. Тут его — на горячую сковороду да маслица либо сметанки.

Ешь, не опасайся. Облизывайся и поймай — самый вкусный это гриб. Не потому что сморщенный, а потому что первый. Весенний.

ЗЕЛЕННЫЕ ФОНАРИКИ

Теперь такое присловье мало кто знает: — Сноп — на поле, лучина — в светел, значит, белым ночам конец!

Снопа теперь в поле не увидишь — не вручную хлеба жнут, а комбайнами. И слово «светец» позабыто. Это в старину светцы бывали — такая большая железная вилка на деревянной ножке стоймя. В эту вилку горящую лучину вставляли. Для света.

Тогда не только об электрическом свете — о керосине еще не знали.

Да. Конец белым ночам. Пришли им на смену — августовские, черные, словно бархатные.

Идешь ночным лесом и вдруг — в траве зеленый огонек. Что такое? А, да это червячок-светлячок! Как зеленый фонарик.

Тронешь его рукой — холодный, а светится.

Как же его, такого заметного в ночи, никто не тронет, не съест?

Вот что толковали об этом лесные мыши, завидев ночью зеленый огонек:

— Нет уж, лучше его не есть. А вдруг он горячий?

— Да, да, наверно горячий! Лучше подальше от него, сестрицы!

Жаба огонек увидела, прилепала к нему, рот разинула, задумалась:

— Что-то странное. С виду червяк, а с огнем внутри. Не моя это еда! Лучше подальше, в темень отпрыгнуть.

И лежит светлячок в росистой траве, светит сам себе. А вон, подальше, другой, третий.

Что ж! Пусть и кончились белые ночи, зато осень близка — сытная, тихая, прохладная с такими же зелеными звездочками в ночном небе, как и эти светлячки здесь внизу, в траве!

ХОЖУ ПО БЕРЕГУ ОДНА

Слова С. Викулова

Муз. А. Кокорина.

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом:

НЕ СПЕША, ОЧЕНЬ ПЛАВНО
mf
ПЛАВУТ НАД РЕЧ. . . КОМ ПО НО.
p
ШАМ ВУШАЮ МЫ ЗА
ТУ. МА. НА. МИ. ЛЮ. ВТЬ ОН

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом:

ВН. . . КО. О. БЕ. ШАА, А ВЪОМ. ЧНА ВСЕ ОБ. МА. ЧНА
МН. О ЛЮ. ВТЬ ОН ВЕЧ. НО О БЕ. ШАА, А ВЪОМ. ЧНА
ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ
ВСЕ ОБ. МА. НА. МН. Хо. жу. О по// МН

Плывут над речкой по ночам
Туманы за туманами.
Любить он вечно обещал,
А кончил все обманами.

Хожу по берегу одна.
Гляжу — а все не верится,
Что рядом с ним теперь она —
Нежданная соперница.

У всей деревни на виду
Он согревает плечи ей.
Кричат про девичью беду
Коростели заречные.

А ведь бывало все не так —
Ты помнишь, речка Вологда?
Мне отдавал он свой пиджак,
Меня берег от холода.

Я застегну воротничок,
Из дому выйдя вечером.
Теперь на серый пиджачок
Надеяться мне нечего.

Е. КИСЕЛЕВА

«СТОЛЕШНИКИ» ДЯДИ ГИЛЯЯ

Квартиру дяди Гиляя в Москве его близкие друзья звали «Столешники». Она находится почти в самом центре города — в Столешниковом переулке, девять. Полвека, проведенные в ней В. А. Гиляровским, сделали ее перекрестком многих жизненных дорог, местом интереснейших встреч.

В «Столешниках» не было телешевских или шамаровинских сред, повторяющихся из недели в неделю. Мешала беспокойная жизнь газетного репортера. Очень часто, совершенно неожиданно не только для друзей, но и для семьи, дядя Гиляй исчезал. Проходил день, другой — никто ничего не знал. И вдруг на третий или четвертый — открытка: «Привет с Волги» или «Еду на Балканы». Поэтому в «Столешники» к дяде Гиляю просто шли «на огонек», когда знали, что он в Москве. И кто только не побывал у дяди Гиляя! Писатели и репортеры, художники и наборщики, драматические актеры и певцы, студенты и ученики Московской школы живописи — перечислить всех невозможно: слишком широк был круг

друзей и знакомых дяди Гиляя, и почти все, знающие его, побывали в «Столешниках».

Антон Павлович Чехов особенно часто приходил к дяде Гиляю в 80-е годы, когда оба они сотрудничали в юмористических журналах. В те годы в обычаях журналов были так называемые редакционные дни: для «Будильника» — суббота, для «Зрителя» — четверг. Сотрудники журналов — писатели, поэты, художники собирались по таким дням за редакторским столом. Здесь сообщалось, обсуждались очередные номера журнала, читались гранки, рисовались карикатуры, придумывались подписи к ним. В редакционный день платили гонорар. После получения его расходились, кто куда. Иногда собирались друг у друга, чаще всего у Чеховых или у дяди Гиляя в «Столешниках».

«Первое время, — пишет В. А. Гиляровский, — картофельный салат с маслинами у Чеховых, чай с бутербродами у меня, а уж пирог и пиво — совсем пир».

Последние новости литературной жизни, предстоящие выставки, премьеры

спектаклей или интересные концертные выступления — всё затрагивалось и обсуждалось здесь с азартом и увлечением молодых, только что вступивших в литературную жизнь людей.

Очень часто к литераторам присоединялись художники. Приходили братья Левитаны — Исаак и Адольф, Николай Чехов и кто-нибудь из учеников Московского училища живописи. Между разговорами художники иногда рисовали. В семье Гиляровских до сих пор сохранились карандашные рисунки И. Левитана, рисунки А. Левитана и Н. Чехова. Один из рисунков А. Левитана дядя Гиляй уже в начале XX века подарил собирателю и основателю Астраханской галереи П. М. Догадину.

Заходил в 80-е годы в «Столешники» Глеб Иванович Успенский. Он жил тогда в Петербурге и, бывая в Москве по литературным делам или проездом, заглядывал к дяде Гиляю. Именно здесь, в «Столешниках», как-то после обеда с борщом и ватрушками, которые очень любил Глеб Иванович, читал ему дядя Гиляй свои рассказы. Успенскому особенно понравился рассказ «Обреченные» из жизни рабочих завода свинцовых белил в Ярославле. Глеб Иванович посоветовал Владимиру Алексеевичу писать в том же духе, а затем собрать все рассказы и издать их отдельной книгой («Трущобные люди», 1887 г.).

Иногда смех, споры и разговоры вдруг прерывались мягким, но длительным и настойчивым звонком, а вслед за ним появлялся в медвежьей шубе с холодком уральских морозов Д. Н. Мамин-Сибиряк. Его немедленно усаживали за стол — поить чаем. Потягивая из своей любимой большой фарфоровой чашки, которую в шутку прозвали «пей вторую» (в неё входило сразу шесть обычных стаканов), некоторое время Дмитрий Наркисович прислушивался к общему разговору, а потом незаметно для всех, да и для себя становился центром внимания. Ещё бы! Кому неинтересно послушать, как Мамин-Сибиряк ходил на охоту по уральским горам, окутанным синей дымкой, как в горах встречался с золотоискателями, бывал на приисках и пил приготовленную

старателями хмельную брагу. Увлекательно и увлеченно рассказывал Дмитрий Наркисович об удивительном многообразии Урала, сказочной красоте его камней и ручейков, горных речушек, о таинственной синеве его хвойных лесов, о смелых и добрых его жителях. А уральские камни-самоцветы! Однажды Мамин-Сибиряк привез дяде Гиляю большую коллекцию уральских камней-самоцветов, набранную и составленную им самим. Каждый камень этой коллекции имел свою историю и был связан с одним из путешествий Дмитрия Наркисовича в горы.

Почти в каждый свой приезд из Петербурга или Куоккала заглядывал в «Столешники» «на огонек» Илья Ефимович Репин. Тут уж немедленно начинался разговор об Украине, о Запорожье, о запорожском казачестве и об их общем друге украинском историке-исследователе Д. И. Эварницком. Илья Ефимович любил Владимира Алексеевича за его веселый и общительный нрав, за бесконечно трогательное, нежное и доброе отношение к людям (оно проявлялось у дяди Гиляя как-то стихийно, подсознательно). Репин знал и ценил внимание Владимира Алексеевича к молодым, начинающим художникам, любил поговорить с ним о последних, мелькнувших в Москве или Петербурге молодых дарованиях. Как-то Илья Ефимович написал дяде Гиляю стихи (насколько известно — это единственный стихотворный опыт художника):

Ось, чуєте? — Москва гуде:
Казак Гиляй гуляе,
Матнею юлицю мете,
Метелицю вздымае.

Словца крилатии мета
И с ядом, и с риготом
В весели вирши заплетая
Кого щадить, кого пыта,
Кого доймае потом.

Вин характерник — не спроста...
Як Бульбу дядька знають:
Шантують, поважають вси
До себе зазывают.

Иногда одновременно с Репиным, а иногда и нет в Москве появлялся Д. И. Эварницкий. Он тоже не обходил «Столеш-

ники» и особенно часто бывал здесь в 90-е годы. Его слегка басистый украинский говор восторженно рассказывал о какой-нибудь необычайной «атоманской» булаве, найденной летом в Запорожье, а внимательный глаз следил, чтоб в стаканчики присутствующих все время подливалась привезенная им редкая сливовая настойка.

В «Столешниках» — тихо. Дядя Гиляя ещё нет дома. В углу гостиной сидит молодой художник, ученик Московской школы живописи Н. И. Струнников. Осторожно переверачивая листы альбома, он рассматривает рисунки художников, в разное время оставивших свои памятки дяде Гиляю. У его ног, уютно свернувшись клубочком, лежит любимица хозяйина собака Хмара. Иногда Хмара чуть слышно, как бы ворча, рычит. Кроме Струнникова и Хмары в гостиной нет никого, в доме тишина, только из столовой каждые тридцать минут доносится бой часов Павла Буре.

И вдруг в «Столешниках» как-то сразу все заговорило, захлопало, запело. В первую минуту невозможно разобраться в чем дело. Сначала отрывисто и нетерпеливо загремел звонок и тут же звук открываемой наружной двери, хлопнула дверь через коридор — это Мария Ивановна спешит на звонок, с лаем бросается навстречу звукам Хмара, а из передней кто-то полным, сильным и красивым голосом, с веселой ноткой задора поет грузинскую застольную «Мравалжамиер».

Ещё через две-три минуты — гостиная и столовая полным-полны. Сегодня проездом в Москве известный актер В. П. Далматов. Василий Пантелеймонович и Владимир Алексеевич старые друзья ещё с тех времен, когда дядя Гиляй был актером — Владимиром Соллогубом. Дядя Гиляй и Далматов встретились в Малом театре и после спектакля с друзьями-актерами пошли в «Столешники». «Мравалжамиер» поет А. И. Южин-Сумбатов. Он как всегда жизнерадостен и остроумен. В большой квартире дяди Гиляя тесно, но зато как уютно. На столе шумит самовар — он был наготове, ждал хозяина, скатерть незаметно покрывается весёлым

хороводом красочных чашек (Владимир Алексеевич не любил чинного однообразия сервизов и предпочитал, как он говорил, «чашечный разнобой»), а между чашками возвышаются вазочки с вареньем, домашняя наливка в графинах, штоф водки, особым образом приготовленная селедка, грибки, салат в помидорнице и дежурное блюдо «Столешников» — ватрушки, высокой горкой красовавшиеся посреди стола. Булькают разливаемые по рюмкам наливки, поющий звон чоканья и громкое, теперь уже хором, пение «Мравалжамиер». А там от еды и пения незаметно перешли к спектаклю. Южин заговорил о своей новой пьесе, Далматов о роли, которую он готовит, вспомнили Андреева-Бурлака, его любовь к театру и Волге, кто-то из актеров рассказывает, как два дня назад М. Н. Ермолова на репетиции неслыханно чудно сыграла Жанну д'Арк. Дядя Гиляй, только что вернувшийся с Кавказа, говорит о своих встречах с горцами, и в ответ ему Южин читает:

Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит...

Так незаметно проходит остаток вечера, наступает ночь. Давно потушены в домах огни, и только окна «Столешников» продолжают светиться золотистым теплом. Далеко за полночь по узкому Столешникову переулку раздается гулкое цоканье конских копыт — это разъезжаются гости дяди Гиляя.

А в другой вечер после спектакля или концертного выступления в «Столешники» вдруг нагрянет Ф. И. Шаляпин, да еще не один, а скажем, с художниками Костей Коровиным и Сергеем Виноградовым. Вихрем влетел Федор Иванович в «Столешники»; влетел и что-то притих — пишет дочери дяди Гиляя Наде стихи:

Прелестное дитя, учись...

Но не надолго мог притихнуть Шаляпин. Не проходит и пяти минут, как из соседней комнаты раздается оглушительно громкий, безмерно жалобный собачий вой, а вслед за воем: «Есть хо-

ч-ч-у-у-у», — это Федор Иванович, написав Наде стихи, торопит хозяйку с ужином.

А как-то однажды Федор Иванович, глядя на рисующих художников, сам сел за стол и начал что-то изображать пером на бумаге. Все попытки дяди Гиляя заглянуть через плечо Федора Ивановича оканчивались неудачами:

— Погоди, погоди, Гиляй, нос у тебя курносый, не много увидит раньше времени, — говорил Федор Иванович, отстраняя Владимира Алексеевича, — вот кончу, тогда не только покажу, даже подарю.

Трудился Шаляпин над своим автопортретом. Кончив его, он обратился к бывшему в тот вечер у Владимира Алексеевича Виктору Михайловичу Васнецову: — Виктор Михайлович, таким должно быть лицо у человека, если ему предстоит ехать в чиновный Питер? (На другой день Федор Иванович должен был отправиться на концерт в Петербург, а ему не очень хотелось).

Виктор Михайлович, глядя на листок, одобрительно кивнул головой, и тогда Федор Иванович, написав несколько слов, отдал свой автопортрет дяде Гиляю:

— Береги, Гиляй, не часто я себя рисую, да еще накануне отъезда в Питер.

В 900-е годы нередко видели у себя «Столешники» А. И. Куприна. «Ах, дорогой дядя Гиляй, — писал Куприн Гиляровскому, — крестный мой отец в литературе и атлетике, скорее представляю себе Москву без царь-колокола и царь-пушки, чем без тебя, ты пуп Москвы». В «Столешниках» Александр Иванович был близким человеком. До сих пор цел в «Столешниках» самовар, который иначе не назывался, как «купринским». Чем бы ни занимался в «Столешниках» Александр Иванович: гото-

вил ли математику с дочерью дяди Гиляя, слушал ли рассказы Марии Ивановны — она была родом из Пензы и хорошо знала жизнь и быт пензенских татар, чем всегда очень интересовался Александр Иванович, следил ли он за быстрым бегом спиц Марии Ивановны — она любила и замечательно умела вязать, разговаривал ли с дядей Гиляем, — перед ним всегда стоял самовар. К чаю подавалось варенье, как говорил Александр Иванович «малеевские припасы» (У Гиляровских была в Малеевке небольшая дачка). Из «Столешников» А. И. Куприн и дядя Гиляй часто отправлялись в цирк, в литературно-художественный кружок или к кому-нибудь из общих знакомых, друзей.

В 1905 году во время вооруженного восстания «Столешники» были превра-

А. П. Чехов и И. И. Левитан у В. А. Гиляровского в «Столешниках».

Худ. А. Бельх

щены в лазарет. Раненых дружинников с баррикад разносили по надежным квартирам, где им оказывали первую помощь, ибо в больницах дружинников немедленно арестовывали.

Е. Н. Чеботаревская, бывший директор музея Л. Н. Толстого в Хамовниках, теперь пенсионер, рассказывает, как в том же 1905 году она, спасая от ареста часть революционной молодежи Московского университета, задними дворами успела вывести их из здания университета, уже окруженного полицией. Надо было где-то переночевать, дождаться утра, чтоб вернуться из Москвы. К дяде Гиляю, — решила без колебаний Евгения Николаевна, — в «Столешники». Она училась вместе с дочерью Владимира Алексеевича в гимназии, много раз бывала в «Столешниках», хорошо знала этот дом и дядю Гиляя. Когда она привела шесть человек студентов с просьбой дать им возможность переночевать, скрыться от полиции, Мария Ивановна, несколько смущаясь, сказала:

— Гиляй, но где же мы их уложим, на чем они будут спать?

— На чем стоят, на том и спать будут, — ответил дядя Гиляй. В столовой прямо на полу расстелили все какие были в доме шубы, собрали подушки и одеяла, и все студенты спокойно провели ночь.

Только в 1957 году случайно узнали и еще об одном участии Владимира Алексеевича в судьбе восставших в 1905 году. Как-то в «Столешниках» раздался звонок и к телефону попросили кого-нибудь из семьи Гиляровских. Взволнованный голос говорил в трубку:

— Моя фамилия Полозов, я живу на улице Горького, совсем рядом с вами. Понимаете, прохожу сегодня по Столешникову переулку и вижу — мемориальную доску Гиляровскому установили. Увидел и решил узнать, кто жив из семьи Владимира Алексеевича, уж очень многим обязана ему моя семья. Он ведь спасал нас от голодной смерти, после того, как моего отца в 1906 году выслали, да и семьям других наборщиков помогал дядя Гиляй. Дело в том, что отец в 1906 году принимал участие в печатании

нелегальной литературы, прокламаций, работал в типографии у Кушнарера и Пудова наборщиком, за это его и арестовали. Жизнь нам было не на что. Мать, как жену высланного, на работу никуда не брали, а у нее нас осталось на руках двое, старшего помог устроить Владимир Алексеевич, он с нами не жил. Когда деньги выходили, мать брала нас, и мы шли к дяде Гиляю в «Столешники». Иногда и он к нам забегал, так и жили больше году, пока не уехали к бабке в деревню.

В архиве В. А. Гиляровского есть письмо И. И. Полозова, бывшего наборщика.

В 1912 году в «Столешники» пришел Георгий Седов. Он приехал в Москву с различными хлопотами по предстоящей экспедиции на Север и познакомился с дядей Гиляем. Владимир Алексеевич, родившись в северных лесах Вологодчины, любил северный край России. Исколесив почти всю страну, во всех направлениях и не раз, он так и не побывал на Северном полюсе, хотя всю жизнь стремился попасть туда. Познакомившись с Георгием Седовым, он решает отправиться вместе с ним в следующем году на Север. В «Столешниках» ведутся длинные разговоры о будущей экспедиции, о значении Северного морского пути для России.

Георгий Седов отправился на Северный полюс в 1913 году. Болезнь помешала Владимиру Алексеевичу принять участие в экспедиции, о чем очень жалел и он, и Георгий Седов. Из Архангельска присылает Седов дяде Гиляю телеграмму с сообщением о выходе в море, а из бухты Святого Фоки — письмо, где говорит: «...свято хранит Ваши заветы путешественник, отправившийся на Север».

Помнят «Столешники» дяди Гиляя И. А. Бунина, и Скитальца, и народного поэта Тихоплесца, и Н. Д. Телешева. Николай Димитрович как-то написал Владимиру Алексеевичу: «Действительно хорошим можно назвать только то, что, не принося никому зла, приносит счастье наибольшему числу людей». Для многих дядя Гиляй и его «Столешники» послужили началом большого и счастливого пути их жизни.

Первый дом, в который попал в Москве Василий Иванович Качалов, тогда еще Шверубович, приехавший из Казани, были «Столешники» дяди Гиляя.

— Красив, красив, как бог, — обрушился на него Владимир Алексеевич, едва увидев Качалова и еще не зная, кто это вот уже около двух часов ожидает его возвращения из редакции «Русских ведомостей», — небось голоден, — продолжал Владимир Алексеевич, не давая опомниться Василию Ивановичу, — пойдем, пойдем похлебаем селяночки...

Гимназистом пришел впервые в «Столешники» к дяде Гиляю В. Я. Брюсов. Отец Валерия Яковлевича представил Владимиру Алексеевичу своего сына на московских скачках. На страницах издаваемого В. А. Гиляровским «Журнала спорта» открылась первая литературная страничка большой творческой биографии В. Я. Брюсова. Много раз бывал Валерий Яковлевич в «Столешниках», много было споров о поэзии, Владимир Алексеевич не одобрял символических увлечений Валерия Яковлевича. Иногда они обменивались стихами:

Тому, кто пел нам полстолетья,
Не пропустив в нем ни штриха,
При беглой встрече, рад пропеть я
Хотя бы дважды два стиха...

писал Валерий Яковлевич дяде Гиляю и получал ответ:

Помню я, в серенькой блузе,
Ко мне гимназист приходил,
Тетрадку — служение музе,
Мне скромно и робко вручил...

Однажды в самом начале 900-х годов в «Столешники» пришел мальчик. Смущаясь и краснея, он назвался:

— Ваня Федышин!

— Что скажешь, Ваня? — спросил его Владимир Алексеевич. Еще больше смущаясь, Ваня подал Владимиру Алексеевичу записку и уже совсем сдавленным голосом прошептал:

— Я от своего дяди, Ивана Яковлевича Жидкова.

И дядя и племянник были земляками Владимира Алексеевича — вологжанами. В руках мальчик держал папку.

— Ну что ж, — сказал Владимир Алексеевич, прочтя записку, — дядя твой пишет, что художником стать хочешь, принеси свои этюды, рисунки, показывай!

В 1920 году в тех же «Столешниках» художник И. Федышин написал Владимиру Алексеевичу: «Учитель жизни моей! Двадцать лет назад я пришел к Вам мальчиком из Соловков, а теперь учу заветам Вашим своих учеников».

Стены квартиры дяди Гиляя сверху до низу завешаны картинами, этюдами — все это памятки его личных отношений с художниками. Здесь есть и великие известные мастера кисти и палитры, и никому не ведомые, затерявшиеся в жизненном водовороте художники.

Пейзажи Саврасова и акварель Репина, рисунки Левитана и натурные этюды Кавказа К. А. Коровина, великолепные акварельные этюды В. М. Васнецова к его картине «Баян», первый эскиз «Грешницы» Поленова и работы А. Е. Архипова, бесконечное количество полотен, авторство которых невозможно установить, — и все эти этюды и эскизы, драгоценные листки записных книжек художников — подарки дяде Гиляю в память их теплого отношения к нему.

Приходили в «Столешники» и обитатели ночлежных домов и притонов — прита последние нищеты и отчаяния — жители Хитровки. Причем шли они к дяде Гиляю не столько за материальной помощью, сколько за советом, уверенные, что в «Столешниках» они непременно услышат слово участия, найдут не окрик и презрение, а простое человеческое обращение с ними. В ноябре 1908 года в «Столешники» поздравить Владимира Алексеевича с 55-летием пришла целая делегация хитрованцев, с письмом, своеобразным адресом от жителей Хитровки.

Двадцатые годы были для дяди Гиляя годами усиленного и напряженного труда. Незаметно, но настойчиво подкрадывалась старость. Дядя Гиляй не сдавался, не уступал, тем не менее после тяжелой болезни стал слабеть слух, и что особенно огорчало его, слабело зрение. А еще так много надо было сделать, написать. Книги «Мои скитания», «Люди театра», «Друзья и встречи», «Москва газетная»,

«Москва и москвичи» — создавались им в последние годы его жизни. Над ними он работал летом в своем подмосковном Картине, а зимой в «Столешниках». Уединенных кабинетов с письменными столами дядя Гиляй не любил. Кабинетной тишине он предпочитал шум столовой. Многолетняя работа в газете приучила его писать почти в любой обстановке, на ходу. Поэтому в «Столешниках» рабочее место дяди Гиляя было в столовой. Большой обеденный стол раздвигался и на одной его стороне пили чай, ужинали, обедали, разговаривали, шутили, а на другой сидел Владимир Алексеевич и работал, наскоро перехватив что-нибудь вместе со всеми. Рядом с его стулом стояло кресло, куда дядя Гиляй усаживал приходящих к нему друзей и знакомых. Некоторые по живости своего характера не могли спокойно сидеть на кресле, тогда им большой простор для «вышагивания» открывала столовая. Как-то в двадцатые годы к дяде Гиляю зашел В. В. Маяковский. Он не сидел на кресле, а ходил по столовой. Речь шла о поэзии. Маяковский читал свои и чужие стихи бодро и жизнерадостно. Уходя, он написал дяде Гиляю:

Светить! И никаких гвоздей —
Вот лозунг мой и солнца!

Сидели в столовой «Столешников» у дяди Гиляя и Пантелеймон Романов, и Владимир Лидин, и Константин Паустовский, и Александр Зувев, А. Н. Тихонов-Серебров, известный собиратель русской поэзии И. Н. Розанов, пушкинист М. А. Цявловский, Андрей Белый, по той же столовой ходили Сергей Есенин, А. В. Луначарский, Алексей Толстой.

Не забывали дядю Гиляя и художники. В. А. Симов, С. В. Малютин, И. Д. Шадр, Д. С. Моор, В. Н. Дени, А. М. Герасимов, Ф. Ф. Федоровский, П. А. Радимов, В. Н. Пчелин — все они и сидели на кресле дяди Гиляя и ходили по «Столешникам».

Особенно часто заглядывал в 20-е годы И. Д. Шадр. Он поверял Владимиру Алексеевичу свои творческие планы, вместе они обсуждали, где должен стоять и каким быть памятник В. И. Ленину. Иван

Димитрович рассказывал о своих поездках по деревням в поисках нужного типажа для «Сеятеля».

Радовали В. А. Гиляровского встречи в «Столешниках» с С. В. Малютиным. Владимир Алексеевич очень любил его маленькие этюды, которые художник называл «нашлепочками». Сергей Васильевич дарил их Владимиру Алексеевичу. То это было сверкающее алмазной пеной море, то огромный заливной луг, то кусочек залитой солнцем степи. К одному из них дядя Гиляй написал:

Во дни декабрьских серых туч,
Кто б сделать лучше мог?
Ты бросил солнца яркий луч
В мой уголок.

Молодой, полный энергии и страстной любви к искусству живописи и графики иногда забегал в «Столешники» из Вхутемаса, иногда приходил с отцом, другом Владимира Алексеевича литературоведом С. Г. Кара-Мурзой — художник А. Д. Гончаров, или, как его звал дядя Гиляй, — Андрюша.

Увлеченно и живо рассказывал он о своей работе и новых живописных работах вхутемасовцев, о постановках натюр-морта И. И. Машковым, о готовящихся выставках. Андрей Димитрович сделал графический портрет Владимира Алексеевича, который очень понравился дяде Гиляю, и он написал художнику стихи:

Друг, светла твоя дорога,
Мастер ты очаровать,
Ишь, какого запорога
Ты сумел сгончаровать.

Вот фигура из былины!
Стиль веков далеких строг —
Словно вылепил из глины,
Заглазурил и обжег!

Рассказ о «Столешниках» — бесконечен и интересен, как сама жизнь дяди Гиляя, которая всю силу своей большой человеческой любви отдала людям.

Прошло уже более двадцати пяти лет с тех пор, как умер дядя Гиляй, но «Столешники» живы до сих пор, живы, как память о нем и тех, кто здесь бывал. Эта память в вещах, в картинах, во всей обстановке квартиры, целиком сохраненной

с самого начала существования «Столешников» (1886 г.).

Все так же висит над столом бумажный абжур-гармошка, который обычно делал сам дядя Гиляй, на своем месте, как и при хозяине, стоит за обеденным столом рабочий стул-кресло, а рядом мягкое для гостей. Все так же уютен маленький диванчик, на котором любил отдыхать после обеда А. П. Чехов — он прозвал его «вагончик»; на кафельном столе, подаренном дяде Гиляю рабочими Уральского кафельного завода еще в 1907 г., так же лежат пачки газет, книг, стоят пепельницы — памятки дяде Гиляю, пепельница-рог — памятка с Кавказа, пепельницы-раковины, привезенные дяде Гиляю из Италии С. И. Мамонтовым. Все так же, как и при нем, висит портрет Л. Н. Толстого, подаренный Владимиру Алексеевичу великим писателем, со стен смотрят на вошедшего уголки России, перенесенные на полотна художниками, — «Закат» Саврасова, «Подмосковье» Петровичева, «Зимка» Мешкова, «Степь» Герасимова А. М. и еще много других работ, повешанных на стенку дядей Гиляем, только чернильница дяди Гиляя теперь всегда стоит на письменном столе и не перекочевывает на обеденный.

Дом, в котором жил В. А. Гиляровский, отмечен мемориальной доской. Она висит у самого парадного, куда столько лет входили люди, именами которых гордится русская культура. На красном порфире прикреплен барельеф дяди Гиляя. Скульптор Б. П. Барков изобразил писателя таким, каким многие годы знала его Москва. Мерлушковая папаха сдвинута на правое ухо, шуба нараспашку, он чуть-чуть улыбается в свои пушистые усы, из-под слегка нахмуренных бровей смотрят на бесконечный поток москвичей и всех приезжающих в столицу (а кто в Москве не бывал?) спокойные и добрые глаза дяди Гиляя. Дядя Гиляй видит улицу Горького, дом Московского Совета, он видит,

что в «Столешники» к нему в день его рождения и так на «огонек» по-прежнему приходят друзья, знакомые и уже незнакомые ему люди. Приходят те, кого он знал молодыми, начинающими литераторами, теперь известные писатели — К. Г. Паустовский, В. Г. Лидин, А. Н. Зувев. Поэт Сергей Городецкий в 1961 году написал дяде Гиляю стихи:

Сегодня по Москве гуляя,
Я в гром и молнию попал
И, встретив зятюшку Гиляя,
С ним в гости к тестю зашагал.

Среди картин, все тех же самых,
За тем же тесаным столом
Из-под бровей своих упрямых
Годов ушедших напролом —

Сверкнул казацким древним взором
Могучий, добрый богатырь,
И задушевным разговором
Седой Москвы зарделась ширь.

Его с любовью вспоминаем...
Какая мудрость в нем жила!
Какая удаль озорная,
Какая юность в нем цвела!

По-прежнему бывает в «Столешниках» А. Д. Гончаров, теперь известный художник, профессор, бывают молодые, незнакомые дяде Гиляю писатели и художники. Приходят в «Столешники» к дяде Гиляю целые экскурсии учителей Москвы и Подмосковья, врачей, инженеров, научных сотрудников, бывают даже люди, приехавшие с Крайнего Севера — посмотреть, где жил и работал дядя Гиляй.

Не забывают своего земляка и вологжане. Приезжая в Москву, они, как правило, заглядывают в «Столешники» и по давней традиции оставляют свои памятки. Зимой 1961 года поэт-вологжанин А. Романов написал «Столешникам»:

Теперь-то я отлично знаю,
Что ничего отрадней нет,
Чем заглянуть на яркий свет
В квартиру дядюшки Гиляя.

Поэт легендарной Конной Армии

(О творчестве красноармейского
поэта-земляка А. В. Маринова)

Кто не знает крылатой песни гражданской войны — «Гей, по дороге»?

Гей, по дороге,
Гей, по дороге,
По дороге войско красное идет.

Кто же автор этой песни?

С давних пор я был крепко связан службой и дружбой с Александром Васильевичем Мариновым. Вместе работали, воевали. Но, зная его много лет, я не догадывался, что он пишет стихи и что песни, которые он иногда напевал, — его песни. Узнал об этом случайно и не от него, а от его жены Ольги Алексеевны.

Это было в Москве, в канун Дня Советской Армии. Мы сидели в небольшой уютной квартире Маринова на Лучниковом переулке, что выходит к Политехническому музею. Играли в шахматы и слушали радио. Ансамбль имени Александрова исполнял песню «Гей, по дороге...» Неожиданно для меня Маринов поставил под бой самую любимую свою фигуру — «коня» и, не сказав обычного: «Вот так!», взволнованный вышел в другую комнату.

— Что это с Сашей? — спросил я.

— А ты разве не знаешь? Песню его только что исполняли...

Ольга Алексеевна рассказала мне тогда о творчестве Александра Маринова и заметила:

— Он никогда не обращался в издательство, не брал гонорара, никому не говорил, что и где у него напечатано...

В одном из сборников песен, выпущенном в 1938 году, редакция «Крестьянской газеты» отметила, что песня «Гей, по дороге» является прекрасным образцом народного творчества эпохи гражданской войны. С оценкой редакции «Крестьянской газеты» нельзя не согласиться.

Александр Васильевич Маринов родился 4 ноября 1897 года в семье крестьянина-горемыки. Семья была большая. Своего хлеба хватало лишь до декабря, а потом отец и все подрастающие дети уходили на отхожие заработки: рубку, вывозку и сплав леса, охоту за белой и горностаем, поденную работу у богатых мужиков. В особенно голодные годы отец, взяв с собой «старших» сыновей Николая и Ваню, уходил в соседние волости просить милостыню...

Потом Александр Маринов работал на Северной железной дороге костыльщиком, грузчиком, сплавщиком и возчиком леса в Онежском лесничестве...

В 1916 году, в мае, его «забрили» в царскую армию. В Петрограде зачислили в запасный кавалерийский полк. Полтора месяца муштры в манежах, обучение в лагере Дудендорф, Красное село и маршевый эскадрон. За это время его произвели в ефрейторы, обучив сражаться саблей на коне «за веру, царя и отечество».

Накануне Февральской революции в эскадроне — митинг. Офицеры уговаривали солдат «держаться спокойствие», но они не слушали офицеров, спешили — это было великим подвигом для кавалеристов — и походным порядком двинулись в Петроград на помощь питерским рабочим. Офицеры не пошли с солдатами. Одну из колонн эскадрона повел ефрейтор царской армии Александр Маринов.

Утром у Балтийского вокзала кавалеристы «по-пешему» рассыпались в цепь и открыли огонь из карабинов по засевшим на колокольнях, крышах и чердаках жандармам, городовым, попам и прочим царским опричникам.

На третий день Февральской революции солдаты маршевого эскадрона избирают девятнадцатилетнего Маринова членом Красносельского Совета рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов, а в августе от двенадцати маршевых эскадронов Красносельского гарнизона — членом исполнительного комитета Красносельского Совета.

Нарастала пролетарская революция. Как член исполкома Красносельского Совета Маринов организует оборону на подступах к Петрограду против войск Керенского...

Январь 1918 года. Александр Васильевич на курсах агитаторов ВЦИКа. Там он усваивает «основной закон о социализации земли», неповторимо исторический, принятый всем сердцем. С этим он едет организовывать Советскую власть на местах в свой Кирилловский уезд. И когда Советы начали действовать, он возвратился в Петроград. Но часть, из которой он уехал выполнять задание, уже была расформирована. В Петрограде на Шпалерной, в ликвидационной комиссии ему выдали документы о демобилизации...

Солдат подчинился приказу. Уехал в родной Вологодский край. И у него не было сильнее желания, чем сесть снова на коня, чтобы охранять отвоеванные у царя народные богатства. Так он стал объездчиком в Онежском лесничестве.

Враги тревожили Родину, хотели вернуть потерянное. Клинок и карабин так и просились в руки. Прослышав, что в Череповце демобилизованных из старой армии призывают в Красную Армию, Маринов пошел на призыв. Его направили в Петроград, а там — в отдельный кавалерийский эскадрон, который вскоре был послан в эшелонах на Западный фронт.

Накрепко он связал свою судьбу с борьбой за коммунизм. В 1919 году он вступил в Коммунистическую партию.

...В наградном листке А. В. Маринова, составленном военкомом 84 кавалерийского полка Догаевым, описывается такой эпизод:

«...Банда Махно была окружена 14-й дивизией в деревне Бузовка. Она стремилась вырваться из окружения и обрушилась при огромном перевесе сил на один из эскадронов. Эскадрон не выдержал яркого натиска обезумевшей бандитской орды и начал отходить... Нависла угроза гибели другого эскадрона, к которому банда могла выйти в тыл. Но в этот момент Александр Маринов быстро спешился с коня, залег и начал расстреливать из карабина несущихся на конях махновцев. Его примеру последовали все красные конники. Банда дрогнула, ее спесь, как смыло разящим огнем, атака врага захлебнулась. За этот подвиг Александр Маринов был представлен к награде орденом Красного Знамени».

Характерным документом, отражающим дух и несгибаемую волю к победе у воинов того грозного времени, является грамота, выданная А. Маринову Революционным Военным Советом Армии.

«Красному бойцу Маринову Александру Васильевичу.

Революционный Военный Совет Первой Конной Армии в исторический день праздника

Первой годовщины Армии вручает Вам настоящий документ, как свидетельство Вашей самоотверженной работы в рядах 1-й Конной Армии для победы рабоче-крестьянской власти на благо великого дела мировой пролетарской революции.

Революционный Военный Совет выражает уверенность, что и впредь Вы будете высоко держать знамя рабоче-крестьянской власти и останетесь неутомимым бойцом за полный успех пролетарской революции.

Ноябрь 1919 г. — ноябрь 1920 г.»

В гражданскую войну А. Маринов участвует в боевых действиях красной кавалерии на Западном и других фронтах.

После разгрома Врангеля он снова в боях — против банд на Украине, на Северном Кавказе.

После гражданской войны вся наша армия участвует в борьбе на мирном фронте за хлеб, за восстановление разрушенного войною, за ликвидацию неграмотности в стране. А. Маринов — активный участник всех этих, решающих судьбу Родины, дел. Он с огромным упорством берется за учебу. В 1931 году заканчивает Военно-Политическую академию имени В. И. Ленина и назначается заместителем начальника политотдела бригады, начальником политотдела, затем военкомом дивизии, начальником политотдела Высшей офицерской школы.

В годы Великой Отечественной войны Маринов — военный комиссар курсов по усовершенствованию командного состава бронепоездных и бронетанковых войск, готовит кадры для победы над врагами социалистического Отечества.

Тяжело больной, А. Маринов с мая 1947 года уходит в отставку в звании полковника, отдав 30 лет своей жизни службе в Советской Армии. В январе 1951 года Маринова не стало. Но в представлении всех тех, кто его знал, Саша Вологодский, как он подписывал свои некоторые стихи, навсегда останется в памяти как олицетворение того заветного, что выражено в строках его стихов и песен.

Рослый, стройный, собранный. Правая рука всегда как бы тянется к эфесу клинка. Не многословен. А скажет что — будто саблей лозу срубит и обязательно подтвердит: «Вот так!» И затем вглядывается в человека, как бы хочет разгадать его мысли, убедить, кто он, на что способен. Сдержан и скромен. Можно подумать, что он суховат и скучноват. Но это только на первый взгляд. В этом человеке была сконцентрирована огромная воля.

Родина высоко оценила заслуги А. Маринова. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями.

Литературное наследие Александра Васильевича совсем не велико. Он не был поэтом-профессионалом, и нетрудно найти недостатки и несовершенства в его литературном мастерстве. Но есть в произведениях А. Маринова главное — органическая связь творчества с жизнью, с борьбой трудового народа за свое счастье.

Стихи Александра Маринова

РАНО УТРОМ

Рано утром,
Только солнышко встает,
Вдоль по фронту
Кавалерия идет...

На простор она выходит
На степной,
Чтобы дать врагу
Последний смертный бой.

Кони резвые
Копытами стучат,
Сабли острые
В руках у нас блестят.

Под картечью,
Под ружейным под огнем,
Головы не спрячем,
Не нагнем!

Будем прямо
На противника глядеть,
Чтоб скорее
Его силу одолеть.

Командиры наши —
Старые бойцы,

Все лихие,
Удалые молодцы.

Знают, что и как
Командовать всегда,
Побеждены мы
Не будем никогда!

Шашки вон, да только
Крикнем мы: «Даешь!» —
Сила вражья
Рассыпается, как дождь.

Наша конница
Рабочих и крестьян
Нанесла врагу
Порядочный изъян.

Помнить долго
Будет каждый генерал,
Как от конницы
От нашей удирал.

У республики
На страже мы стоим,
Власть Советов
Никому не отдадим!

ГЕЙ, ПО ДОРОГЕ

Гей, по дороге,
Гей, по дороге,
По дороге войско красное идет. (2 раза)

Гей, оно стройно,
Гей, оно стройно,
Оно стройно песню красную поет. (2 раза).

Гей, поглядите,
Гей, поглядите,
Поглядите вы, буржуи, кулаки... (2 раза).

Гей, как проходят,
Гей, как проходят,
Как проходят пролетарские полки. (2 раза).

Гей, это сила,
Гей, это сила,
Это сила, сила грозная идет. (2 раза).

Гей, власть Советов,
Гей, власть Советов,
Власть Советов никогда не пропадет. (2 раза).

Гей, мы сражались,
Гей, мы сражались,
Мы сражались за народ за трудовой. (2 раза).

Гей, за несчастных,
Гей, за несчастных,
За несчастных, обездоленных судьбой. (2 раза).

Гей, мы добыли,
Гей, мы добыли,
Мы добыли себе право строить жизнь. (2 раза).

Гей, вы, буржуи,
Гей, вы, буржуи,
Вы, буржуи разных стран, теперь держись. (2 раза).

Гей, вам не долго,
Гей, вам не долго,
Вам не долго уж осталось пировать. (2 раза).

Гей, нашим потом,
Гей, нашим потом,
Нашим потом, нашей кровью торговать. (2 раза).

Гей, брат-рабочий,
Гей, брат-рабочий,
Брат-рабочий из далеких чуждых стран. (2 раза).

Гей, понимает,
Гей, понимает,
Понимает весь буржуйский ваш обман. (2 раза).

Гей, начинает,
Гей, начинает,
Начинает силу пробовать уж он. (2 раза).

Гей, он разрушит,
Гей, он разрушит,
Он разрушит ваш грабительский закон. (2 раза).

Гей, мы армейцы,
Гей, мы армейцы,
Мы армейцы Красной Армии труда. (2 раза).

Гей, нашу помощь,
Гей, нашу помощь,
Нашу помощь подадим ему всегда. (2 раза).

Гей, мы уж знаем,
Гей, мы уж знаем,
Мы уж знаем, как буржуев надо бить. (2 раза).

Гей, власть Советов,
Гей, власть Советов,
Власть Советов как скорее укрепить. (2 раза).

Гей, за несчастный,
Гей, за несчастный,
За несчастный, обездоленный народ. (2 раза).

Гей, мы как двинем,
Гей, мы как двинем,
Мы как двинем на врага, вперед, вперед. (2 раза).

Гей, мы докажем,
Гей, мы докажем,
Мы докажем всему миру уж тогда. (2 раза).

Гей, что такое,
Гей, что такое,
Что такое значит Армия Труда. (2 раза).

ПУЛЕМЕТНЫЙ ЭСКАДРОН

Сталь блеснула, и наместом
Белых полк пошел на нас.
— Пулеметы, пулеметы! —
Босвой рванул приказ.

— Есть! — Мгновенно из лощины,
На ходу равняя фронт,
Вылетает наш любимый
Пулеметный эскадрон.

Точно в бешеной гулянке
Кони рвутся, кони мчат —
Распластались.., а тачанки
Вихрем по полю летят!

Гул и топот, топ и гулы,
И казалось, что вовек
Лошадиного разгула
Не удержит человек...

Но в стремительном размахе,
Очертя налево круг,
Кони-львы на полном махе
Стали вкопанными вдруг...

По противнику, двенадцать! —
Три секунды... — Есть! — Огонь!
И с тачанок все шестнадцать
Шлют свинцовый шквал погонь!

Ох, как жарко поливают,
Аж захватывает дух.
Эскадроны белых тают,
Враг расхлестан в прах и пух.

Бой окончен. Враг порублен.
На ходу равняя фронт,
Проезжает наш любимый
Пулеметный эскадрон.

РУБКА

— Шашки, вон! — взвилась команда.
Кисть упала на эфес.
Стали звон — и над рядами
Мигом вырос сабель лес.

Мощи полные копыта
Землю мечут в облака, —

Все на свете позабыто
У коня и седока.

Кто сильнее — конь иль всадник? —
Все слилось в один порыв!
Рубка — лихость!
Рубка — праздник!
Рубка — силы яркий взрыв!

*

ОСТРОГ

Весна пришла дружная. Зазеленели травы, распустились листья на деревьях, зацвели акации, липы и яблони, а на улицах Кишинева стояла невылазная грязь и нестерпимая вонь неслась с нижней части города. На свою обычную утреннюю прогулку Пушкин уходил далеко в степи. К нему иногда присоединялся Пестель. Обремененный занятиями, связанными с его должностью, Пестель находил время, чтобы читать множество книг по истории, философии, финансам, военному делу и литературе, но больше всего он уделял внимания и сил делам тайного общества. Для него он писал записку о государственном управлении, которую называл «Русской правдой». Теперь Пестель был убежден в необходимости революционного переворота, чтобы установить в России республиканский образ правления.

Произвести такой переворот могла только тайная организация, и Пестель не жалел труда, чтобы сколотить крепкое, спаянное любовью к родине, общество людей, которые бы верили этой идее и не пощадили для нее жизни. Однако, чем больше Пестель углублялся в существо стоявших перед ним и перед его единомышленниками государственных задач, тем яснее видел, что возникают все новые и новые, ранее непредвиденные вопросы.

Глава из романа «Арион» о Пушкине и декабристах. Весь роман будет опубликован в издательстве «Советский писатель».

И первый из них был вопрос о русском крестьянине и о земле, о способах пользования ею и о величине надела. Конечно, и другие сословия требовали к себе внимания. Между тем не вполне ясен был и вопрос о том, что же будут делать заговорщики первое время в случае удачи, если восстание победит и государственная власть перейдет к ним в руки. Что будет пригодно для переходного времени: диктатура одного или директория нескольких? Не встретятся ли они с тиранией честолюбца?

Во время общих прогулок Пестель все больше раскрывал перед Пушкиным истинную сущность своих взглядов и намерений, но на этот раз поэт оставался равнодушным. Пестель говорил:

— Народы постигли святую истину, что не они существуют для правительств, но правительства для них должны быть устроены. И вот причина борения во всех странах. Народы, почувствовав сладость просвещения и свободы, стремятся к ним, правительства же, огражденные миллионами штыков, силятся оттянуть народы во тьму невежества. Но тщетны все их усилия: впечатления, раз полученные, никогда не сглаживаются. Свобода, сей свет ума, теплотвор жизни, была всегда и везде достоянием народов, вышедших из грубого невежества. И мы не можем жить, подобно предкам нашим, ни варварами, ни рабами!

Пушкин слушал, но не спешил ответить. У него была привычка применяться к сво-

ему собеседнику или корреспонденту. Ему казалось, что так они лучше поймут друг друга. Кроме того, это было хорошим упражнением в слоге. Поэтому в переписке с князем Вяземским он часто сквернословил без нужды, с Жуковским беззлобно шутил, с гусарами ухарствовал, с Гнедичем применял высокопарные выражения в классическом роде, с Раевским и Орловым умничал. Теперь с Пестелем он заботился о стройности рассуждений и точности слов, так как хотел говорить со строгой убедительностью, сжато и неопровержимо.

Хотелось еще сказать Пестелю, что мечты мечтами, а жизнь жизнью, что жар любви к родине остывает, что из-за рубежа поступают грустные вести не только из королевства двух Сицилий, но также из Сардинии и даже из Гишпании. А что видим здесь? Ослабело и движение гетеристов, потому что во главе его стали фанариоты и оттолкнули от себя простой народ. Так что и на глазах повторяется то, что молва приносит издалека. И Пушкин, ничего не отвечая Пестелю на его страстные тирады о свободе, заговорил по-французски о греках:

— Ну, кто бы мог подумать, что отряды Ипсиланти — это толпа трусливой сволочи, которая даже не могла выдержать первого огня дрянных турецких стрелков? Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева, со многими из них мы лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество. Они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца. Никакого представления о чести, ни малейшего понятия о военном деле, никакого энтузиазма. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно потому я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу.

Пушкин хотел еще сказать, что не только греки, что все народы хотят тишины и покоя, что для них честь и свобода — пустые слова, но как сказать это человеку, фанатически убежденному в противном?

Лучше промолчать! Однако эти замалчивания разногласий давали себя знать и порою создавали отчуждение между ними. Пестель все больше углублялся в тайны конспиративного общества и, естественно, скрывал это от непосвященного собеседника, а Пушкину казалось, что и среди русских вольнодумцев наступило охлаждение. Всё как будто подтверждало правильность его политических размышлений. И всё же, расходясь во взглядах, Пестель и Пушкин высоко ценили друг друга.

«Каким надо быть гигантом духа, чтобы в полудикой Бессарабии не опуститься, не измельчать, а напротив так глубоко постигать вопросы и явления истории, политики и философии, чтобы выражать тончайшие проявления человеческой души в несравненных стихах», — думал Пестель о Пушкине.

В свою очередь Пушкин, слушая Пестеля, невольно удивлялся высоте его мыслей и чистоте намерений.

«И это сын человека, о котором Вяземский говорил: «Сам правил, сам и грабил». От кого же он набрался такого жертвенного духа, что готов жизнь положить за счастье русского народа? А сам человек не русский. Вот поди же ты, разберись в тайниках души человеческой! Иные называют его честолюбцем, говорят, что он метит в Наполеоны. Но разве можно поверить, что в России его ожидают высшие почести и власть? Скорее, тюрьма и плаха!»

Однажды Пестель предложил Пушкину вступить в масоны. Пушкин рассмеялся и объяснил удивленному подполковнику, что никак не может забыть шутки, которую сыграли в «Арзамасе» над его дядей, поэтом Василием Львовичем. Принимая в члены невинного литературного общества, Жуковский, князь Вяземский, Батюшков и другие шутники спародировали весь ритуал масонских лож. Было это в доме у Сергея Семеновича Уварова. Дядю нарядили в хитон с раковинами, надели на голову шляпу с широкими полями и дали в руки посох пилигрима, символ странствия в мире без цели. В этом наряде с завязанными глазами свели его по задней крутой лестнице в нижний

этаж, где остальные члены ожидали его с руками полными хлопушек, которые бросали ему под ноги. Церемония эта продолжалась более часу. Долго после этого арзамасцы не могли без смеха смотреть ни на него, ни друг на друга, как римские авгуры.

— Неужели вы и меня хотите подвергнуть такому же осмеянию? — спросил Пушкин.

— Вам, я надеюсь, будет сделано изъятие, если я поручусь за вас! — сказал Пестель. — Во всяком случае попытаюсь поговорить с генералом Пушиным, который состоит главным мастером ложи «Овидий».

— Название привлекательное, особенно для меня, которого Раевский зовёт «Овидиевым племянником». Однако, если и примут меня без соблюдения общего ритуала, все же не вижу причины мне быть масоном. Я — не мистик и всегда разделял мнение Дельвига, что чем ближе к небу, тем холоднее. Что буду я делать среди масонов? Чем займут мое воображение обряды, давно всем известные, и тайны, над которыми уже шутят смиренные арзамасцы?

— Пойдите из любопытства. Вы увидите, что ложа «Овидий» состоит из разнообразного и любопытного сброда. Само собою, там вы найдете и некоторых знакомых, но их роль будет для вас неприлична.

Пушкин сказал примирительно:

— Любопытство простиительно писателю. Авось, придется когда-нибудь описывать русского масона, у меня будет уже нужный опыт. Чтобы описать, надо знать, а чтобы знать, надо испытать. Но вот что вы мне скажете, Павел Иванович, как совместить это с моралью или с боязнью греха, а то и с обетом самоотречения?

Пушкин коснулся темы, которая давно его томила. Он ждал от своего собеседника какого-нибудь оригинального суждения. Но Пестель отнесся легко к тому, что могло быть важным только для писателя или ученого.

— Я не хотел бы ни на минуту быть предателем или палачом, лишь для того, чтобы познать душу этих презреннейших гуществ! — сказал он, улыбнувшись.

— А может ли быть художником монах?

— Монах, если только он монах истинный, то есть отшельник и анахорет, может быть художником весьма ограниченным. Разве он стал иноком, уже накопивши жизненный опыт и сохранив память о былых деяниях и событиях. Следственно, кто схимился, но не смирился. Жизнь отошла, но не забыта, и душа к ней неравнодушна. Борьба его не окончена, и отшельничество стало последней станцией на его жизненном тракте. Но оружие он взял в руки другое: крест и гусиное перо.

— Вы имеете в виду летописца?

— Да, и летописца. Спокойный и бесстрастный по внешнему виду отшельник зачастую оживляет прошлое вымыслом и передает векам и потомкам свой гнев и свое мщение, сильнейшую страсть человеческой души.

Подумав, Пестель добавил:

— Великий поэт должен быть и великим человеком. И мщение его должно разить не за мелкие обиды личности, но за преступления против народа.

Пушкин ответил не сразу. Он боялся быть непонятым. Как бы то ни было, но Пестель говорил о предмете ему постороннем, а Пушкин о самом себе.

— Великий человек — это не тот, который не способен на мелкие чувства: злобу, ревность и зависть, а тот, что при случае и сотворит мерзость, но знает ей цену и потом изображает свои пороки, не щадя себя. Или, бывает, он принуждается говорить злое ради великих целей. Поэт, изменчивый в жизни, может быть велик в своих писаниях, потому что там он всегда порядочен и правдив. Между тем в суетных заботах света он зачастую и празднословит и лукавит. Нет, не тот велик, кто стоит на мраморном постаменте и одет в бронзовый покров, а тот, кто в самой гуще жизни способен постичь не только взлеты духа, но и его паденье до самой бездны. Поэт должен не только беспрепятственно взглянуть в нее, но и бесстрашно описать. А в самом постижении гибели он должен найти прелесть и неизъяснимое наслаждение. Правда, истина жизни — вот стихия художника, и с этого пути его не может совлечь ни желание

славы, ни страх, ни жажда мести. Но это удел истинного поэта, чьи звуки будут жить в веках вместе с Гомером, Данте и Шекспиром.

Пушкин стал масоном. К своему удивлению, он увидел на первом же собрании, которое посетил, майора Раевского и Николая Степановича Алексеева. Остальные члены были ему мало знакомы. Кроме двух русских генералов, Пушкина и Тучкова, начальника ложи и казначея, Пушкин различил двух французских офицеров, французского адвоката, еврея-аптекаря, двух докторов, испанца и немца, двух сербов из местных купцов да еще несколько человек неведомых наций и неопределенных занятий. По привычке иметь наготове стихи про всякий случай, Пушкин с легкой улыбкой произнес:

«Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний».

Эти стихи он недавно сочинил о разбойничьей шайке, но как кстати пришлись они к членам кишиневской ложи! Хотя Пушкин и не собирался принимать участие в масонских ритуалах, все же ему выдали белый кожаный передник — зупон и длинные белые перчатки для будущей невесты. Поэт узнал, что собрания бывают приемные, праздничные, фамильные или хозяйственные и печальные.

После одного из печальных собраний, на котором много говорилось о нравственном самоусовершенствовании, Пушкин вернулся домой в угнетенном состоянии. Быть может, и не стоило принимать близко к сердцу лицемерные воздыхания кишиневских масонов о том, что современное общество погрязло в грехах и распутстве, что корысть господствует там, где должно ожидать благочестия и любви к ближнему, что о ближнем думают только тогда, когда с этого ближнего можно сорвать что-нибудь. Не им учить общество, этим разношерстным проходимцам, которые образовали ложу «Овидий»! Человеческие слабости давно всем известны! Перечислять их не стоит труда. И какое дело поэту до них!

Полиция и духовенство лучше разберутся в пороках и даже кое в чем помо-

гут добродетели. Все так, но в Пушкине давно уже зрела потребность задуматься над своей жизнью, отдать себе отчет в прошлых поступках, прочесть свиток с летописью последних дней, оправдать их или осудить.

Он улегся в постель, но заснуть не мог. Нарастала тревога и недовольство собой. Сердце стучало неровно и тяжело. Пушкин прислушался к ритму ударов:

«То — так
То — пятак,
То — денежка!»

Томила бессонница! Воспоминание с неумолимой ясностью воспроизводило всю жизнь последних лет с неизбежной суетой, ошибками, неловкостями. Жаль было молодых дней за то, что они утрачены, горько сознавать, что они прожиты бесполезно, безрадостно и порою недостойно. Ну для чего, к примеру, он так долго гостил у каменных богачей? Разве он сумеет когда-нибудь отблагодарить их за гостеприимство своей хлеб-солью? А без этого как сохранить достоинство и независимость? Ведь он не только проявил неблагодарность, но соблазнил жену хозяина, не пожалел его чести, да еще насмеялся над обоими в злых и острых стихах! А разве к доброму старику Инзову, к Инзушке, он не проявил такой же неблагодарности? А ведь старик давал ему свободу большую, чем позволил бы Петербург, защищал его от упреков свыше и от нападков молдавских бояр. А разве, когда он играл в карты на мелок или брал деньги взаймы у богатых приятелей, разве тогда он не чувствовал, что такие займы или чрезмерные ставки унижают его достоинство? Много еще уколов беспощадной совести вытерпела его мятущаяся душа! Няня сказала бы, что следовало отогнать сумасшедшего беса заклинаниями: «аминь, аминь, рассыпья!» Но Пушкин со своими бесами боролся иначе — отгонял их не крестом, а пером. Только на этот раз он стал писать не стихи, а письмо к брату. Его заботила судьба молодого человека, дворянина без состояния и без большого таланта. Как-то сложится его характер и образуется жизнь? Не дай ему бог повторить ошибки старшего брата, бесплодно

прожигать молодость, ссориться с царями и писать политические стихи!

Пушкина потянуло к откровенности, но самолюбие удерживало. Нелегко рассказать всю правду о своей жизни, хотя бы и с целью назидательной.

Марат, чтобы предостеречь младшего брата от общения с развратными женщинами, повел его в госпиталь, где лежали больные поклонники Киприды. Зрелище было столь ужасно, что жестокий воспитатель преуспел в своих целях. Марат был врачом, а брат его под именем господина де Будри устроился преподавателем французского языка в Царскосельском лицее и охотно рассказывал воспитанникам о своем брате, знаменитом деятеле французской революции.

Однако брату Льву не покажешь того госпиталя, где лечатся пострадавшие от связей дружеских, светских, деловых и им подобных. Кто и заболел в свете, при дворе или на службе, тот тщательно скрывает свой недуг от любопытного взора и уж во всяком случае не откроет его причины.

И невольно Пушкин перешел от исповеди к прямому назиданию, хотя и сознавал малую пользу таких нравоучений.

«Ты в том возрасте, — писал Пушкин брату по-французски, — когда следует подумать о выборе карьеры. Я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой».

Далее шли правила в повелительной форме:

«Будь холоден со всеми!.. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение!.. Никогда не принимай одолжений! Одолжение, чаще всего, предательство. Избегай покровительства! Я хотел бы предостеречь тебя от обольстительной дружбы!»

Можно ли было в таком нравственно назидательном письме не коснуться женщин?

«То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII века».

Дальше снова пошли нравоучения:

«Не забывай никогда умышленной обиды! Не делай долгов! И прочее. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценою горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к этому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастье твоей жизни».

Закончив письмо, Пушкин вздохнул и про себя прибавил: «Впрочем, это между нами и потомством будь сказано!»

Разбитые под Секу и Скулянами, повстанцы из отряда Александра Ипсиланги перебирались через Прут и Дунай в Россию, надеясь получить там политическое убежище. Одни вели себя очень осторожно и скорее просили подаяния, чем позволили бы себе кражи или грабежи. Другие же составляли мелкие шайки и разбойничали в окрестностях городов и деревень.

Русской полиции было трудно различить разбойников от мирных пришельцев. Ясский паша, узнав, что главари мятежников: Иордаки Олимбиоти, Георгий Кирджалия и Калакотрони находятся на русской земле, потребовал их выдачи. Обнаружить местопребывание этих людей не представляло никаких трудностей, потому что они не скрывались. Их можно было видеть в кофейнях с длинными чубуками во рту. На них были узорные куртки, красные востроносые туфли и хохлатые скуфейки, надетые набекрень. Ятаганы и пистолеты торчали из широких поясов. Никто на них не жаловался. Нелзя было и подумать, что эти мирные бедняки были известнейшие клефты Молдавии, товарищи грозного Кирджалия и что он сам находился среди них.

Получив соответствующее предписание из Петербурга, кишиневский губернатор князь Катакази распорядился схватить Георгия Кирджалия. Его нашли за ужином у какого-то беглого монаха в обществе семи товарищей. Когда ему предъявили распоряжение губернатора о задер-

жании и выдаче туркам, Кирджалия спокойно сказал:

— Для турков, для молдаван, для валахов я, конечно, разбойник. Но для русских я гость. С тех пор, как я перешел Прут, я не тронул ни волоса чужого добра, не обидел и последнего цыгана. Бог видит, что я, Кирджалия, питался подавляниями! За что же русские выдают меня моим врагам? — После этого он замолчал и спокойно стал дожидаться разрешения своей участи.

Кирджалия — это была фамилия знаменитого разбойника. Но на турецком языке «кирджали» значит удалец, храбрец, богатырь. Поэтому русская полиция считала, что Георгий Кирджалия скрывает свое подлинное имя, а носит удачное прозвище.

Схваченные повстанцы содержались в кишиневском остроге, ожидая высылки за Прут. Тюрьма была каменная с решетчатыми окнами и круглыми башнями по углам, оставшаяся еще от турок.

Пестель намеревался навестить повстанцев в остроге, чтобы побеседовать, рассчитывая, что они будут полезны ему разными сведениями и связями. Эти люди хорошо знали Молдавию и Валахию, возможный театр военных действий, леса, болота и тайные тропинки, броды через речки и поселения славян. Недаром они прошли пешком всю страну от Черного моря до Дуная. Знали они также количество турецких воинских частей и их расположение. И не было им никакой причины беречь военные тайны своих врагов.

На посещение острога надо было просить разрешение Инзова, а уж если идти к генералу, то нельзя не проведать Пушкина. У поэта были гости: генерал Пущин и Алексеев. Пришли они не по масонским делам, а чтобы поздравить Пушкина с днем рождения. Когда же они узнали о цели визита Пестеля к Инзову, то решили идти в острог все вместе. Инзов одобрил и поддержал это решение.

— И то! Идите всей честной компанией! Я чаю, у господина полковника Пестеля не будет секретных переговоров с разбойниками и возмутителями против законного правительства, хотя бы и неверного.

— Вы правы, генерал, — поспешил согласиться Пестель. — Пойдем все четверо, авось каждый внесет свою лепту в общее дело!

По дороге встретили Лекса. Он также направлялся к острогу.

— Мы сегодня выпроваживаем из тюрьмы за молдаванскую границу Кирджалию!

— А кто такой этот Кирджалия?

— О, этот человек, о котором можно много порассказать! Родом он из болгар, но принимал самое горячее участие в борьбе греков с турками. В Молдавии и Валахии его знают по разбойкам, которые он производил со своим товарищем Михайлаки. Другие же считают его героем. Во всяком случае, Александр Сергеевич, вам будет интересно познакомиться поближе и с самим Кирджалия и с его историей.

Подошли к острогу. Выцветшее от времени, побуревшее каменное здание, окруженное высокой стеной, резко отличалось от других казенных построек Кишинева. У ворот стояла полосатая будка. Часовой посмотрел пропуск и позвал смотрителя, постучав кулаком в дверь. В двери открылось маленькое окошечко и через него просунулась голова в зачаленной фуражке с грязным шарфом на шее и с железными очками на красном носу. Багровый нос с очками долго двигался справа налево по строчкам пропуска, и наконец смотритель произнес:

— В помещение тюрьмы я вас пропустить не могу. В этой бумажке сказано, что вы можете видеть арестантов и беседовать с ними, но не сказано, что вы можете входить в камеры или другие помещения тюрьмы.

Пушкин смущенно посмотрел на Лекса. Тот улыбнулся и сделал многозначительный жест. Пушкин понял, вынул ассигнацию и без всяких церемоний подал в окошко. Чиновник, не говоря ни слова, взял ассигнацию и приказал открыть ворота. Того, что стало доступно взору поэта, он уже не мог забыть никогда. На этом дворе людям рубили головы, сажали на кол, вешали и расстреливали. Казалось, то тут, то там еще оставались следы запекшейся крови.

Пушкина и Пестеля по их просьбе впустили внутрь тюрьмы, а Пущин и Алексеев остались во дворе беседовать с Лексом и старым смотрителем. В первой камере содержались три грека: Иордаки Олимбиоти, Калакотрони и Сафианос. С ними был и болгар Кирджалия. За последним уже прислали карупу, и он готовился к отъезду. Двигался он медленно, гремя при каждом движении кандалами.

Калакотрони и Олимбиоти на плохом французском языке рассказывали Пестелю о сражении под Секу. Там на убой погнали цвет греческого юношества. Они отступили перед неприятелем, который численностью превосходил их в шесть раз, и заперлись в монастыре. Когда же их предали, они сами взорвали пороховые бочки и все погибли. Между тем Александр Ипсиланти, убежавший на полуостров Морею, осыпал их в письмах градом упреков, называя трусами и ослушниками. Все знают, что эти трусы и отступники дрались и погибли как герои!

Пушкин уже не в первый раз слышал справедливые жалобы гетористов на их неудачливого предводителя, князя Ипсиланти. Он оставил Пестеля наедине с повстанцами, а сам пошел в следующую камеру. Там на нарах увидел он Урсула, а в углу на соломе лежали два его товарища: Богатченко и Славич, восемнадцатилетний мальчик, усыновленный Урсулом. Все трое были беглые украинцы. Пушкин легко разговорился с Урсулом. Тот сказал, что кроме прозвища, данного ему валахами, он имеет другое, настоящее имя, но объявлять его не видит нужды. После некоторого молчания он добавил:

— Буйная молодость завела меня не туда, куда следовало! Как быть! Знаю, что я был бы отличный воин!

Пушкин вернулся домой в душевном смятении. Так кто же преступник и кто герой? Калакотрони, Сафианос, Кантогни и Кирджалия совершили ряд воинских подвигов, которыми гордились бы в любой армии и в любой стране, между тем они содержатся в страшном каменном мешке. А тот сброд, что фиглярничает во время масонских обрядов, все эти аптекари, доктора, адвокаты и естествоиспытатели, как они именуют себя, неужто

они стоят выше этих ошельмованных разбойников? Только тем, что грабят втихомолку, потому что на открытый грабеж у них смелости не хватает?

Пушкин стал часто ходить в острог и разговаривать с арестованными об их удалстве. Те охотно занимали поэта рассказами о различных похождениях. Однажды с Пушкиным пошел в острог Вигель, член Бессарабского Верховного Совета.

Войдя в камеру, где лежали на соломе Богатченко и Славич, Вигель не решился подойти к ним близко и, стоя у двери, рассматривал их в лорнет. Богатченко отвечал ему насмешливым взглядом и, наконец, сказал:

— Что, барин, ты, кажется, не стар, а совсем ослеп! Не так бы ты на меня посмотрел, если бы встретился мне в лесу!

— И много ты в лесу людей ограбил и убил?

— Спроси кого хочешь, рука моя никогда не обогрелась чужой кровью. То же самое тебе скажу об Урсуле. А брат, брал. Ты-то скажешь, что я грабил. Так что ж? Бедного мужика я не трогал. А господина купца или помещика почему не ограбить? Сам-то он откуда берет, как не от того, что грабит своих крестьян да еще без труда и опасности? А мы с Урсулом за то же самое своей головой заплатить должны. Вот тебе и дворянский закон! Уж наш лесной лучше!

Богатченко метался по всей камере, придерживая рукой цепи. Вигель смотрел на него со страхом и отвращением.

— Ты ответишь спиной и задом! Поделом вору и мука! — сказал ему Вигель и поспешил выйти — таким взглядом ответил ему Богатченко.

Суд над Урсулом и его товарищами продолжался все лето. Улик против них было мало, потому что не находилось охотников опознавать грабителей. Однажды вечером Богатченко сказал Пушкину:

— Клетка надломлена, настанет ночь, а мы ночные птицы и вольные.

Пушкин ждал и не ложился. Уж давно минула полночь, а все вокруг было тихо. Вдруг послышалась барабанная дробь и застучала все сильнее и сильнее.

В остроге пробили тревогу. Пушкин побежал к тюрьме. Треск барабана не утихал. У тюремных ворот он увидел, что барабанщик, мальчик лет шестнадцати, бьет в барабан. Мимо пробежали люди с ружьями наперевес и с саблями наголо, освещая себе путь факелами. При неверном свете факела Пушкин рассмотрел лицо барабанщика. Оно было страшно. По щеке лилась кровь, а глаз, вырванный из орбиты, висел на ниточке. Но мальчик не чувствуя боли и не замечая своего увечья, продолжал иступленно бить тревогу, судорожно сжимая в руках палочку. Это один из беглецов ударил его ножом.

Как узнал Пушкин, многих переловили, но Богатченко скрылся без следа. Пушкин вернулся домой под утро, и в постели перед ним стоял все тот же мучительный и неразрешенный вопрос: кто же герой? О ком писать поэму? То виделся ему маленький неистовый барабанщик, который не ведал, что творил, и стал причиной страданий и гибели людей, виновных в том, что они хотели жить как все, но не могли сделать этого. То вспоминалась статная фигура Урсула, его спокойные, не лишённые благородства черты, то приходил на память легендарный Кирджали...

В тот же день Пушкин набросал отрывок, которому дал название «Чиновник и поэт».

«Куда вы? За город, конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно и беспечно?»

Нет, я собираюсь на базар.
Люблю базарное волнение,
Скуфы жидов, усы болгар,
И спор, и крик, и торга жар,

Нарядов пестрое стеснение,
Люблю толпу, лохмотья, шум
И жадной черни лай свободный...

Так — наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья,
Но службы долг зовет меня,
Простите, нам не до гулянья.

— Куда ж? —

— В острог. Сегодня мы
Выпускаем из тюрьмы
За молдавскую границу
Кирджали».

Продолжать он не мог. Не воспевать же разбой Кирджали с Михайлаки, которые они производили в валашских деревнях. А подвиги его в неравных схватках с турками были неодинокими. Кантагони и Сафианос, Иордаки и Пенда-Дека тоже совершали дела, достойные Илиады. Надо бы сведать поточнее о сражении под Скулянами и воспеть всех его участников. О Кирджали же писать рано еще и потому, что надо еще узнать, как сложится его судьба после выдачи ясскому паше.

Генерал Киселев уехал в Тульчин и увез с собой Пестеля. В одиноких прогулках Пушкин продолжал свои размышления о герое. Вдруг пришла весть о смерти Наполеона. Предмет, достойный его пера, явился как нельзя более кстати. Не теряя ни минуты, Пушкин принялся за работу. В первое же утро он набросал план оды на смерть Наполеона. Он писал и чувствовал небывалую ответственность. В его лице русский историк оценивал бывшего врага. И он начал оду строками, которые прозвучали, как реквием:

«Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек!»

* * *

Н. КУЗНЕЦОВ

СОСНЫ

Бор красую не беден,
Весь в росинках смолы,
Оркестровою медью
Полыхают стволы.
Лес, задумчивый, древний,
Весь зарей освещен.

Величавей деревьев
Не видал я еще.
Поднялись за столетье
В поднебесную высь
Их могучие ветви,
Как в пожатые сплелись.

Время и КНИГИ

В Москве, недалеко от здания Большого академического театра, на высоком постаменте стоит бронзовое изваяние человека в старинной одежде, держащего в полусогнутой правой руке бумажный лист. Это великий «друкар» книг, пред тем невиданных» Иван Федоров. Имя его увековечено на страницах первой точно датированной русской книги «Апостол», вышедшей из печати четыреста лет назад — в марте 1564 года. Начало книгопечатания в Москве явилось важным этапом в истории русской культуры. Вот почему в 1964 году совет-

ские люди будут торжественно отмечать эту знаменательную дату.

Печатный станок и наборные материалы, сделанные Иваном Федоровым, послужили основой для создания в Москве большой типографии Печатного двора. Здание ее сохранилось до наших дней. Со временем книги стали выходить не только в столице Российского государства, но и во многих губернских городах.

А знаете ли вы, когда открылась первая типография в Вологде и как развивалось книгопечатание у нас на Севере?

НАЧАЛО типографского дела в Вологде относится к первой половине XIX века. В 1830 году Вологодское губернское правление для обслуживания казенных учреждений города и губернии открыло первую на Севере типографию. В ней были установлены два печатных ручных станка системы «Кениг-Бауэр» и 45 наборных касс. Вначале здесь работало 6 наборщиков, 2 печатника и 2 батырщика. Впоследствии полиграфическое производство из года в год расширялось.

* * *

ПЕРВЫЙ номер печатной газеты в Вологде вышел в 1838 году. Это были «Вологодские губернские ведомости». Издание их пред-

принято местным поэтом В. И. Соколовским. «Ведомости» являлись официальным органом губернского правления, выпускались под присмотром губернатора и были рассчитаны главным образом на именитых дворян, помещиков и должностных лиц. В официальной части «Ведомостей» печатались распоряжения центральных и губернских правительственных органов, отчеты казенных учреждений, сообщения о передвижении чиновников по службе и о их наградах, объявления о продаже тех или иных товаров.

В неофициальной части «Ведомостей» публиковались статьи, заметки и справки по различным отраслям знаний. Большинство из этих материалов посвящалось истории местного края. Ценные работы

по краеведению дали Ф. Н. Фортунатов, П. И. Саввантов, Н. И. Суворов, А. Е. Мерцалов, Н. А. Иващенко, И. К. Степановский, Н. Ф. Бунаков. «Вологодские губернские ведомости» прекратили свое существование перед революцией — в 1917 году. Вместо них стали выходить «Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов».

* * *

НАЧАЛО книгопечатания в Вологде относится к середине прошлого столетия. Однако первые печатные издания о Вологодской губернии появились в Москве и Петербурге значительно раньше. В 1780 году в Москве вышла в свет книга А. А. Засецкого «Ис-

торическое и топографическое известия по древности о России и частно о городе Вологде и его уезде и продолжении оною», не утратившая своего значения до наших дней. Вологодскому краю посвящены работы А. Мельгунова «Современное описание Вологодского наместничества», СПб, 1780, Ф. Студицкого «Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний», СПб, 1841, И. Пушкарева «Описание Вологодской губернии» (т. I, кн. IV), СПб, 1846.

ПЕРВАЯ книга, отпечатанная типографским способом в Вологде, вышла в свет в 1850 году. Это была «Справочная книга по Вологодской губернии». В ней содержался список чиновников — от представителей царской фамилии до полицейских приставов. Подобные книги, рассчитанные главным образом на обслуживание учреждений царской бюрократической машины, печатались и в последующие годы. В них публиковались разного рода справки о губернских ведомствах, объявления торговых фирм и компаний, некоторые статистические сведения.

В 60-80-х ГОДАХ прошлого столетия в Вологде, как и во многих других городах России, в связи с оживлением общественной жи-

ни спрос на печатные издания возрастает. Типография губернского земства уже не в состоянии была справляться с многочисленными заказами. Видя в типографско-издательской деятельности дополнительный источник дохода, отдельные предприниматели-коммерсанты открывают частные типографии. Так, в 1853 году мелкий помещик С. А. Зубов привез из Петербурга печатный станок и наборные кассы. Вместе с полиграфическим оборудованием прибыли один печатник и два наборщика. К приведенным мастерам Зубов приставил крепостных и стал обучать их полиграфическому мастерству. В типографии печатались конторские книги, бланки и рекламы.

ПОСЛЕ крестьянской реформы, когда была объявлена «воля», рабочие типографии, не выдержав тяжелых условий труда, стали покидать своего хозяина. В 1863 году Зубов вынужден был закрыть свое заведение. Все оборудование типографии и шрифты были проданы вологодскому купцу В. А. Гудкову-Белякову. Человек энергичный и предприимчивый, он стал расширять производство. В 1872 году Гудков-Беляков купил с аукциона типографию известного художника-академика Г. И. Тюринина и выписал новую скоропечатную машину. Объем работы значительно возрос. Вскоре типография зарекомендова-

ла себя не только в Вологде, но и в соседних губерниях. Развивая свое «дело», В. А. Гудков-Беляков открывает в типографии переплетное производство и организует издание книг. Это было знаменательным событием в культурной жизни небольшого губернского города.

ТИПОГРАФИЯ, основанная В. А. Гудковым-Беляковым, просуществовала свыше пятидесяти лет. Здесь печатались «Вологодский листок объявлений» (1892—1893 гг.), «Вологодский иллюстрированный календарь» (1893—1894 гг.), журналы «Епархиальные ведомости», «Вологжанин» (1895 г.), «Хозяин-северянин» (1907 г.), газеты «Вологодская жизнь» (1908—1909 гг.), «Известия Вологодского общества сельского хозяйства» (1910 г.), календари-справочники, Труды губернской управы и многие книги отдельных авторов.

В 1893 ГОДУ в Вологде в типографии И. И. Соколова открывается первая в Вологодской губернии литография. Полиграфисты получили возможность печатать многокрасочные издания. Однако из-за недостатка опытных мастеров эти возможности почти не использовались. До нас дошло лишь несколько иллюстрированных обложек («Вологда и ее окрестности») и красочных открыток. В литографии печатались преимущественно обертки на карамель и этикетки.

ДО РЕВОЛЮЦИИ в Вологде существовало еще несколько частных типографий — А. А. Галкина, П. А. Цветова и Н. В. Знаменского, А. М. Бочева и др. Отличительной особенностью этих типографий являлось то, что все они были мелкими предприятиями полкустарного характера. В них печатались преимущественно конторские книги, бланки, ведомости и т. д. Однако вологодские издатели-полиграфисты выпустили ряд полезных книг, не утративших своего значения до наших дней. Среди них в первую очередь следует назвать такие издания, как «Вологодская старина» И. К. Степановского, «Город Вологда и окрестности» Х. И. Пахолькова, «Вологда прежде и теперь» С. А. Непенна.

В этом доме по ул. Герцена, 28, в 1904—1905 годах находилась подпольная типография Вологодской группы РСДРП

Обложка «Манифеста Коммунистической партии», изданного в Вологде в 1902 году.

БОГАТОЕ прошлое в нашем крае имеет большевистская печать. Как известно, в годы царизма Вологда являлась местом политической ссылки. Несмотря на постоянную слежку полиции, ссылки социал-демократы распространяли марксистскую литературу, а в 1904 году основали подпольную типографию. В ней печатались листовки, прокламации и воззвания к населению Вологодской губернии.

О большом интересе революционеров к марксизму свидетельствует изданный ими в 1902 году в Вологде гектографическим способом самый полный перевод в России «Манифеста Коммунистической партии». «Манифест» вышел в свет под видом легальной брошюры с подложным обозначением разрешения цензоров и выходных данных, а также вымышленного адреса литографии. Ныне это издание является библиографической редкостью.

В 1908 ГОДУ в Вологде изданы оригинальные почтовые открытки. На одной из сторон этих открыток был помещен портрет Карла Маркса, а к другой при-

клеена небольшая брошюра с краткой его биографией. Помимо основных данных о жизни и деятельности основоположника научного коммунизма, здесь напечатан библиографический справочник его произведений, переведенных на русский язык. В конце биографии сообщается, что «пролетариат всего мира будет отмечать 25-летний юбилей со дня смерти величайшего борца за социализм...»

Такая же почтовая открытка была выпущена с портретом и биографией Фридриха Энгельса. Издателем этих уникальных печатных изданий являлся живший в Вологде под надзором полиции В. О. Жеглинский.

ПО ИНИЦИАТИВЕ прогрессивно настроенных краеведов и ученых, в 1909 году было создано Вологодское общество изучения Северного края. Впоследствии оно широко развернуло свою деятельность. Знаменательным фактом в этой деятельности является издание «Известий» общества. Начиная с 1914 по 1917 годы вышло в свет четыре выпуска объемом по 5—8 печатных листов. Статьи и корреспонденции, опубликованные в них, представляют большой научный и практический интерес. В тот же период вышли в свет такие книги, как «Маслоделие — богатство Севера» И. К. Степановского, «Определитель растений лесной полосы северо-востока Европейской России» А. Сняtkова, Г. Шириева, И. Перфильева, «Старинные красноборские печи» И. Евдокимова. Однако тиражи их были слишком мизерными — по 500—1000 экземпляров. В условиях эксплуататорского общества книга не стала и не могла стать подлинно народным достоянием.

КРУПНЫЕ перемены в книгоиздательском деле в Вологодской области произошли вскоре после победы Великого Октября. 18 февраля 1922 года на базе мелких национализированных типографий было открыто Вологодское отделение государственного издательства. Несмотря на огромные трудности, недостаток бумаги и слабую полиграфическую базу, оно широко развернуло свою деятельность. Об этом говорит хотя бы тот факт,

что в течение года вышло в свет более двадцати названий книг, брошюр и журналов общим объемом 226 печатных листов, тиражом 72 521 экз. Вот некоторые из изданий того времени: «Вологжане-краеведы» Александра и Алексея Веселовских, «Памятники художественной культуры на Севере» И. Евдокимова, «Старая Вологда» — художественный альбом Н. Дмитриевского и И. Варакина, «Деловой справочник Вологодской губернии» и др. Они не утратили своего познавательного значения и в наши дни.

ПОСЛЕ окончания гражданской войны и интервенции на Севере в Вологде издаются многочисленные партийные, комсомольские и литературно-художественные журналы. Среди этих журналов большой популярностью читателей пользовались: «Северная звезда» (орган Вологодского губкома РКП(б)), «Красные всходы» (орган губкома РКСМ), «Северный край» и «Север», издававшиеся Вологодским обществом изучения Северного края, «Кооперация Севера» (орган Северосоюза), «Жизнь города» (орган Вологодского горисполкома). В них публиковались материалы по вопросам партийного и советского строительства, о развитии промышленности, транспорта и сельского хозяйства, о деятельности культурно-просветительных учреждений и органов народного образования. Большое внимание во многих номерах уделялось освещению историко-революционных событий в Вологодской губернии.

В ПЕРВЫЕ же годы советской власти в Вологде стало развиваться литературное движение. К творчеству потянулись самые широкие массы. В 1921 году выходит из печати монография Ивана Евдокимова «Север в истории русского искусства». Богатая по содержанию и прекрасно изданная, эта книга является ценным вкладом в литературу о нашем крае. На страницах газет и журналов печатают свои произведения молодые поэты А. Субботин, А. Германов и А. Пестюхин, критик М. Серебрянский, прозаик К. Кочнев. В 1925 году вологодские литераторы издадут литературно-художественные альманахи «Зарницы» и «Се-

Издано
в Вологде

Михаил Иванович
КАЛИНИН
в Вологде

БИБЛИОТЕКА
СВЕКЛОВОДА

Новые
ВСТРЕЧИ

Начальное
ПУТЕШЕСТВИЕ

верный альманах». Одна за другой выходят отдельными изданиями книги писателей-вологжан. Среди них — сборник стихов Бориса Непенина «Брызги», Анатолия Пестюхина (Ольхона) «Тундра», Сергея Панкратова «Звездные берега». В 1922—1927 годах в Вологде в объединенной типографии «Северный печатник» печаталось большое количество научных и научно-популярных брошюр на различные темы («Методика краеведческих исследований» Н. В. Ильинского, «Кормодобывание» Л. И. Молякова, «Главнейшие вредители и болезни сельскохозяйственных и лесных растений» А. П. Белизина, «Книжные знаки Н. П. Дмитревского» М. Я. Лермана и др.).

В 1929 ГОДУ Вологодская губерния вошла в состав Северного края. В связи с этим центр литературно-издательской жизни переместился в Архангельск, но Вологда по-прежнему оставалась крупной полиграфической базой. Северное краевое издательство печатало здесь многие свои издания («Путеводитель по Северному краю», «На Северной Двине» — литературно-художественный сборник, «Флора Северного края» И. А. Перфильева и др.). В Вологде издавали свои Труды и Ученые записки Академии наук СССР, институты и научно-исследовательские учреждения Северного края.

ПЕРЕД Великой Отечественной войной, когда вновь была образована Вологодская область, в Вологде печатались отдельные издания отдела пропаганды и агитации обкома партии, «Блокнот агитатора», брошюры по вопросам сельского хозяйства и промышленности. В 1939 году вышла в свет небольшая по объему, но богатая по содержанию книжка «Народное образование в Вологодской области за годы первых пятилеток».

КОГДА немецко-фашистские захватчики вероломно напали на нашу Родину, вологодские полиграфисты выполняли важное государственное задание. В Вологде продолжительное время печатались с матриц газеты «Правда», «Изве-

стия», «Красная звезда». Ротационные и плоскочечатные машины крутились бесперебойно круглые сутки.

В суровые годы войны писатели-вологжане А. Яшин, К. Коничев, Н. Тошаков, А. Тарасов находились на фронте, но литературная жизнь в области не прекращалась. В 1941 и 1942 годах редакция газеты «Красный Север» выпускает два сборника молодых вологодских поэтов — «В бой за Родину» и «Вперед, товарищи!» Опубликованные в них стихи проникнуты чувством безграничной любви к нашей социалистической отчизне и испепеляющей ненавистью к врагу.

В 1945 году выходит в свет литературно-художественный сборник «Вологжане в боях за Родину». Написанный по горячим следам военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, этот сборник является гордостью и памятью народа. В нем опубликованы яркие очерки, рассказы и стихи о наших героях-земляках.

БОЛЬШОЕ оживление в литературной жизни и книгоиздательском деле в Вологодской области связано с послевоенными годами. В начале 1948 года в Вологде открывается областная книжная редакция. Перед вологодскими литераторами, научными работниками и краеведами открылись широкие возможности для издания своих произведений. Только в 1948 году, первом году существования книжной редакции, было издано 48 книг и брошюр общим тиражом 300 тысяч экземпляров. Среди них — повесть Н. Тошакова «Чарома», поэма С. Орлова «Светлана», повесть С. Морозова «Первое счастье», научно-популярная брошюра В. С. Третьякова «Как работать с книгой» и другие. В последующие годы выпуск литературы возрос почти в три раза. Так, в 1957 году вышло в свет уже 129 книг, общим тиражом 577 тысяч экземпляров.

В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1957 года в Москве проходила Всесоюзная выставка книги, графики и плаката, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На выставке, в этом огромном книжном море, экспонировалось десять изданий из

Вологды. Среди них «Деревенская повесть» К. Коничева, «Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть» Н. Лебедева, «Рябчик-рябушка» В. Гарновского, «Лесной друг» Ф. Кириккова, «Вологодские кружева» М. Рехачева и другие. По окончании выставки из Министерства культуры СССР в адрес вологодских издателей поступило письмо следующего содержания:

«Выставочный комитет отмечает хорошую работу Вологодской книжной редакции по художественно-техническому оформлению книг различной тематики, экспонировавшихся на выставке».

Таким образом, книги, изданные в Вологде, получили признание на всесоюзном смотре.

В ЯНВАРЕ 1958 года по решению Совета Министров РСФСР на базе областной книжной редакции создано Вологодское книжное издательство. С открытием издательства расширились возможности и улучшились условия для выпуска литературы по всем отраслям знаний. В последние годы в Вологде вышло немало книг и брошюр, получивших высокую оценку в печати и на читательских конференциях. Не представляется возможности не только хотя бы кратко рассказать о них, но даже перечислить их названия. Ведь со времени создания книжной редакции в Вологде вышло в свет свыше полутора тысяч книг и брошюр общим объемом около шести тысяч печатных листов. Тираж их превысил семь миллионов экземпляров.

В ТЕЧЕНИЕ нескольких лет в Вологде издавался литературно-художественный сборник «Северная новь», а затем альманах «Литературная Вологда». Страницы этих изданий предоставлялись прежде всего молодым литераторам. Альманахи сыграли большую роль в сборании и росте литературных сил области. Писатели-вологжане, совершенствуя свое мастерство, создали значительное количество художественных произведений. Среди них — сборники стихов С. Видулова «Хозяева земли», «Полюшко-поле», «Деревьям снят

ся листья», повести Н. Угловского «Наступление продолжается», «Огни в Снежном», «У нас на Севере», сборники стихов А. Романова «Признание друзьям», «Сыновья любовь» и т. д. По книгам, выпущенным в Вологде, семь наших поэтов и прозаиков приняты в члены Союза советских писателей.

В ОЛОГДСКОЕ издательство выпускает не только художественную литературу. Людям нужны книги по промышленности и сельскому хозяйству, культурному строительству и искусству, истории местного края и краеведению. Все эти вопросы находят свое отражение в тематических планах, а затем на страницах книг и брошюр. Особое внимание обращается на выпуск литературы о передовом опыте. В последние годы вышли в свет серии брошюр «Маяки зовут вперед», «Герои наших дней», «На переднем крае семилетки», «От рубежа к рубежу» и т. д. Авторами книг, входящих в эти серии, выступают новаторы производства и передовики сельского хозяйства.

5 МАЯ 1962 года, к 50-летию ленинской газеты «Правда», в картинной галерее открылась первая областная выставка книги и книжной графики. Такой выставке еще никогда не бывало в Вологде. Вологжане увидели на стендах свыше двухсот лучших книг, изданных за последние пять лет, а также многочисленные варианты обложек, рисунков и заставок работы местных художников. Посетителей особенно привлекало только что вышедший в свет сборник «Мы строим коммунизм», богатый по содержанию, прекрасно оформленный и неплохо изданный. В создании этой книги принимало участие свыше ста человек — делегаты XXII съезда КПСС, писатели и журналисты, художники и фотокорреспонденты. Понравились вологжанам многие другие издания. Как отмечалось в областных газетах «Красный Север» и «Вологодский комсомолец», открытие первой областной выставки книги и книжной графики явилось большим событием в культурной жизни нашего города и области.

В. А. Маков.

Издано
в Вологде

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ

Каждый месяц в журналах и газетах печатаются рассказы авторов, недавно вошедших в литературу. Каждый месяц в центральных и областных издательствах выходят сборники рассказов молодых. Рядом с книжками Сергея Антонова, Бориса Бедного и других рассказчиков первого послевоенного поколения сегодня заметно уже и своеобразное творчество Георгия Семенова, Виктора Астафьева, Николая Воронова, Юлиана Семенова, Василия Белова, Майи Ганиной, Эдуарда Шима...

Что несут нового они, наши молодые рассказчики? Чтобы ответить самому себе на заданный вопрос, я прежде всего обратился к произведениям, пожалуй, самого молодого из молодых наших рассказчиков — произведениям вологжанина Василия Белова. Три его коротких рассказа совсем недавно опубликованы в «Нашем современном» (№ 1 за 1962 год).

Вот рассказ «Клавдия». В нем описывается как будто бы лишь одно воскресенье — последний день практики будущего лесовода Димы в далеком лесном колхозе. «С месяц тому назад» Дима забрел к ручью, чтобы попить, и вдруг увидел женщину; «она стояла за кустами нагая и, не замечая Димы, неторопливо обливалась ручьевою водой из алюминиевого ведерка», а потом оделась и ушла, так и не заметив его.

«... Дима выбежал на скошенный луг. Горюшково платье виднелось уже около стога. Она шла с граблями в левой руке, а правой поправляла темные волосы. После этого в деревне Дима еще несколько раз встречал Клавдию, и каждый раз его охватывало жаром, и он с волнением торопился закуривать».

Затем автор возвращается к описанию воскресного дня, рисует

В. ПУДОЖГОРСКИЙ

встречу Димы с Клавдией, когда она угощает его княжицей, передает разговор Димы со своим помощником, пожилым колхозником Федуловичем. От Федуловича Дима узнает, что Клавдия любила Андрея, который после службы в армии остался на Камчатке и звал ее к себе, а Клавдию не отпускали, не давали документов. Тогда она вышла замуж за Леньку Криулина из леспромхоза, получила документы и «махнула» на Камчатку к Андрею. Но Андрей не принял ее. И живет она с того года одна с матерью — «Криулина близко не подпускает и замуж ни за кого не выходит».

Потом — опять сегодняшний день. Снова видит Дима Клавдию, которая «шла по тропинке с ведрами воды на кривом водоносе, одна рука ее, согнута в локте, опиралась на бедро, другой рукой Клавдия поддерживала водонос».

Дима проводил ее новым, совсем новым взглядом и выбрался на проселок.

Вдоль проселка толпились еще не успевшие погибнуть под острой косой густые цветастые травы, и в небе неподвижно клубились пухлые ленивые облака».

Так кончается «Клавдия» — бесхитростный рассказ о том, как практикант Дима увидел в Клавдии не только красивую женщину, но и сильного, гордого человека, сохранившего большое неразменное чувство, верного своей любви, несмотря ни на что. Как дальше устроится судьба героини, автор умалчивает, для него было важно лишь, чтобы Дима взглянул на Клавдию по-новому, чтобы и читатель вместе с Димой увидел жизнь деревни во всей ее сложности.

В другом рассказе «Прежние годы» повествуется о том, как пошел Иван Афанасьевич менять свою корову, оказавшуюся нестельной, за пятнадцать километров в деревню Раменье, где, как выяснилось, «одна старуха сдает стельную корову государству на мясо».

Старухой этой оказывается старая знакомая Ивана Афанасьевича, на которой он когда-то чуть не женился. «но что-то тогда у него не вышло дело. Женился совсем на другой, Анна тоже вышла, как потом оказалось, за нелюбого».

И вот вспоминают старики молодость, рассказывают о своей жизни, о том, как пережили войну, как теряли детей, как Анна осталась одна и корову-то ей «стало не под силу одной соблюдать, много ли сена в загородке накопишь, а косить не дают, только проценты, а какая я теперь кощеница? Вот и вздумала на мясо коровку-то...»

Так, мешая прошлое и настоящее, далекое и близкое, поведали нам старики о своей нелегкой жизни, поведали и разошлись:

«Иван Афанасьевич вывел выменную корову на улицу.

— Ну, прости, Константиновна.

— Прости, Офонасьевич».

Опять, казалось бы, ничего особенного. Однако — как красивы эти простые, обыкновенные, живущие будничными делами люди, столько пережившие и до старости сберегшие светлое воспоминание о первой любви. И в жизни своей они не видят ничего героического и трагедии тоже не делают.

Картина жизни, изображенная молодым писателем, очень реальна, автор не скрывает ее печальных и трагических сторон, и все же эта картина светла. Рассказы В. Белова оставляют в душе га-

кой след, какой остается в природе после короткого июньского дождика — как будто бы ничего не изменилось, но зеленой, и чище, и радостней стали краски, и где-то в глубине земли прибавилось соков жизни.

Очарование таких рассказов — в полноте мироощущения. Молодой писатель любовно рисует каждую мелочь, и рассказ он ведет примерно так же, как идет беседа у героев его «Вечерних разговоров» — «цепляясь за самые маленькие подробности». Он любит себя Клавдией и подробно и любовно описывает, как она шла, как держала водонос. И как Анна Константиновна разливала чай. И как Иван Афанасьевич отгребал снег, чтобы открыть калитку. И как парился в баньке Федулович.

Выбросить из рассказов все эти подробности нельзя, именно они придают произведениям В. Белова внутренний, глубокий оптимизм. Дело в том, вероятно, что и нам в жизни приходится разгребать снег, и разливать чай, и делать и видеть многое, что с любовью рисует нам автор. Поэтому, читая подобные подробности, мы начинаем чувствовать, как хороша жизнь, как хорошо и отгребать снег, и носить воду, и чувствовать запах трав, и любоваться ленивыми облаками в небе.

Рассказы В. Белова лиричны, лиричны потому, что все, что он изображает, очень близко ему, кровное его, родное, любимое. В деревне В. Белов не гость. В этом отношении ему легче, чем скажем, Сергею Антонову, который прекрасно знает деревню, но который в ней все-таки чувствует себя писателем, интеллигентом. А Василий Белов для однодеревенцев свой, его там все знают и помнят с детских лет. И рисовать деревню он может от ее имени.

В. Белов — представитель деревни наших дней. И сегодняшнюю действительность он принимает радостно. Будущее для него ясно, и в его произведениях не может быть тоски по старой деревне, которую он попросту не застал. Отсюда гармоническое восприятие окружающего мира, в котором никакая грязь не сможет никогда убить красоту. Нет, молодой писатель не закрывает глаза, не смотрит на жизнь через розовые очки. Его оптимизм — от знания жизни. И он не скрывает беды де-

ревни, а, например, прямо говорит, что Клавдия не могла уехать к любимому из-за отсутствия документов.

Автор, как мы видели, весьма свободно обращается со временем действия; это нужно ему, чтобы насытить свое произведение жизненным материалом. И прошлое здесь излагается не в хронологической последовательности, а так, как требуется автору для реализации его замысла. Кажется, изложи он все события последовательно — и рассказ распадется.

Подобное же свободное обращение с временем действия можно наблюдать в большинстве современных рассказов. Однако кто владеет этим с изумительным мастерством, так это Майя Ганина. Правда, в своем рассказе «Матвей и Шурка», напечатанном в августовской книжке журнала «Октябрь» за прошлый год, молодая писательница ставит перед собой иные задачи, нежели Василий Белов.

Интерес к сложным и во многом поучительным взаимоотношениям между взрослым и ребенком характерен для произведений искусства последних лет. В кино это «Лва Федора», в литературе — «Сережа» В. Пановой, заключительная часть «Судьбы человека» М. Шолохова, а один из рассказов Ильи Бражнина так и называется — «Большой и маленький» («Нева», № 12 за 1961 год). По сути дела, подобное заглавие дала своему произведению и М. Ганина, она лишь поставила собственные имена: Матвей — это большой, Шурка — маленькая.

Часто авторы подобных вещей изображают события как бы с точки зрения маленького; так делает Вера Панова. Иногда, как в рассказе «Матвей и Шурка», в центре оказывается большой.

Василий Белов, как мы видели, стремится рисовать картину во всех подробностях. Майя Ганина выхватывает из действительности только то, что относится к Матвею, и стремится все показать через Матвея, как бы увиденное его глазами. В ее рассказе не только прошлое, но и настоящее дается мазками.

Такая манера письма вполне закономерна; возможно, она даже более современна. И то, что М. Ганина рисует жизнь через восприятие своего героя, тоже очень хо-

рошо, тем более, что эта задача весьма сложная, а М. Ганина проводит ее последовательно. У нее даже Шурка до тех пор изображается как мальчишка, пока Матвей считает ее за мальчишку.

Ни одно событие, даже самое маленькое, не происходит у М. Ганиной в отсутствии Матвея...

Примерно то же можно сказать и о рассказе В. Белова «Клавдия»: там автор показывает лишь то, что видел или что слышал Дима. Однако у В. Белова его герой, хотя и проявляет повышенный интерес к Клавдии, воспринимает мир во всех его красках. У М. Ганиной же Матвей в силу целого ряда обстоятельств остается одиноким, жизнь у него как-то не удалась. Поэтому и сейчас он воспринимает окружающее несколько односторонне — и туман для него садится «горькой ядовитой росой на вытоптанную траву», и бульдозер «сердито брызжит».

Но Матвей тщетно стремится убедить себя, что ему нет дела до других, втайне ему очень хочется почувствовать, что он нужен кому-то. После встречи с Шуркой эта долго сдерживаемая нежность захватывает его целиком. Ведь Матвей нежен по природе: он, например, долго ищет засохшее дерево, потому что «живое рубить ему было жалко». С Шуркой Матвей прост, добр, может заботиться о ребенке, готов, если нужно, заступиться за него.

И все-таки в отношении с окружающими людьми он по-прежнему убеждает себя, что ему все равно и «пусть каждый будет таким, каким он сам себя сделал». Это своеобразное непротивленчество не позволяет ему бороться за свою любовь к Вале; Матвей, по привычке замкнувшись, молчаливо отходит в сторону.

Но ему необходимо быть нужным кому-то. Поэтому и запоминает он в шутку сказанное Иваном, что карточку его с Доски почета «сперли», что, видно, «кто-то из девок» в него влюбился.

«Тихо лежал, представляя, какая это девушка, как он найдет ее и как все у них будет дальше. Один он уже больше не мог», — пишет автор.

И Матвей, так и не заснув, рано на рассвете идет к клубу, к Доске почета. Карточку его и

правда нет. Но тут же Матвей видит, как коза срывает с Доски почта еще одну фотографию...

А утром к нему прибежала Шурка, рассказала, что маленькая Лизка заболела, и Матвей идет, растирает больной горло керосином.

«— Ты не уезжай никуда отсюда», — эти слова Шурки обращены к Матвею в самом конце рассказа. Шурка «сидела возле Матвея на ржавых, еще не обкатанных рельсах нового пути и почесывала ободранные колени. Рядом на песке валялась сломанная кукла. Пока она никому не была нужна».

Так самая последняя фраза опять напоминает читателю о мучившем Матвея вопросе: «Значит все же кому-то он нужен?..»

Идея о том, что человек должен быть нужен кому-то, глубоко современна. Матвей — передовик производства, хороший шофер, но он замкнут в себе и одинок. Помогите же ему, люди, пусть и он почувствует себя нужным не только вообще для народа, но и для кого-то одного, кому сможет раскрыть все богатство и красоту своей души.

Психологический анализ — большое достоинство рассказа, потому что далеко не все наши писатели умеют так предельно лаконично, без лишних слов передать внутреннее состояние человека и незаметно рассказать о его прошлом.

Вот, например, когда Матвей видит, как Фролов ударил Шурку по щеке, автор сообщает: «Матвей вскопчил, схватившись за калитку, она хряпнула под пальцами. Повел плечами, будто саднили еще на спине тычки, которые напугивали от мальчонки от дядьев». Здесь и прошлое Матвея, и его отношение к увиденному.

Молодая писательница свободно и естественно вводит воспоминания о прошлом, причем так, что прошлое органически соотносится с тем, что происходит в настоящем. Поэтому каждая такая фраза работает сразу как бы на два фронта: и рассказывает о прошлом Матвея, и помогает понять его состояние в данную минуту. И все это подчинено главной задаче — созданию точного психологического портрета.

Итак, рассказ М. Ганиной очень непохож на рассказы В. Белова.

Там были полнота мироощущения, любовное внимание к подробностям; здесь — лаконизм и точность психологического рисунка. Однако, несмотря на отличие и даже противоположность дочерка Майи Ганиной и Василия Белова, у них есть и общее: свободное построение сюжета, кажущаяся бесхитрость в развитии действия и его незавершенность в конце, стремление не навязывать читателю открыто своих выводов.

Но обратимся к еще одному автору — Георгию Семенову. В его творчестве, кажется, можно обнаружить достоинство и В. Белова, и М. Ганиной.

В третьей книжке журнала «Знамя» за 1961 год помещен рассказ Георгия Семенова «Непутевый».

Трудная любовь у охотничьего сторожа Тимофея Перещапova, трудная, но красивая. Любил он Катю давно, а она близко его не подпускала, хотя, «кому не лень, все к ней лезли». Тимофей же «для нее и жил только, ждал ее, когда опомнится». И взял ее с ребенком. После этого Катя еще несколько раз уходила от него, жила у матери, но возвращалась: «Погорюешь без нее, — вспоминает Перещапov, — а потом, глядишь, и опять пришла, опять солнышко вышло». Чувствует он, что души у него с Катей родные, и верит в счастье.

В рассказах Тимофея любовь его слита с жизнью природы. И сам образ Тимофея Перещапova сливается с природой: «Тонкое бревнышко под моей ногой ушло под воду, и в ботинок пробралась вода. Был он хлипкий, этот мосточек, лежащий на воде. На нем я когда-то повстречал Перещапova. Повстречал в знойный полдень. А если в полдень смотреть с этого мосточка вдоль залива, то видно, как зеленые уступы, опоясанные желтой каемкой песка, с обеих сторон сжимают его горловину, и за этой горловиной над туманной гладью воды видны другие уступы, уже не зеленые, а синие, а за теми синими — совсем голубые... И кажется, что этот водный коридор уходит в небо, вливается в его просторы и нет ему ни конца, ни края, хоть бери лодку, плыви — и причалишь когда-нибудь к прозрачному облачку, что застыло над теплой водой...»

В этом отрывке можно увидеть уже нечто новое по сравнению с рассказами М. Ганиной и В. Белова. У В. Белова в концовке рассказа «Клавдия», которую мы приводили выше, содержался лишь незаметный намек на связь между пейзажем и героиней, но это было не более, чем так называемый, пейзаж соответствия, помогающий в данном случае передать внутреннее состояние Димы после того, что он узнал о Клавдии.

В рассказе же «Непутевый» картина природы, не теряя подлинности изображения, превращается одновременно почти в аллегорию. Происходит, как говорил М. Пришвин, слияние «лица природы» и «лица человека».

С Пришвиным роднит Г. Семенова в этом рассказе и открытый лиризм, когда повествование ведется от первого лица, причем это не условный литературный прием, а живой характер, близкий автору. Лиризм современных рассказов — явление не случайное и свойственное не только Георгию Семенову. Даже повествование от первого лица стало в рассказах последних лет очень частым. Возьмите хотя бы недавний рассказ Владимира Солоухина «Свидание в Вязниках», кстати также построенный на перемежающихся воспоминаниях о прошлом с тем, что происходит сейчас. Вспомните коротенькие рассказы костромича Юрия Куранова или произведения Анатолия Приставкина, напоминающие пришвинские «Рассказы о прекрасной маме».

Я хотел даже сказать, что и Георгий Семенов тяготеет к короткому рассказу, потому что четыре его рассказа, напечатанные под общим заглавием «На Волге», не превышают каждый десяти страниц. Однако в первой книжке «Знамени» за 1962 год помещен его рассказ «Сорок четыре ночи», занимающий свыше двадцати страниц.

По времени действия рассказ «Сорок четыре ночи» почти весь посвящен прошлому, поскольку воспоминания, которым предается герой, составляют по объему большую часть произведения. Однако все эти воспоминания пролетают в атмосфере одной ночи второй половины 1961 года. А назван рассказ «Сорок четыре ночи» — те, что впереди. Дело в том, что в

описываемую ночь скульптор-реставратор Кирилл Красавин, от лица которого ведется рассказ, встречает своего младшего брата Алексея, военного летчика, приехавшего домой на сорок пять суток. И вот, одна ночь подходит к концу, осталось сорок пять дней и «всего только сорок четыре ночи».

«Разве это так уж много?!» — восклицает вместе с Кириллом Красавиным автор.

Смысл рассказа в том, что людям надо дорожить друг другом. Может быть, не так уж много им осталось быть вместе. Кириллу когда-то три года, на которые он был старше Алешки, казались эпохой, разделяющей братьев. Теперь ему кочень нужен Алешка, нужна его улыбка, его рука, и только теперь он «понял, как это важно. Но понял слишком поздно».

Рассказ Георгия Семенова грустен, потому что это рассказ об утратах. Смерть матери, предстоящая скорая разлука с отцом, короткое свидание с братом, за которым опять последует разлука — и кто знает, встретятся ли они снова: ведь Алексей — военный летчик.

Рассказ не только грустен, но и тревожен, потому что тревожна международная обстановка осени 1961 года, а личные судьбы людей в наше время неотделимы от вопроса о войне и мире. И не случайно воспоминания переносят героя в годы Отечественной войны, когда он был еще ребенком.

«Люди умеют умирать и без войны... Неужели никто не знает, что люди сами умеют умирать?!» — эта мысль, пришедшая в голову мальчику Киришке Красавину, перекликается с заключительным восклицанием — вопросом о том, что сорок четыре ночи — «разве это так уж много?!» Так подземный поток иногда обозначит себя где-нибудь в изломе почвы и снова скроется под землю, но путник уже знает о нем и, кажется, чувствует его под своими ногами, а когда снова увидит на поверхности — радостно забьется сердце, и захочется припасть губами к холодной живительной воде.

Да, рассказ «Сорок четыре ночи» не только тревожен и грустен — он мужествен. Правда, на первых страницах Кирилл воспринимает окружающее мрачно. Ему кажется, что и окно на вокзале «одинокое тлеело» в «темной

каменной неподвижности» стен, и свет фонаря «иглами вонзался в жидкие и непрочные отражения». И воспоминания его одолевают тяжелые. Но постепенно, не отказываясь от боли утрат, от тревоги за будущее, Кирилл приходит к мыслям о том, что они с братом делают одно великое дело: «я не даю одряхлеть знаменитым памятникам, а Алешка, дежуря в южных степях, охраняет эти памятники от хаоса и разрушения». И он гордится братом — «далеко не первым солдатом в роду Красавиных и все-таки первым из них, которому удалось преодолеть звуковой барьер и которому, конечно, предстоит еще много преодолений». Теперь и свет фонаря за окном, «похожий на лунный», уже привычно лежит на кровати, а по стеклу скользят сверху вниз «черные иглы теней» от морозящего дождя, «неслышные и стремительные». За окном же, похожим на экран телевизора. — «Бездонная, мерцающая голубизна». И последнее воспоминание о прошлом — это весна и сирень, улыбающиеся люди и «небывало нежное и сильное чувство любви к младшему брату».

Произведение Георгия Семенова поражает своей логической завершенностью, композиционной стройностью, когда при кажущейся случайной смене воспоминаний и впечатлений сегодняшней ночи происходит внутреннее развитие темы. Лишь первая часть рассказа производит впечатление некоторой затянутости, но и это, вероятно, сделано автором не случайно, а чтобы сильнее передать томительное ожидание поезда, на котором должен приехать Алексей.

Каково же главное отличие рассказов Г. Семенова от ранее рассмотренных? В них отчетливо обозначается подводное течение, придающее повествованию местами аллегорический смысл. В основе рассказов Г. Семенова лежит раздумье о жизни, о времени, об отношениях между людьми, и это раздумье писатель всего лучше умеет передать с помощью развернутой метафоры. Он так же, как и В. Белов и М. Ганина, широко включает в рассказ воспоминания о прошлом. Но если у В. Белова эти воспоминания необходимы для полноты картины, у М. Ганиной для раскрытия психологии героя, то в рассказе «Сорок четыре ночи»

воспоминания нужны для движения и развития мысли, положенной в основу произведения.

Однако, если говорить о метафоричности, то нельзя не вспомнить пермского писателя Виктора Астафьева, у которого метафора зачастую бывает вынесена в заглавие произведения.

«Дикий лук» — так назвал он один из лучших своих рассказов (Пермское книжное издательство, 1961 г.).

Генка Гушин, грузчик северного порта, «стивидор», как он называет свою профессию, — характер цельный, но необузданный. За его внешней грубостью кроется чистота чувств. И Виктор Астафьев сравнивает его с диким луком, растущим на Енисее. «У дикого лука цепкий корень, живучий корень».

В отличие от рассказа «Сорок четыре ночи», у В. Астафьева метафора выступает лишь как вспомогательное средство для создания характера, как последний, завершающий его штрих. Главное в произведении В. Астафьева — не эта обобщенная метафора, а столкновение характеров — Генки и Кати.

В стремлении лепить живые человеческие характеры с интересными судьбами и сталкивать их друг с другом состоит отличие В. Астафьева от Георгия Семенова. В этом ему ближе рассказы М. Ганиной, но у М. Ганиной психология более обнажена, и характеры ее интересуют иные. Герои В. Астафьева имеют нелегкие судьбы, но они не чувствуют одиночества и мир воспринимают радостно и открыто во всей его полноте.

Есть у В. Астафьева рассказы и другого плана. Мне хочется обратить внимание еще лишь на один его рассказ — «Еловая ветка», который опубликован в третьем номере «Нашего современника» за 1961 год.

В рассказе этом говорится о старом охотнике дяде Петре, прожившем большую и нелегкую жизнь и недавно едва уцелевшем в живых. Сейчас он живет один с собакой Ураганом в лесу, охотится, восстанавливает силы, а рядом растет кривая и старая ель, которая своей веткой скоблится в окно, «несмело и почти неслышно». Она тоже была почти умершим деревом, но сейчас возвратилась к жизни. И дерево грустит, плачет о чем-

то, а дядя Петр вспоминает прошлое, тоже грустит и возмущается непорядками, когда пушнину от охотников принимает девушка, не знающая настоящего толка в этом искусстве. Но общее настроение рассказа радостное, потому что возвращается дядя Петр к жизни и потому что «не прожить дяде Петру без тайги, без природы, без светлого неба, без ярких ночных звезд, без птичьего перезвона, без зорь — досветок. Не прожить ему без труда и красоты. Впрочем, и всем нам без этого не прожить».

Здесь опять еловая ветка — это своего рода символ, параллель дяде Петру. Однако для нас сейчас интересно в этом рассказе иное — его близость жанру стихотворения в прозе. Это видно с первых же строк: «О чем ты плачешь, ель? О чем ты плачешь!..» Вопросы эти повторяются на протяжении рассказа еще несколько раз, как рефрен. И повторы («весна, весна воскресила их»), и инверсия («хотелось дяде Петру»), и восклицание («какая это была весна!»), и обилие эпитетов («радовались и упивались необоримой, могучей, грохочущей, как речной порог, жизнью») — все свидетельствует о поэтичности стиля молодого прозаика.

И тут возникает вопрос о взаимном проникновении жанров. Рассказы В. Белова, особенно «Вечерние разговоры», в которых очень много диалогов, напоминают местами драматическое произведение — сцены из деревенской жизни. Рассказ М. Ганиной — это психологический этюд. У Г. Семенова в рассказе «Сорок четыре ночи» есть абзацы явно публицистические, а начало «Непутевого» сделано в жанре очерка. Наконец, «Еловая ветка» — стихотворение в прозе, причем подобные рассказы имеются и у других авторов, например — у воронежского прозаика Юрия Гончарова, один из лучших рассказов которого «Пролог» — стихотворение в прозе, и даже название его перекликается с известным тургеневским произведением.

Мне хочется в этой связи обратиться к творчеству магнитогорского писателя Николая Воронова, выпустившего уже несколько сборников хороших рассказов.

Н. Воронов всюду решает вопросы морали; и еще характерен для писателя интерес к природе, образ

которой присутствует в каждом его произведении. Мы рассмотрим один рассказ этого писателя — «Просто Иван», напечатанный в библиотечке «Огонек», № 6 за 1961 год. Он немного близок «Непутевому» Г. Семенова, однако здесь образ более объемный (у Г. Семенова герой был показан в одном плане, подчеркивались лишь его близость к природе и любовь к жене) и в нем отчетливее видны черты человека именно нашего времени. К тому же, нарисован Иван в столкновениях, и с этим связано то, что в рассказе имеется целая группа образов. Появляется Иван не сразу, а только на третьей странице, начало же рассказа очерковое. Писатель, не торопясь, описывает дорожные события.

Однако то, что он описывает, уже определенным образом готовит читателя к встрече с Иваном. Во-первых, это картина ранней весны, тот «зов земли», который «пробуждает в человеке предчувствие водополья, цветения, произрастания, то есть всего того, с чем приходит свет, лазурь и радость». Во-вторых, это муж и жена Бадьины, которых рассказчик когда-то видел «в горе, нужде, оскорбленными, ненавидимыми друг другом, но они все осилили, поняли, сумели вовремя переломить себя, и любовь их крепче, и сердца куда щедрей и мягче».

И вот появляется Иван, шофер самосвала. Он обеспокоен тем, чтобы достать диск сцепления для «Москвича» Бадьиных, который из-за этого вышел из строя. После столкновения Ивана со «жмотом» Лаптовым и других событий дня все заканчивается благополучно. Но главное — не это внешнее развитие действия, а то, что постепенно Иван получает возможность проявить себя в ряде будничных хороших дел, рассказать о себе, высказать свои взгляды на жизнь.

Делает это автор очень тонко и точно, удачно используя деталь и в портрете, и в диалоге. Как будто бы и портрета законченного нет, и рассказать о себе до конца Ивану не удастся, а из отдельных черточек складываются и внешний облик, и характер, и судьба человека. И даже начинает казаться, что встречал где-то такого Ивана.

Вот именно для того, чтобы читатель мог скорее узнать в герое рассказа живого человека, чтобы

он поверил в правду его, Н. Воронов и не вырисовывает портрет, а обозначает лишь наиболее характерные черты, и не передает точной биографии, а берет из нее лишь главное, нужное для рассказа. Да и назвался-то шофер не по фамилии, а «просто Иваном» не только из скромности, хотя и это важно для его характеристики, а еще и потому, что автор стремится к обобщению.

Лучшие человеческие качества обнаруживаются в шофере Иване: непримиримость к собственным, бескорыстное желание помогать людям, скромность, когда он не называет даже своей фамилии, хорошее чувство к жене, которую он любит и в которую верит... Все это позволяет автору так закончить свой рассказ:

«Дорогой я думал об Иване и вообще о людях. И с тех пор неотступно мною владеет мысль, что из всех побуждений человека самым сильным, постоянным и неистребимым является зов к добру, добрести, красоте и бескорыстию».

Так от «зова земли» в первых строках рассказчик приходит к тому, что говорит уже о естественном «зове» каждого человека — «к добру, добрести, красоте и бескорыстию».

Природа в этом рассказе присутствует как живой образ, играющий активную роль в повествовании. Но образ природы у Н. Воронова не только поэтичен, но и научно достоверен. Картина последней весны на Магнитке — это, по сути дела, точные фенологические наблюдения, но изложенные языком художественной литературы.

Так некоторые страницы рассказов Николая Воронова обнаруживают живую связь с природоведением. Хочется отметить также, что Н. Воронов прибегает и к открытой драматизации рассказа, к передаче диалога по ролям. Так передает писатель разговор Поташникова и Исмагила Истмагуловича в рассказе «Человек-эхо», напечатанном в четвертой книжке журнала «Знамя» за 1961 год. В этом же рассказе можно обнаружить и открытую публицистику, там, где автор говорит о советском плане разоружения, о поездке Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты.

«Взаимпроникновение традиционных жанров — очевидная, широ-

ко распространенная тенденция современной литературы», — писала Т. Л. Мотылева еще в июне 1960 года («Литература и жизнь» от 1 июня 1960 г.). Действительно, в этом отношении, даже в известной природоведческой «научности» своих произведений, Н. Воронов не является первооткрывателем. Природоведение особенно прочно вошло еще в творения такого нашего писателя, как Михаил Пришвин.

Но рассказы Николая Воронова, да и других молодых писателей, доказывают, что сейчас сделалось почти невозможным писать в рамках канонического жанра, что взаимное проникновение традиционных жанров плодотворно, потому что без этого рассмотренные нами рассказы немало проиграли бы.

Современный человек живет большой жизнью. История с ее бурными преобразованиями и осваиваемая человеком Земля, а теперь уже и другие планеты, великие научные открытия нашего времени — все это сделалось частью биографии каждого человека. Нельзя сегодня говорить о человеке, отделяя его от большого окружающего мира, от тех открытий и завоеваний, которые делает человек в этом мире. Поэтому и входят в художественную литературу природоведение и другие науки, поэтому и звучит в рассказе публицистическое слово, поэтому и нет резкой границы между рассказом и очерком, рассказом и стихотворением в прозе.

Почти все рассказы, о которых мы здесь говорили, не имеют также и четкого сюжета в традиционном понимании этого термина — как цепи сменяющих друг друга событий; даже горьковское определение сюжета как процесса развития характера, его формирования и становления, не всегда подходит к современному рассказу. Кажется, писатели запечатлевают какой-то кусочек из самого потока жизни, ничего не придумывают, рассказывают совершенно бесхитростно все точь-в-точь так, как было оно на самом деле. Но это только кажется так. В действительности, молодые литераторы активно утверждают свое отношение к жизни, свою любовь к просто-

му советскому человеку, рядовому строителю коммунизма, свое неприятие пошлого, низкого и мелкого, что еще уродует нашу жизнь и наших людей, свою веру в торжество гуманизма и красоты. И произведения их не бессюжетны. В них отсутствует сюжет как старый литературный канон, но в них имеется сюжет внутренний, продиктованный творческим замыслом писателя, той идеей, которой он загорелся и которая вела его в его работе, — это сюжет мысли, а не ситуаций. Особенно ясно мы видели пример такого сюжета в рассказе Г. Семенова «Сорок четыре ночи».

С таким сюжетом связано свободное обращение авторов с временем действия, частые переключки между прошлым и настоящим, настоящим и будущим. Это видно и на примере тех рассказов, о которых говорилось выше, и в психологических рассказах Майи Ганиной, и у Василия Белова, и у Владимира Солоухина. И это свойство не только рассказам, но и повести («Дневные звезды» О. Бергольц, «Суровое поле» А. Калинин), и драме («Иркутская история» А. Арбузова), и поэзии («За далью даль» А. Твардовского), и кино (фильмы А. Довженко).

Вероятно, это общее для всей современной литературы явление вызвано и тем, что наше представление о времени за последние годы очень изменилось. За считанные минуты можно облететь сегодня Землю, а с помощью радио и телевизора — мгновенно перенестись в другую страну и в другую эпоху.

Наш читатель вырос, он стал очень тонко разбираться в искусстве и может понимать автора с полуслова. Такому читателю не надо растолковывать общезвестных истин. И это чувствуют молодые писатели. Они всеми силами стремятся не навязывать готовых выводов и решений, они добиваются, чтобы читатели сами пришли к этим выводам.

Но они понимают также, что читателю сейчас, как никогда, хочется увидеть не только тех персонажей, которые действуют в произведении, но и, в первую очередь,

душу самого автора. Отсюда открытый лиризм современной прозы и с этим же связан и тот новый сюжет, о котором мы говорили, — сюжет по развитию мысли, сюжет авторский, лирический.

Почему это происходит? Почему читателям не безразличен автор и они хотят найти в нем своего друга? Да просто потому, что время наше такое — необыкновенное. Это время радостного покoreния космоса и тревожных непрекращающихся ядерных взрывов, время бурного, не дающего ни минуты покоя напряжения стройки, когда ясно и близко уже видна цель — коммунизм, и возрастающего вместе с тем желания пристально заглянуть в душу товарища, понять каждого человека, в том числе и себя самого, потому что не случайно лозунгом наших дней стало: «все для человека, все во имя человека».

Новая Программа нашей партии и борьба с последствиями культа личности чрезвычайно обострили сознание ответственности каждого человека перед обществом. Писатели ответственны, прежде всего, за мораль общества. И естественно, что моральные темы заняли ведущее место в рассказах последних лет. А безраздельным героем их стал рядовой труженник. Не о полководцах, не о руководящих товарищах пишут сегодня рассказы, а просто о хороших людях, таких разных и непохожих друг на друга, но таких душевно богатых и делающих большое и нужное дело.

Молодые наши рассказчики и сами очень разные. Различно и их местожительство, причем большая часть их часто живет не в столице, а в различных областях республики, и это тоже характерно. Сейчас все они в поисках. Ими еще не создано чего-то очень большого, и нет пока писателя-рассказчика, который бы, как А. П. Чехов, безраздельно завоевал читателя. Но то, что они делают сегодня, значительно: все вместе они создают мораль строящегося коммунистического общества. А формальные их поиски тоже необходимы и нужны, потому что направлены на еще более тесное сближение литературы с жизнью.

БЕЗ СКИДОК НА „ОБЛАСТНОГО“ ЗРИТЕЛЯ

В воспитании новых людей партия большое значение придает изобразительному искусству. Оно убедительно, его сердечность и лирику нельзя передать словами. Труд, наши повседневные будни полны высоким гражданским смыслом, красотой и романтикой.

Сегодня мы все чаще видим руку художника не только в украшении стен общественных и жилых зданий, но и в новом оборудовании цехов, в удобной и целесообразной форме машин, инженерных сооружений, мебели, одежды и предметов быта. Все больше открывается народных студий, театров, народных университетов культуры, выставок и художественных магазинов.

Развенчание культа личности выжило подъем всей общественной жизни и благотворно сказалось в искусстве, для которого годы после XX съезда КПСС были годами преодоления парадности, мелкотемья и натурализма.

Насаждаемое культом личности казенное и натуралистическое отражение жизни, которое только оплошляло реализм, уступает место в советском изобразительном искусстве взволнованным раздумьям художника над ходом времени и событиями современности. Появилась набатом зовущая на защиту мира серия рисунков Пророкова «Это не должно повториться», суровый и правдивый триптих Коржева «Коммунисты», монументальная скульптурная группа Фивейского «Сильнее смерти», энергичные мужественные образы наших современников, поэзия повседневности в картинах Т. Салахова, В. Попкова, братьев Тка-

Л. ДЬЯКОНИЦЫН

чевых и многих других молодых художников.

Поиски больших образов, стремление к значительному обобщению жизни, желание усовершенствовать язык живописи: цвет, композицию, ритм и рисунок — волнуют наших областных художников не меньше, чем столичных.

Но пока еще художники-воложане остаются в долгу перед зрителем. Их творчество, как правило, ограничено рамками натуральных зарисовок и этюдов, недостаточно связано с современностью.

В творчестве вологодских живописцев преобладают наименее сложные по художественной режиссуре портрет, пейзаж и натюрморт. Наш разбор приходится начать с критики. Как могут выставляться очень небрежные по исполнению, удручающе однообразные этюдные портреты производственников работы художников К. Воробьева, Б. Чередины, Б. Шваркова, М. Ларичева и Н. Железняк? Обыденные, застыло повернутые в фас или в «классические» три четверти скупающие лица. В несколько другом, парадном плане, при орденах и медалях написал Героев Социалистического Труда И. В. Лебедева и Б. Д. Валяева Н. Баскаков. «Портрет портретычи», — определял в свое время подобные безличные работы великий русский художник В. А. Серов.

Обсуждение выставки показало, что такие фальшиво звучащие образы современников отражают только вчерашний день. Ведь че-

ловек труда далеко не так прост. Он велик теперь не только своей нравственной чистотой, что стало уже традицией в его показе, но и сильно вырос духовно. Особенно острый художественный взгляд, близкий к интересам этого «простого» человека нужен теперь, в эпоху глубоких изменений в жизни народа.

Таким острым взглядом, большой любовью и уважением к человеку отличаются работы художников В. Корбакова, Д. Тутунджан, некоторые портреты Н. Баскакова (ведь умеет же художник подойти к иным своим героям с чуткостью и тактом!). И, безусловно, радуют скульптурные образы А. Щепелкина.

Наиболее интересные портреты современников написал Владимир Корбаков. Жизнелюбие, широта натуры, юмор и доброжелательность выражены на лице рабочего, череповецкого горного, делегата XXII съезда КПСС Николая Самухина, тонко передана едва уловимая добродушная насмешка в уголках рта, энергией веет от всего облика рабочего, еще не остывшего после горячего напряженного труда. Как негромкая песня, звучит насыщенный зеленовато-охристый колорит портрета. Пусть здесь нет абсолютного сходства, но художник прекрасно выразил душу и характер человека. Никого не оставит безучастным и другой этюдный портрет рабочего, молодого разлищика чугуна Смирнова. Недавний десятиклассник с тонкими, нервными, но мужественными чертами лица, притененными широкими полями горняцкой шляпы; вся его гибкая, еще не ок-

репшая фигура показана в глубоком раздумье. Холодноватый, но чистый и светлый цветовой строй холста оттеняет внутреннюю собранность, интеллектуальность облика юноши.

Совсем другой, «колючий» человеческий характер виден в портрете сплавщика Гундина. Резкая светотень от вечернего солнца резко выделяет этот несколько ожесточенный образ рабочего с натруженно опущенными руками, в солдатской выцветшей гимнастерке на фоне холодной иссиня-фиолетовой глади реки. При всей недоконченности портрет производит сильное впечатление.

В умении художника убеждает и образ сплавщика Колыгина. На первый взгляд, это неблагодарная натура для живописца: тяжелое, «топорное» лицо, от которого веет первобытной дремотной силой. Но Корбаков рассмотрел сквозь эту внешнюю оболочку мягкий добрый характер. Тактично, с любовью передан спокойный, немного печальный взгляд из-под нависших век, большой крупный рот, выбритые до синевы щеки, наглухо застегнутая рубаша, аккуратный расчес волос. Постепенно, не спеша эти «мелочи» облика раскрывают душу скромного, чистого сердцем человека и труженика. Портрет написан широким, уверенным, но «ласкающим» фому мазком, сочными переливами густых тепловатых тонов.

Удача показанных Корбаковым портретов заставила изменить мнение о художнике как преимущественно пейзажисте-лирике.

Останавливают внимание и портреты Николая Баскакова. Самозабвенная увлеченность человека своим делом образно показана в портрете заслуженного деятеля искусств РСФСР, художественного руководителя артели «Северная чернь» гравера Е. П. Шильниковского. Устремлено к работе озабоченное лицо мастера с трогательно прикушенной губой, сильные уверенные руки осторожно ведут виртуозную резьбу на металле. И даже те, кому не приходилось лично встречаться со старым гравером, безусловно верят правде характера, доброте и доверчивости, сквозящей сквозь эту «сердитую» озабоченность в работе. Жаль только, что портрет не доведен до конца и написан эскизно.

В. Корбаков.

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!

Этот недостаток художник преодолел в портрете заслуженного врача РСФСР хирурга А. П. Цветкова. Врач показан в привычной удобной позе, с профессиональной сдержанностью и вниманием слушающим собеседника.

Портрет сплывщицы Миля Максимовой хорош по удачно найденному застенчивому движению девушки с чуть склоненной головой и спокойной лежащими на коленях сильными руками.

Лучшие работы Баскакова убеждают в умении быстро и точно схватить характер и сходство, но хочется пожелать, чтобы это умение, культура рисунка чаще подкреплялись определенностью цвета. Художник, правда, и сам создает свои слабые стороны и упорно работает над улучшением колорита. Мы с надеждой ждем окончания его многолетнего серьезного замысла — коллективного портрета вологодских художников. Отдельные из этюдов к этой картине представляют уже сейчас самостоятельную ценность.

Говоря о жанре портрета, нельзя пройти мимо своеобразного полотна художницы Джанны Тутунджан. Она написала вологодскую знатную доярку В. Щенникову в обычной домашней обстановке, в кругу семьи за обедом. Ощутимо передан домашний уют, размеренность и значительность колхозных будней. Неторопливый, радушный разговор, который ведется за столом, благодаря неожиданной, но естественной композиции, как бы обращен к зрителю и не может оставить его равнодушным. Моральная чистота и женственность этого портрета будят добрые чувства. Правда характера в этом портрете настолько велика, что мы прощаем художнице некоторую тусклость живописи.

В жанре пейзажа лучшие достижения наших художников также определяют полотна Владимира Корбакова. Правда, за исключением «Будней завода» художник не показал еще как следует красоту нового индустриального пейзажа, новостроек. Его любимый жанр — лирический «чистый» пейзаж. Идя от натурального обобщения, художник умеет преобразовать самый «обыкновенный» вид в радостное, волнующее зрелище родной природы.

В пейзаже «Рыбачья слобода»

художник окидывает деревню привычным взглядом ее жителя: ничего особенного, но сколько воспоминаний рождают эти уголки заснеженного пейзажа. Посаженные человеком деревья, притулившаяся к берегу лодка, плечом к плечу стоящие дома. В чем же поэзия этого будничного вида? В том, что он создан и обжит не одним поколением наших предков. Это наша родина, и мы сердцем воспринимаем ее молчаливую застенчивую красоту.

Гостеприимная аллея в пейзаже «Дымчатая зимка» как бы вводит зрителя в глубину заснувшего под снегом тихого парка. В воздухе уже веет весной.

А вот и сама весна. Густым «ковровым» перезвоном красок Корбаков запечатлел ее радостное торжество в картине «Снова пришла весна». С весенним гомоном, ликованием рождается новая жизнь, идет весна света.

Казалось бы, в этих чистых лирических пейзажах очень мало примет нового, скажем, вторжения техники и индустрии, но они современны по самому духу, настроению.

Жаль, что не все пейзажи Корбакова обладают такой глубиной и прозрачностью образа. Очень большой, например, пейзаж «В парке» не вышел за пределы этюда. Среди большого количества полотен всегда есть отсев менее удачных и сырых. Важнее отметить другое: приверженность художника исключительно к натуре несколько ослабила его собственную фантазию. Корбаков как-то перестал доверять своему воображению. В последнее время, однако, живописец «дерзнул» на большую тематическую картину.

Это выгнутое вверх полотно изображает пробуждающиеся весной кроны деревьев и стоящего на лестнице, прислоненной к крыше, с голубем в руках мальчишку-ремесленника. Запрокинув голову, он восторженно следит за полетом птиц в бездонно-синем небе. Картина с успехом была показана на Всероссийской выставке «Советские художники — детям».

Северный пейзаж можно назвать «пробным камнем» живописи вологодских художников. В этом жанре вырос как художник и дал самые поэтические свои образы живописец М. Ларичев. В его лучших пейзажах «Ветренный

день», «Россоха», «Осень», «Ранняя весна» сквозит просветленная, но несколько минорная лирика, продолжающая лучшие традиции классиков северного пейзажа — Вахрушова и Тимофеева.

Упорно, настойчиво работая над собой и приглядываясь к творческим поискам молодых советских художников, М. Ларичев обогатил цветом свою ранее глухую палитру. Свойственное художнику стремление к законченности образа непременно даст хорошие плоды. Последний его лаконичный пейзаж зимнего Сокола ясно доносит суровый, но бодрый ритм современного города. Пейзаж явился самой сильной стороной в картине Ларичева «Грязовецкие доярки».

О достижениях остальных пейзажистов еще говорить рано. Ничего запоминающегося, кроме пейзажа «Девятины», не показал нам живописец Б. Шварков. Привезенные им с Волго-Балта пейзажи (как и портретные этюды) натуралистичны, страдают локальным однообразным цветом и пестротой. Шваркова влечет к новым темам, к отражению грандиозной перестройки нашего края. Несколько лет назад он первым откликнулся на строительство Череповецкого металлургического завода, а сейчас выставил этюды с Волго-Балта. Но хотелось бы предостеречь художника от поспешности и натурализма. Не надо заслонять красоту северной природы и самого человека показом техники и развороченной стройкой земли. Ведь советская индустрия отнюдь не уничтожает поэзии и величия самой природы.

Первыми словами взлетевшего в космос человека были: «Красота какая!» И эта новая неслыханная красота нашей эпохи требует не повторения найденного в искусстве, а новых дерзких решений, громадной напористости и увлеченности.

Нельзя «выезжать» на одной теме, без внимания к поэтической стороне дела. «Без идеи нет картин, но и без живописи, живой и разительной, нет картин, а есть благие намерения и только», — справедливо писал по этому поводу И. Н. Крамской.

К сожалению, ремесленническим подходом огорчают полотна некоторых вологодских художников.

Любая форма и любой жанр

изобразительного искусства могут стать неожиданно значительными и важными только при большой увлеченности художника.

Смотрите, например, какие новые богатые возможности рисунка открывает нам художница Джанна Тутунджан! То это интересные острые дневниковые странички-черски современного рабочего быта, то монументальные полотна. И это сделано тушью и кистью.

Представьте себе, например, двухметровый бумажный лист: черно-белые всплески колючей зимней вьюги бушуют вокруг тесной дружной группы рабочих, отдыхающих на снегу во время короткого перерыва. Кто это — строители или целинники? Лаконизм деталей не даст на это ответа, он не привязывает сцену к какому-то одному месту, но зато отчетливо выражает беспокойный мужественный романтизм современных трудовых будней, героизм освоения природы.

С другой стороны, пользуясь жанром небольших натуральных зарисовок, художница создает единую значительную серию-повесть о рабочем классе области. Иные детали, которые отступают на второй план в живописи или скульптуре, в графике Тутунджан становятся ключом в раскрытии человеческих судеб. Таким ключом, к примеру, служат руки. Вот узловатая, скрюченная от нелегкого труда, но подвижная и ловкая рука старой крестьянки. А вот другой «портрет» рабочего человека: руки, которые неумело, непривычно лежат в покое, на коленях, и те же руки, которые крепко держат ложку и хлеб.

Превосходство реализма над натуралистическим подходом к жизни красноречиво показал в своих скульптурах участник многих всесоюзных выставок скульптор А. В. Щепелкин. До его переезда на постоянную работу в Череповец, в нашей области скульптурное искусство прозябало. Работы вологодских скульпторов Т. и Б. Контаревых, надо прямо сказать, не согреты огнем вдохновения, безжизненны и сухи.

Созданным по их моделям и эскизам памятникам в Вологде: городскому фонтану и грузномуobelisku в честь 800-летия Вологды, видимо, не суждена долгая жизнь. Перегруженные деталями, с неумелой композицией, со смазанным

нечетким силуэтом они воспринимаются как чужеродный нехудожественный элемент в городском ансамбле.

Поэтому творчество Щепелкина, по сути дела, впервые ставит в нашем крае скульптуру на художественную высоту. Показанные им еще ранее в Москве монументы «Герой Советского Союза комсомолец Юрий Смирнов» и «Былинный богатырь Микула Селянинович» могли бы украсить любой современный город. Разве не достоин целиноградских площадей, например, могучий двухметровый монумент — богатырь Микула Селянинович, неторопливо из-под руки оглядывающий поднятую за день

необозримую пашню?! Удивительно умение скульптора схватить движение человека и сюжетно «обыграть» его. Скульптуры Щепелкина не обращены в пустое неопределенное пространство, не изолированы, нет, вокруг них струится воздух, живут люди. Ясно читаемое движение, острый характерный силуэт властно вводит зрителя в атмосферу жизни героев... Упрямый гневный наклон головы в сторону невидимого конвоира, широко расставленные, напряженные ноги в солдатских ботинках, резкое нетерпеливое движение сильных юношеских плеч и сведенных за спиной рук — таким несгибаемым мужественным борцом и

Н. Баскаков. ПОРТРЕТ ЗАСЛУЖЕННОГО ВРАЧА РСФСР ХИРУРГА А. П. ЦВЕТКОВА.

А. Щепелкин.
ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА ПОЭТУ
К. Н. БАТЮШКОВУ.

до боли знакомым, родным нам человеком изваял Щепелкин образ распятого фашистами комсомольца Юрия Смирнова.

Эту же человечность, близость к людям скульптор стремится сделать главной в решении ленинской заветной темы. Одна из лучших его работ в этой серии — «Ленин после ранения». О ранении напоминает лишь неловкий поворот плеча и шеи, остальные детали (например, руку на перевязи) мастер сознательно опустил. Лицо Владимира Ильича стосковалось по работе и людям, и сейчас, после возвращения к жизни, оно все лучится скрытой глубокой радостью.

Скульптора глубоко волнуют образы современников. Иные из них ваятель смело решает в материале: дерево и металлу, справедливо полагая, что даже самое искусное тонирование гипса под бронзу или под чугун не избавляет скульптуру от легковесности и недолговечности.

Портрет обер-мастера доменного цеха Череповецкого завода, Героя Социалистического Труда А. И. Ольховикова отлит Щепелкиным из череповецкого же чугуна. И что же? Чугун «заиграл», стал послуш-

ным воле художника. Чугунное литье сочно подчеркнуло массивные черты облика пожилого металлурга. Удалось передать даже выражение скрытой хитрецы, добродушия мастера. Жаль только, Щепелкин «подзавадил» глаза, они вышли слеповато. Освоение чугунного художественного литья в Череповце открывает новые большие перспективы монументальной скульптуры в нашем крае.

Все же рука скульптора пока лучше всего ощутима в дереве. Чуть грубоватая одушевленность, жизненность этого благодарного для скульптуры материала, богатый рисунок и теплый цвет дерева делают его незаменимым, нестареющим материалом для показа человека. Своеобразный, выхваченный прямо из жизни портрет крестьянки, названный Щепелкиным «В президиуме колхозного собрания», не только внушает уважение значительностью образа старой работницы с характерным задумчивым жестом руки, но и заставляет любоваться свободой резца скульптора. Недаром эта работа побывала на Всесоюзной художественной выставке, посвященной XXII съезду КПСС.

Крепость исполнения, необычайное трудолюбие и требовательность к себе этого ваятеля могут быть примером другим вологодским художникам. Станок скульптора никогда не пустует. Совсем недавно Щепелкин с огромным темпераментом изваял для череповецкого стадиона энергичные группы футболистов, начал серию портретов известных вологжан и создал интересный эскиз памятника поэту-вологжанину Батюшкову...

Дочитаны строфы поэмы, опущена раскрытая книга, но чистый доверчивый взгляд поэта еще обращен в мир высоких чувств, еще не разбужен житейской суетой. Молодая порывистая фигура поэта, чудится, готова привстать с валуна. Прекрасный, истинно поэтический образ, без которого уже нельзя как-то представить в будущем набережную Вологды вблизи вологодского Кремля!

Установить в ближайшие годы такой памятник поэту-вологжанину — прямой долг руководителей города и общественности области.

За последние годы советское искусство избавилось от «музейного» казенного направления, на-

саждаемого культом личности, при котором большинство произведений носили характер заказов и галерей. Естественно, что это наносило ущерб синтезу искусств, обедняло нашу архитектуру, монументальную живопись и скульптуру, а также издательскую графику. Произведения искусства не могут замыкаться в музейных стенах, они должны быть обращены непосредственно к людям, входить в общественный и личный быт. Возрождение ленинского принципа монументальной пропаганды, гражданского вторжения искусства в быт городов и сел, без преувеличения, влило новую кровь в искусство.

Немало потрудились над украшением ведущих городов области: Вологды и Череповца и наши художники. Правда, это больше относится к украшению общественных зданий, нежели к облику площадей и улиц.

Исполненные с выдумкой, хотя и эскизные, панно художника Олега Бороздина «Северный хор» (при участии С. Кулакова) и «Молодые строители» органично, надолго вписались в интерьеры ресторана «Север» и строительного техникума, роспись художников Д. Тутунджан, С. Кулакова и Н. Баскакова сделала нарядным фойе Вологодского городского Дома культуры.

Но художникам следовало бы наладить творческое сотрудничество с архитекторами в начатой в наше время большой реконструкции городов и нового строительства в области, создать художественные ансамбли, далеко превосходящие старые. Слова Маяковского: «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры» — должны стать девизом современных художников и архитекторов.

Довольно скромны усилия наших художников и в такой прикладной форме искусства, как издательская графика. Оригинально, декоративно и в тесной связи с содержанием книги оформлены издания: «Песни, сказки, загадки» работы С. Кулакова, «Белозерье» работы О. Бороздина, «Джамилля» в оформлении Д. Тутунджан, «Богач и Еремка» работы Б. Шабасва и немногие другие.

Имеющая хорошие традиции в творчестве художников двадцатых годов: Н. П. Дмитриевского,

Е. П. Шильниковского и И. И. Варакина — вологодская графика должна стать всесторонней и боевой по духу.

Хорошо, что возрождается полузабытый после двадцатых годов вологодский эстамп. Первые удачные опыты современного эстампа в технике линогравюры, гравюры на картоне и монотипии создал В. Корбаков.

Но художники не могут замыкаться в наши дни лишь в сфере своего искусства, работой в мастерских.

Встречами, беседами с населением об искусстве, небольшими передвижными выставками в клубах и кинотеатрах области они должны воспитывать, повышать художественные вкусы трудящихся. В пропаганде изобразительного искусства вологодские художники делают только первые шаги, их живое авторитетное слово об

искусстве воложане слышат очень редко.

Отрадно, что наши художники не забывают о помощи самодеятельному искусству. Здесь прежде всего заслуга председателя Вологодского отделения союза художников Н. Баскакова, который вот уже несколько лет руководит студией в Вологде.

На отчетной выставке в Вологде были неплохо восприняты этюды слесаря ВПВРЗ В. Таганского, рабочих — братьев Ю. и Б. Петровых, череповецкого оформителя Н. Гришачева. А в прошлом рабочий ВПВРЗ Е. Гусев стал профессиональным художником, один из его этюдов был приобретен с выставки Вологодской картинной галереи. Это радостный показательный для наших дней факт.

Композиция Е. Гусева «Посадка деревьев на заводе» и натюрморт Ю. Петрова «Русский мо-

тив» были показаны на международной фестивальной выставке в Хельсинки.

Велика и почетна роль художника в общественной жизни нашего края. На примере своего творчества и пропагандой искусства он учит нас находить великое в малом, учит отделять доброе от злого, красоту от уродства, подымает искусство на философскую высоту, увлекает людей прекрасными образцами создаваемого коммунистического общества.

Сегодня, когда повсюду выросла культура советских людей, пришло время вести разговор у нас в крае о большом искусстве, без всяких скидок на «областного» зрителя и художника. Пришло время требовать от наших художников резкого улучшения своего мастерства, которое должно быть наполнено сердцем, умом и талантом.

А Св всели понемногу

Знаете ли Вы, что...

...в недалеком будущем на помощь Каспийскому морю в улучшении водного режима придут студеные северные реки Печора и Вычегда. Советские люди укажут этим рекам новый путь — через Каму в бассейн Волги. Что же предстоит сделать? Соединить Печору, Вычегду и Каму между собой открытыми каналами. В этих целях потребуются построить громадные плотины, гидроузлы, шлюзы и другие гидротехнические сооружения. На пониженном водоразделе между притоками Печоры — рекой Нибель и рекой Ижмой — намечено воздвигнуть земляную дамбу длиной около 16 километров. В результате будет создано объединенное Печоро-Вычегодско-Камское водохранилище. Объем его составит 236 кубических километров, а площадь зеркала воды 15 тысяч квадратных километров. По своим размерам этот искусственный водоем

будет самым большим на земном шаре. Новое рукотворное море поможет развитию многих отраслей народного хозяйства и даст возможность обводнить Каспий.

Переброска воды северных рек в бассейн Волги, имеющая огромное народнохозяйственное значение, явится одним из грандиозных мероприятий советского народа по перedelке природы родной страны.

* * *

...в апреле 1962 года Госстроем РСФСР утвержден генеральный план планировки и застройки Вологды. На юго-востоке, в заречном и южном районах города будут созданы новые жилые массивы. Ветхие приземистые домики и старомодные особняки уступят место стройным и светлым мно-

гозтажным зданиям. Только к концу семилетки будет сдано в эксплуатацию около 600 тысяч квадратных метров жилой площади. Следовательно, свыше 70 тысяч вологжан справят новоселье в новых благоустроенных квартирах.

...к концу семилетки будет завершено строительство Череповецкого металлургического завода — гиганта северо-западной металлургии. Наряду с действующими здесь вступят в строй еще несколько мартенов, коксовых батарей, электропечей, прокатных станов. Ввод в эксплуатацию этих и многих других объектов позволит увеличить выпуск металла по сравнению с 1958 годом более чем в пять раз. Народное хозяйство Советского Союза получит миллионы тонн чугуна, стали и проката. В недалеком будущем Череповецкий металлургический завод будет одним из крупных металлургических предприятий страны и значительно увеличит выпуск металла.

...на территории нашей области от Онежского озера до Череповца строится Волго-Балтийский водный путь. Это — одно из крупнейших в мире гидротехнических сооружений. Длина его превышает 360 километров. Для сравнения укажем, что протяженность канала имени Москвы равна 128 километрам, Волго-Донского — 101, Суэцкого — 164 и Панамского — 81 километру. На трассе Волго-Балта возводятся пять гидроузлов. Вместо 39 обветшалых шлюзов старой «Мариинки» будет построено 5 современных шлюзов, несколько плотин, около двухсот напорных дамб и много других сооружений. Вдоль трассы нового пути прокладывается приканальная асфальтированная дорога длиной 50 километров. Строительство Волго-Балта намечено завершить в 1964 году. С пуском его в эксплуатацию самоходные суда покроют расстояние от Ленинграда до Череповца за двое-трое суток. По новому каналу будет перевозиться грузов в 7—8 раз больше, чем сейчас.

...в Вологде началась реставрация Софийского собора — памятника архитектуры XVI века. Ему будет придан первоначальный вид с закомарными перекрытиями. Большие работы намечено провести по реставрации стенной росписи — фресок. Выполненные талантливым ярославским мастером Дмитрием Плехановым с тридцатью товарищами, они представляют собой выдающееся произведение искусства.

...в июле 1962 года исполнилось 90 лет со дня открытия железной дороги Вологда — Ярославль. Многие железнодорожники помнят, как по ней курсировали маломощные паровозики, тянувшие за собой состав из семи-десяти двухосных вагонов. Скорость пассажирских поездов не превышала 15—16 километров в час. На путь от Во-

логды до Ярославля протяженностью 190 километров уходило по 10—12 часов. Какие разительные перемены произошли на транспорте за годы советской власти! Путевое хозяйство полностью реконструировано. На помощь железнодорожникам пришли новейшие механизмы, автоматизация, телемеханика, современные виды связи. По стальным магистралям курсируют ныне мощные тепловозы, а на участке Ярославль — Данилов — электровозы.

...по заказу Советского Союза на Гданьской судовой верфи в Польше построен комфортабельный пароход, которому дано название «Мореход Кусков» — в честь нашего земляка, уроженца гор. Тотмы, Ивана Александровича Кускова. Отважный землепроходец, он совершил три путешествия к берегам Америки, был одним из исследователей Аляски и Калифорнии. Сейчас судно, носящее имя выдающегося русского мореплавателя, бороздит моря Дальнего Востока. Команде его присвоено почетное звание экипажа коммунистического труда.

...в Дарвинском заповеднике проведена своеобразная «перепись» обитающих там лосей с самолета. На воздушном корабле вместе с летчиком находился научный сотрудник с кинокамерой. Самолет шел над лесами, заливами и пустошами по заранее намеченному курсу бреющим полетом на высоте 50—100 метров. С такой высоты от объектива киноаппарата не мог укрыться ни один зверь. В короткий срок была обследована огромная территория площадью свыше 160 тысяч гектаров. Когда проявили пленку, на ней были отчетливо видны бродившие по заповедным зарослям лесные великаны. По заключению охотников, в Дарвинском заповеднике обитает теперь свыше 500 лосей.

...в полутора десятках километров к западу от Вологды находится деревня Раскопино. Здесь в небольшом бревенчатом доме под тесовой крышей летом 1914 года, отбывая ссылку, жила Мария Ильинична Ульянова с матерью Марией Александровной и сестрой Анной Ильиничной. Ныне в этом доме открыта сельская библиотека. На фасаде его установлена мемориальная доска. Одна из страниц жизни семьи Ульяновых в 1912—1914 годах связана также с домом по Советскому проспекту в Вологде. Владимир Ильич Ленин часто писал родным. Восемнадцать его писем было отправлено по адресу: Вологда, Московская улица, дом Самарина, квартира 3. Письма эти опубликованы в 37-м томе Сочинений Владимира Ильича Ленина.

...во всех больших типографиях нашей страны и за рубежом в настоящее время работают плоскочечатные машины с пневматическими самонакладами. Идею таких самонакладов выдвинул впервые в 60-х годах прошлого столетия вологод-

ский чиновник А. Л. Четверухин. В одном из номеров «Вологодских губернских ведомостей» сообщается о том, что этот изобретатель-самоучка сконструировал «дополнительный аппарат к скоропечатной типографской машине» — специальное устройство для подачи листов бумаги к печатным валам. В результате отпала необходимость в рабочих-накладчиках.

Пытаясь осуществить свое изобретение, Четверухин обратился за помощью в Петербург, в Русское техническое общество. Однако там неодобрительно встретили его предложение. Талантливому изобретателю-самоучке так и не удалось увидеть свой аппарат в действии. Но труд Четверухина не пропал даром. Впоследствии по его идее плоскочечатные машины были реконструированы и оборудованы пневматическими самокладами. Применение самокладов явилось крупным нововведением в полиграфическом производстве.

* * *

...выдающийся художник-баталист наш земляк В. В. Верещагин в 1902 году дважды побывал на Кубе. Собирая материал для новых картин, он много времени провел в Сант-Яго, осмотрел достопримечательности Гаваны и объехал почти весь остров. Свои впечатления обо всем увиденном художник заносил в записную книжку. По возвращении в Россию заметки из этой книжки он опубликовал в газете «Новости». В результате поездок по Кубе Верещагиным сделано много этюдов, набросков и рисунков. Кубинский альбом художника хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде. Отдельные работы, написанные Верещагиным во время дальних странствий, находятся в Таганрогском краеведческом и Николаевском художественном музеях.

* * *

...недавно трудящиеся поселка Чагода отметили 100-летие со времени основания стеклозавода им. Сазонова. Нередко спрашивают, почему этот завод так назван. Кто же такой Сазонов? После революции бывшие владельцы завода вывели из строя стеклоплавильные печи. Предприятие почти бездействовало. Между тем Советской республике был дорог каждый метр стекла. Вот в этот период разрухи опытный печник, уроженец местного края, Денис Сазонов организовал рабочих на восстановление родного завода. Личным примером он увлек своих товарищей на самоотверженный труд. Полуразрушенное предприятие стало оживать. Однако вскоре Денис Сазонов погиб на трудовом посту. Стекловары высоко оценили подвиг рабочего-патриота и решили назвать предприятие его добрым именем.

* * *

ТРУДНАЯ ОПЕРАЦИЯ

(Записки работников милиции)

...Стрелки часов показывали десять вечера, когда подполковник милиции начальник отдела уголовного розыска Сергей Алексеевич Максимов вошел в свою квартиру. Напряженный день дал себя знать. Чувствовалась усталость.

— Приготовь, Августа, что-нибудь, проголодался очень, — попросил Сергей Алексеевич жену.

Пока мылся, жена подала ужин. Но не успел подполковник сесть за стол, как в прихожей раздался резкий и настойчивый звонок телефона. «Что-нибудь случилось», — подумал он и взял трубку.

— Товарищ подполковник! Докладывает дежурный по управлению. Только что поступило сообщение из Сокола. В поселке Печаткино убита врач-терапевт Круглова. Убийца не обнаружен.

Пяти минут хватило, чтобы одеться. В управлении уже все знали о преступлении, и вскоре в кабинете начальника собрались оперативный уполномоченный отдела уголовного розыска Губанов, инструктор служебно-розыскной собаки Булыгин, работник НТО Носков.

— Необходимо срочно выехать в Сокол! — таков был приказ.

Голубая «Волга», разрезая светящимися фарами осеннюю мглу, мчится по тракту Вологда — Сокол. Бесперывно работают «дворники» на ветровом стекле: идет дождь. Мелькают выхваченные фарами названия деревень на придорожных столбах: Прилуки, Маега, Северово, Оларево... Стрелка спидометра дрожит около цифр 80—90...

Через 45 минут «Волга» остановилась возле одноэтажного домика отделения милиции поселка Печаткино. Здесь оперативную группу ждали прокурор города Сокола Ефимов, начальник горотдела милиции Лаптев, дружинники... Лаптев коротко доложил об обстоятельствах убийства врача Ангелины Кругловой.

... Комсомолка Ангелина Сергеевна Круглова родилась и выросла в городе Соколе. Два года назад она окончила медицинский институт и вернулась в родные места. Молодой врач-терапевт стала работать в Сокольской городской больнице № 2. Еще в институте она вышла замуж за студента-медика Круглова. У них родился сын Андрюшка. Жили они дружно, уважали друг друга. Муж Ангелины также работал врачом.

В коллективе комсомолку уважали за доброту и отзывчивость, за хорошее отношение к больным. Молодой специалист была очень работоспособной, обладала всеми качествами, присущими советскому врачу. Летом 1961 года была направлена в город Вологду на курсы усовершенствования врачей. Училась Ангелина очень прилежно. Каждое воскресенье приезжала домой.

Девятого сентября, в субботу, она, как всегда, возвращалась домой из Вологды. В двухстах метрах от дома была убита. Ей было нанесено тринадцать ножевых ран. Опрос очевидцев дал очень мало сведений: убийца догнал Круглову на аллее, напротив клуба Сухонского целлюлозно-бумажного комбината, и нанес ей сзади удар ножом в голову, а затем, сбив с ног, нанес еще несколько ранений. Отбежав от места преступления, неизвестный бросил нож и скрылся. Приметы преступника: ниже среднего роста, худощавый, одет в коричневый пиджак, хромовые сапоги, на голове серая кепи.

— Вот все, чем мы располагаем, — сказал тогда подполковнику Максиму начальнику горотдела милиции.

Оперативная группа вышла на место преступления. По-прежнему лил дождь. На тротуарах лужи, словно озера. Попытка применить розыскную собаку не дала результатов. Пройдя несколько метров, овчарка вернулась обратно. Следы

были размыты осенним ливнем. Один из сотрудников милиции нашел след от обуви преступника, но снять слепок не удалось: дождь. Только нож давал надежду на то, что преступник будет найден. Уверенность в этом усиливала и такая немаловажная деталь: к рукоятке был привязан обрывок брючного ремня, видимо, для удобства держать нож в руке.

— Да, мало, очень мало в наших руках сведений о преступнике, — сказал кто-то из сотрудников.

— Мало, но мы найдем убийцу, мы должны найти его! — сказал Максимов.

И в самом деле, ничтожно мало было данных о неизвестном. Подполковник думал: «За что же убита Круглова, за что?» Десятки всяких догадок вертелись в мозгу.

— Наша надежда — на помощь населения поселка, — сказал Максимов.

И он не ошибся. Срочно был разработан план оперативных и следственных мероприятий. Максимов выдвинул пять версий, которые вытекали из самых сбивчивых сведений, полученных от очевидцев и от осмотра места преступления.

Каковы эти версии?

Во-первых, Круглова могла быть убита из-за мести ворами-рецидивистами, с которыми она встретилась в пути и помешала им сделать преступление. Во-вторых, убийство совершено из-за ревности мужа или молодыми людьми, которых она знала и дружила до замужества. В-третьих, из-за мести, как участковому врачу, отказавшемуся выдать больничный листок на мнимую нетрудоспособность. В-четвертых, комсомолка могла быть убита наркоманами, которым Круглова не дала наркотических веществ. И в-пятых, психобольными, которых она лечила как врач-терапевт.

Эти версии были уравнениями со многими неизвестными. Проверить первую из них Максимов поручил оперативным работникам Губанову и Коптяеву. Тщательная проверка показала, что подозрительных лиц, ехавших с ней в поезде до станции Сухона, не было. На станции Круглова села в автобус и доехала до железнодорожного переезда на дороге Сокол — Печаткино. В беседе шофер и

кондуктор сказали, что рейс шел нормально и никаких эпизодов у Кругловой с пассажирами не было.

Максимов приказал установить, в какой автобус пересела Круглова у железнодорожного переезда. Узнать это было очень трудно, потому что автобусы здесь ходят очень часто.

— Нужно осмотреть карманы пальто убитой — там может лежать билет, — предложил Максимов.

И билет был найден. По его номеру удалось установить и автобус, в котором она приехала в Печаткино. Пассажиры, ехавшие в нем, рассказали, что в автобусе было три молодых человека. На остановке Круглова вышла одна и пошла к дому.

Осталось проверить оставшийся путь Кругловой: от автобусной остановки до места гибели. Встал вопрос: или врач шла через рыночную площадь, или по улице Беднякова? Для ответа на него были мобилизованы все милиционеры и дружинники. Оперативные работники ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, выявляя свидетелей. И, наконец, было установлено, что Круглова шла через рыночную площадь, потом зашла в продовольственный магазин, где купила сахару и печенья. В трехстах метрах от магазина врач была зверски убита.

Первая версия отпадала.

Вторая версия: не убил ли Круглову муж из-за ревности, также оказалась несостоятельной. Ее муж в это время был на работе.

Среди жителей поселка упорно шел разговор, что убийство мог совершить Владимир Капин, знакомый с Ангелиной с детства; слышали, что он угрожал ей однажды расправой за то, что она отказалась с ним танцевать в новогодний вечер, и что в момент гибели Кругловой он был около клуба. При очень тщательной проверке было установлено, что Капин действительно в это время был у клуба и даже подходил к Кругловой. Однако и эта версия не подтверждалась: Капин оказался выше среднего роста, а убийца был ниже среднего.

Одновременно обрабатывались и другие версии. В городе были проверены все наркоманы. Несколько пьяниц сотрудники задержали недалеко от места преступления. Один из них был одет в коричневый пиджак. Но и он оказался вне подозрений.

Прошло два дня. Оперативный состав работал круглые сутки. Как только могли, помогали сотрудникам уголовного розыска дружинники, общественные организации.

На третий день поисков к оперативным работникам пришел бригадир слесарей строительно-монтажного управления Александр Комаров, который был очевидцем гибели врача.

— Убийца по приметам очень похож на Мануила Охлопкова, который несколько лет назад работал в нашем СМУ, — рассказал А. Комаров. — Живет ли Охлопков сейчас в Соколе и он ли убийца — я не знаю.

Проверкой было установлено, что Охлопков живет в Печаткино и работает на Сокольском целлюлозно-бумажном комбинате. Соседи по квартире рассказали, что в субботу он пришел из поселка в очень возбужденном состоянии. На Охлопкове был в тот вечер коричневый пиджак, хромовые сапоги и серая кепи. Оперативные работники узнали, что Ангелина Круглова лечила Охлопкова, дважды была у него на квартире. Соседи рассказали, что он проявлял злобное недовольство врачом и через стенку слышали, как угрожал ей убийством.

С группой сотрудников милиции Сергей Алексеевич Максимов поехал на квартиру к Охлопкову, где был произведен тщательный обыск. И что же? Под кроватью работники уголовного розыска обнаружили обрывок кожи, который был частью ремня, обнаруженного вместе с ножом недалеко от места преступления.

Охлопков был арестован и перед лицом неопровержимых улик признался.

Преступник не ушел от возмездия. И в этом — заслуга не только работников уголовного розыска, но и всей общественности поселка Печаткино.

А. РОМАНОВ СЫНОВЬЯ ЛЮБОВЬ

Вологодское книжное издательство. 1961.

Поэтическая биография Александра Романова начиналась на моих глазах и разворачивалась не так уж легко. Помнится тот день, когда совсем юный первокурсник Саша Романов, волнуясь, читал товарищам, литкружковцам пед-института, свои первые, еще очень неумелые стихи. Среди них не часто мелькали строчки, вроде тех, что так врезались в память Валерию Дементьеву:

А в притихшем поле чисто,
Коленсто на большаке...

Романов и сам видел: «слов для выраженья не хватало». Но уже тогда милые сердцу юноши дали лесного и ржаного северного края нарушили покой, звенели в душе «самой первой, несмелой, но самой душевной строкой». Всех нас, слушавших А. Романова и следивших потом за его ростом, не могла не волновать чистота чувств удивительно непосредственная, трогательная застенчивость, с какой он заговорил о себе, о родной деревеньке Петряево, затерявшейся в глухих бириковских лесах Вологодчины.

И с годами Романов не утратил этой искренне застенчивой и восторженной влюбленности в жизнь. Бережно, не расплескав, он пронес ее через десятилетие. Юношу Романова мне и теперь не отделить от нежно и восторженно воспринимающего мир лирического героя его третьей книги стихов «Сыновья любовь». Под ее сочно зеленой обложкой бьется сердце поэта, влюбленного в свой родной край, в распростертый окрест мир, в который он вглядывается, «рас-

пахнув свои глаза в полнеба». В этом восхищенном взгляде не столько еще мудрой зоркости, сколько полноты чувства.

Поэт восхищенно смотрит, как «моются застенчиво березки, хотя безукоризненно чисты», искренне изумляется, почему к ним даже в самое жаркое лето никак не пристает загар, почему от ярких искр земляники не вспыхивает трава, с грустью вглядывается в огрузшие под осенним дождем кисти на рябинах, и оттого кажется ему, что это «жмутся на ветках чистых красногрудые снегири», озорно радуется первому снегопаду — «у березовой опушки... листья рыжи-ми веснушками на снегу опять лежат».

Как по родной избе, свободно, хозяином ходит поэт по лесу, чутко улавливая шорохи, жадно впитывая запахи, тонко воспринимая многоцветную палитру его красок. Он знает здесь каждую тропинку, каждую просеку, каждое «окно», сквозь которое этот «дом просвечивает весь». С городской площадью сравнивает Романов лесную поляну, на которой, «как памятники лету, чеканной бронзы высятся стога». Могучая поднебесная сосна напоминает ему «трубу кирпичной кладки» с зеленым дымком, а рядом с ней — «побеги свежих сосенок — внучат.., как ежики веселые торчат». Вот «елка зеленой ракетой нацелена в облака», а вот опять сосны-герои «с витыми обнаженными корнями», «опущенными в землю якорями», как бойцы прижаты к реке, — теснятся, падают, но не отступают.

Зорко видит и самозабвенно любит поэт родную природу:

Вновь по нашим северным просторам
Пролетают поезда зимы.
Елки на пути — как семафоры,

Как перроны — белые холмы.
Оставляем город многолюдный,
И под вечер нам издалика
Кочками, усыпанными клюквой,
Кажутся деревни в огоньках...

Александр Романов не бездумно любит земной красотой. Чувства поэта настолько значительны, что сквозь них светится душевная цельность, нравственное богатство, устремленность лирического характера. Его поэтическая мысль активно вторгается в жизнь. Поэт полон раздумий о своем времени, о судьбах матери-земли. В этих раздумьях и встает со страниц «Сыновья любовь» образ нашего современника с его беспокойной душой, ищущей мыслью, в его переживаниях и свершениях. Герой Романова «по молодости не был на войне», но он из тех, кто теперь «с погибшими отцами ровесники почти», что хочет и может смотреть им в глаза «чистым взглядом». Но без грусти он не может вспоминать отцов-хлеборобов, осиротивших землю, лишивших ее счастья щедро одаривать людей,

многострадальных вдов, этих молодых Ярославен сорок третьего года, чья гордая красота им же становилась невмоготу, блекла в слезах и тяжком неженском труде.

Может быть, потому так особенно резко сквозит боль поэта в «Разговоре с матерью». Тяжело сознавать, что «дремучее чувство» — «хоть одна коровка, да своя!», «со своим жила бы молоком» — еще цепко держит познавших трудностей матерей. С ненавистью смотрит сын на сено, принесенное на плечах матери. Не уснуть ему на этом сене до утра, в нем — поблекшие дни матери, затуманенные ее глаза.

Поэт склоняется перед величием народного подвига, перед великой духовной красотой людей нелегкой доли. Не скрывает он и тревоги своего поколения за судьбу родной матери — земли. Уж он то знает, как это его поколение уходило в города, шло, держась за подводы, «мимо рыжих берез, зеленых прудов, мимо крыш, покосившихся от годов». Поэту тревожно и грустно оттого, что его сверстники, прошедшие через города, родных деревенек названье не в сердце хранят — в паспортах. Его не может не волновать судьба русских деревень, жители которых «не взяли билеты обратно», не вернулись в «позабытые эти пристани», широко разбросанные по земле.

Не ради праздного любопытства «бродит следами детства своего» герой лирического монолога «Наша матери». Он хочет глубже понять, как же растеряли сыновья то, что всегда дорого было отцам — тягу к земле. Он вслух разговаривает со сверстниками:

Забываем нередко откуда пришли.
И за башнями домен не видим
земли...

Это доверительное размышление, задушевная беседа со своим поколением возвышает негромкий голос Александра Романова до гражданского пафоса, до призыва звенеть в делах.

Именно так, не зная усталости и покоя, трудятся герои стихотворений Романова, люди негромких фамилий, «запаса рядовые и маршалы труда» — простые труженики земли, хлеборобы, старухи-крестьянки, молодые парни-лесорубы, вытегоры-лесники и девчонки-до-

ярки. Поэта восхищает безыскусственная простота, непосредственность, красота и новизна их чувств. Нелегко порою живет этим людям, но и в трудностях они полны интернациональной солидарности, государственной мудрости, сознания своего долга перед младшими братьями, строящими новую жизнь, высокой ответственности за судьбы страны и мира.

Светлыми красками рисует этих людей Романов. Легко и радостно на душе поэта, когда он среди них. Чистота их нравственных чувств заставляет его гореть нежностью к людям с жестокими отссадни ладонями, с просмоленными судьбами. Здесь подтекстов путанных не любят, «не кирсают язык»:

Уж если скажут — напрямик.
Как будто напрочь елку срубят...

«Не в кудрях аллитераций», не в погоне за модной, крикливой вычурностью сила стиха А. Романова, а в его неповторимо задушевной интонации, в свежести восприятия жизни, в простоте, весомости, правдивости, зримости образов, в их большом эмоциональном заряде.

В новой книге стихов А. Романов решительно отказывается от образов с налетом слащавой красоты, наивной морализации. Не всегда, правда, ему удается отобрать лучшее, загрузить все детали стиха на полную поэтическую мощь. Встречается в них и «пустая порода» — риторика. Словесные неточности, языковые огрехи («тесно», «улка», «курят», «приложь» и др.) то там, то здесь мелькают в стихах и портят лучшие из них.

Ритмически раскованнее, гибче стал стих А. Романова. В нем не только лирическая мягкость, но и озорные огоньки, хитрая лукавинка, емкая, с грустинкой задумчивость. А. Романов никогда не возвышает свой голос до гневного крика. Не громко, но всегда взволнованно, сердечно, порою даже трепетно нежно он несет свое слово светлой любви к людям, сыновней любви к Родине.

В. Гура.

В. ГАРНОВСКИЙ

ПЕСНЯ НАД РЕКОЙ

Вологодское книжное
издательство. 1962.

Виталий Всеволодович Гарновский — один из старейших писателей Вологодчины, — недавно ему исполнилось 60 лет. Начав свою творческую жизнь в литературе стихами (сборник «Море и корабли», 1926 г.), нашел он себя, однако, позднее в прозе. После первой книжки рассказов и очерков «Полесники у костра», изданной в Вологде в 1950 году, В. Гарновский выпустил с тех пор около десяти книг, из которых наибольшую известность получил сборник «Белозерье».

М. М. Пришвин говорил: «... Не вдаль, а возле себя, под самыми руками вся жизнь, и только сам ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть, отводишь глаза свои на далекое прекрасное».

С уверенностью можно сказать, что В. Гарновский находит темы и героев своих произведений «возле себя самого», писательским взглядом всматриваясь в рабочие будни северных деревень и поселков, в жизнь тружеников земли и леса, и это сообщает его рассказам особую достоверность, особый северный колорит. Достаточный пример тому — новая книга писателя, проникнутая пристрастной

любовью к Северу, его простым людям, его суровой природе. Старик-пенсионер Егор, шофер Николай, рабочий-землекоп Окулов, сплавщик Сизов, мастер Петр Иванович — все люди обыкновенные, каких много, и им автор безраздельно отдает свои симпатии, раскрывает их облик тепло и задумчиво.

Несложны, но порой драматичны коллизии, на которых автор строит сюжеты. Вот встречаются на автобусной остановке два сверстника — мужчина и женщина, некогда любившие друг друга, теперь люди семейные, пожилые («Светлячки»). Они отправляют в путь, в большую жизнь своих детей, вспоминают с грустью юность, свои ошибки, приведшие их к разлуке... Вот исконные северяне Люба и Николай рвутся с благодатного юга, потому что нет им места милее и дороже Севера («Журавлиная тоска»). Вот рассказ о том, как кузнец после войны собирал семью, развезянную бурей войны («Кузнецово гнездо»)... Эти и другие вещи сборника В. Гарновского не оставят читателя равнодушным.

В книгу включена повесть «Песня над рекой». Задумана она интересно. В ней всего сильнее ощущается связь автора с современностью. Жаль, однако, что тема повести, идущая от рассказа «Поздняя роса», здесь не нашла дальнейшего своего развития и углубления. Никто не станет отрицать — опыт трудовой вдвойне ценен, если его носителем выступает коллектив. Но, по-моему, нельзя представлять дело таким образом, что носителем этого опыта являются исключительно люди старшего поколения. Молодежь тоже не обижена опытом — своим, разумеется. А действующий в повести директор Крюков, по воле автора, предельно малоопытен, так беспомощен в трудную минуту, что, право, не верится, что он и инженер и руководитель сплавной конторы.

Отрадно, что В. Гарновский не устанет, по-молодому горячо ищет, обогащает художественную палитру новыми красками. Его находки радостны. Круг его героев ширится. Перефразируя его же самого, можно сказать, что В. Гарновский копает там, где подспудно таится живая светлая вода, и ею он, не скупясь, оделяет читателей.

И. Невечерин.

МЫ СТРОИМ КОММУНИЗМ

Вологодское книжное
издательство. 1962.

«Мы строим коммунизм!». Какими простыми и понятными, какими родными и удивительно близкими стали сейчас эти слова для каждого советского человека. Да, мой славный современник, мой товарищ и друг, мой отец и брат создают сегодня то прекрасное, самое совершенное, самое справедливое общество на земле, имя которому — коммунизм.

«Трудно, очень трудно, — пишет в книге старый большевик, участник трех революций Григорий Матвеевич Шаршавин, — найти в наши дни человека, который бы не прикидывал в своих мыслях: чем, каким добрым делом смогу я подкрепить свое вступление в преддверие коммунизма». Какие верные и справедливые слова!

Сборник «Мы строим коммунизм» — это своеобразная летопись интереснейших материалов о наших земляках-вологодянах, это большой и взволнованный рассказ тех, кто был непосредственным участником исторического XXII съезда партии, кто живет и трудится по-коммунистически, кто своим доблестным трудом преобразует жизнь и прокладывает верный путь в будущее.

Герои книги — живые люди. Они рядом с нами, живут и работают среди нас — на фабриках и заводах, на лесных делянках и стройках, в колхозах и совхозах нашей области. Просты и скромны эти люди. В их биографиях нет ничего особенного, героического. И в то же время — это настоящие герои наших дней.

...Мастером огненной профессии называют люди череповецкого доменщика Николая Андреевича Самухина. Как хорошо сказано! Превращать руду, добываемую из недр земли, в металл, ковать людям счастье — в этом нашел свое призвание простой советский человек. Самоотверженный труд на благо Родины сделал его лучшим горновым страны, депутатом Верховного Совета СССР.

А кому неизвестны имена доярки совхоза «Красный Север» Велико-Устюгского района Капитолины Клепиковской и машиниста-тяжеловесника Алексея Алексан-

дровича Уханова, бригадира малой комплексной бригады Белоручейского леспромхоза Виктора Тарасова и директора Рыбангской восьмилетней школы Тамары Алексеевны Королевой... Как не похожи жизненные пути этих людей, различны характеры и профессии, но их объединяет одно, самое главное — горячая любовь к Родине, страстное желание всегда быть на передовой линии строителей коммунизма.

Читатель найдет в книге интересные очерки и статьи о наших «маяках» — передовиках сельского хозяйства и промышленности. С большой теплотой и любовью рассказывают журналисты о доярке колхоза «Заря» А. К. Коничевой, утятнице совхоза «Нефедово» З. А. Ганичевой, о бригадире монтажников треста «Череповецметаллургстрой» М. С. Никитине, шоферах из бригады Владимира Лушика и многих-многих других новаторов и разведчиков будущего.

В очерках и фотографиях, репортажах и стихах, кратких заметках и рисунках сборника во всем многообразии предстает сегодняшней день нашего края.

Книга «Мы строим коммунизм», созданная большим коллективом авторов, поможет читателям еще лучше увидеть и почувствовать бытие нашей жизни.

А. Шорохов.

ПЛЕМЯ СИЛЬНЫХ, ЛОВКИХ И СМЕЛЫХ

Н. ВОЛКОВ

В конце июля 1962 года на стадионе небольшого американского городка Пало-Альто штата Калифорния проходила очередная, четвертая по счету встреча легкоатлетов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Сюда съехались самые сильные спортсмены мира, чтобы еще раз решить — кто кого? До этого все три поединка выигрывали советские парни и девушки. И вот, американцы поставили перед собой цель: взять реванш! Они собрали в Пало-Альто всех прославленных бегунов, прыгунов, метателей, в случае победы сулили им щедрые награды. Одним словом, на карту было поставлено все.

Общественность всего мира с огромным вниманием следила за ходом соревнования «гигантов». Да это и понятно: на калифорнийском стадионе сталкивались интересы не только чисто спортивного порядка. Здесь, в мирном единоборстве встречались представители двух миров — социалистического и капиталистического. Чья возьмет, кто завоеует звание победителей — этот вопрос волновал не только участников матча, десятки тысяч зрителей, но и миллионы людей во всех уголках Земли.

В первый день состязаний американцы набрали 83 очка, советские легкоатлеты — лишь 75. Причин тому было много. Непривычная обстановка, своеобразный климат, дальнее расстояние от Родины — все это сказалось на результатах наших спортсменов. Известно, что при выступлениях немаловажное значение имеет даже такой, казалось бы, совсем мало-значительный психологический фактор — на чьей стороне зрители. Конечно, болельщиков стадиона

нельзя было упрекнуть в полном отсутствии симпатии к советской команде, но большая часть их, естественно, желала победы своим землякам.

В начале второго дня встречи было ясно одно: наши легкоатлеты отстают. Им требовалось во что бы то ни стало догнать противников и опередить их. Вот почему уже с самого раннего утра в секторах и на гаревых дорожках стадиона началась упорнейшая борьба за доли секунды в беге, за каждый сантиметр в прыжке и метании снарядов. К полудню советские легкоатлеты уже «поджимали» американцев в счете. Еще два-три успешных выступления, и желанная цель будет достигнута!

Около шестнадцати часов по московскому времени на линию старта вышли участники бега на 3000 метров с препятствиями. Их было четверо. Нам, вологжанам, особенно приятно отметить, что в числе сильнейшей четверки мира по этому виду спорта находился наш прославленный земляк Николай Соколов. Среднего роста, немного щупловатый на вид, с открытым добродушным лицом, он неторопливо снял тренировочный костюм и, улыбаясь, сказал своему другу Владимиру Евдокимову: — Вот настал и наш черед, померяемся силами с американцами... Надо их обойти... Иначе нельзя...

Рядом заняли дорожки Дж. Янг и П. Трэйнор. По сигналу спортсмены отправились в нелегкий далекий путь. Им предстояло пробежать семь с половиной кругов.

На каждом из них надо было перепрыгнуть пять барьеров и преодолеть яму, наполненную водой...

Бег на эту дистанцию считается одним из наиболее «сложных» видов спорта. Тот, кто занимается им, должен быть не только хорошим бегуном, но и ловким, смелым прыгуном, у него должны быть исключительная выносливость, умение рассчитывать свои силы и, конечно, сильная воля к победе.

...Первый круг четверка пробежала почти одновременно. Спортсмены словно изучали друг друга, приглядываясь к технике и тактике бега. На втором круге вперед выдвинулся Соколов. За ним вышел и Евдокимов. Третьим держался Янг, бег замыкал Трэйнор. Примерно в таком порядке они прошли основную часть дистанции. Когда до финиша осталось около семисот метров, Николай резко усилил бег. На этом решающем отрезке он решил «выложить» все свои силы и оторваться от соперников. Дж. Янг тоже ускорил шаг, обошел Евдокимова. Зрители поднялись с мест и криками начали подбадривать своего земляка. Над стадионом стоял невообразимый гул, но Соколов ничего не слышал. Весь его разум, вся воля были сосредоточены на одном: быстрее вперед, не уступать первенства — нужна победа, и только победа!

Под громовой рев зрителей он первым пересек заветную линию. Вторым финишировал Дж. Янг, третьим П. Трэйнор. В. Евдокимову не повезло: он споткнулся и оказался сзади всех. Вскоре судьи объявили результат. Наш земляк пробежал дистанцию за 8 минут 42,3 секунды, выиграл у американца 2,4 секунды и завоевал звание

победителя. Через несколько минут в торжественной обстановке ему была вручена памятная медаль в честь встречи легкоатлетов двух стран в Пало-Альто.

Успех Соколова принес советской команде пять очков и окончательно закрепил победу над американцами. Наши спортсмены набрали в этом труднейшем матче 173 очка, а американская команда — 169 очков. Так советские легкоатлеты в четвертый раз стали победителями традиционной встречи с командой США, подтвердив славу сильнейших в мире.

Мы вправе гордиться ими, и вдвойне гордимся заслугами Николая Соколова. Это наш, вологодский парень, выросший на наших стадионах, в коллективе физкультурников железнодорожного узла.

Когда-то Николай увлекался футболом, потом стал лыжником, а с 1954 года начал бегать на средние дистанции. Настойчивый в достижении намеченной цели, до крайности трудолюбивый, он работал столяром стройдвора в Дорстрое Вологодского отделения дороги и не переставал тренироваться. Соседи, друзья по учебе и работе нередко удивлялись его упорству, выносливости. А она-то и вывела Николая в большой спорт.

Вскоре Соколов стал чемпионом области и Северной железной дороги в беге на 800, 1500 и 5000 метров, а также на 3000 метров с препятствиями. Его зачислили в состав сборной команды легкоатлетов Российской Федерации, предоставили право выступать на крупнейших состязаниях страны. Сейчас трудно перечислить, в каких всесоюзных и международных встречах участвовал он. В 1957 году на лично-командном первенстве страны, проходившем на Московском стадионе имени В.И. Ленина в Лужниках, Николай выполнил норму мастера спорта СССР в беге на 3000 метров с препятствиями.

В смысле спортивных успехов для Николая Соколова был особенно «урожайным» 1960 год. В мае на Тульском стадионе во время матчевой встречи с физкультурниками Польши он установил новый всесоюзный рекорд, пробежав свою, теперь уже «коронную» дистанцию за 8 минут 32,4 секунды.

Два месяца спустя, на первен-

Н. Соколов.

стве Союза среди легкоатлетов в Москве, наш земляк завоевал звание чемпиона страны, золотую медаль и право участия в XVII Олимпийских играх.

19 августа в составе советской команды он вылетел в Рим. Известно, что спортсмены нашей страны там показали свое блестящее мастерство и были сильнейшими среди всех. Отличился и Николай Соколов. В борьбе за звание олимпийского чемпиона на дистанции 3000 метров с препятствиями участвовали 48 легкоатлетов многих стран мира. Николай финишировал вторым, уступив место лишь чемпиону мира польскому бегуну Э. Кишквяку.

С тех пор имя Николая Соколова прочно вошло в списки сильнейших спортсменов мира, его слава облетела многие зарубежные стадионы. В том же году он выступал в Осло, в Стокгольме, в Пекине и Гуаньчжоу. В следующем году ему аплодировали зрители Женева и Берлина, а в 1962 — англичане и вот — американцы... Наш земляк всюду с достоинством защищает спортивную честь Родины, добываясь все новых и новых побед.

Сейчас Николай находится в расцвете своих сил, и можно надеяться, что он еще не раз блеснет своим мастерством.

Отрадно отметить, что вместе с Николаем Соколовым на стадионе в Пало-Альто выступала другая наша землячка — заслуженный мастер спорта СССР, прославленный легкоатлет мира Вера Крепкина. Многие воложане помнят, как лет десять тому назад, она (тогда еще Калашникова) училась в железнодорожном техникуме, тренировалась на стадионах «Динамо» и «Локомотив», участвовала в городских и областных соревнованиях.

Вера была любимицей зрителей. Она быстро бегала короткие дистанции, хорошо прыгала в длину. В нашей области ей вскоре не было равных. Потом ее узнали на стадионах Ярославля, Ленинграда, Москвы. Способную спортсменку включили в состав сборной команды легкоатлетов Российской Федерации, а затем — и сборной Союза ССР. Победы следовали одна за другой.

Из Вологды Вера переехала в Киев, обзавелась семьей. Но тогда не забросила спорт. По-прежнему выступая на крупнейших соревнованиях, она установила новый рекорд СССР в беге на 100 метров, неоднократно завоевывала звание чемпионки страны. На XVII Олимпийских играх в Риме Калашникова — теперь уже Крепкина — первой среди советских легкоатлетов завоевала Золотую Олимпийскую медаль. Она прыгнула в длину на шесть метров тридцать семь сантиметров. Это превышало олимпийский и официальный мировой рекорды. В честь победы Веры на флажке Олимпиады был поднят государственный флаг Советского Союза и исполнен гимн нашей Родины.

Совершив свой изумительный прыжок, Вера в официальном заявлении для прессы и радио передала горячий привет воложанам. Она от души благодарила их, и особенно физкультурников райсовета общества «Локомотив», которые помогли ей полюбить спорт и встать на путь к мастерству.

Коммунистическая партия, Советское правительство высоко оценили спортивные заслуги нашей землячки. Возвратившись из Рима, она участвовала на приеме в Кремле, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1960 года была удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина. Этим же

В. Крепкина.

Указом Н. Соколов награжден орденом «Знак почета».

Вера Крепкина (Калашникова) и поныне продолжает выступать в составе сборной команды легкоатлетов СССР, умножая спортивную славу нашей любимой Родины.

А кто в мире не знает знаменитую «королеву» ледяных дорожек мастера спорта СССР Тамару Рылову! Еще совсем недавно слава о ее блестящих победах облетела все уголки Земли, ее портреты печатались во всех крупнейших газетах и журналах самых различных стран. А ведь Тамара тоже наша — вологодская, выросшая на здешних стадионах.

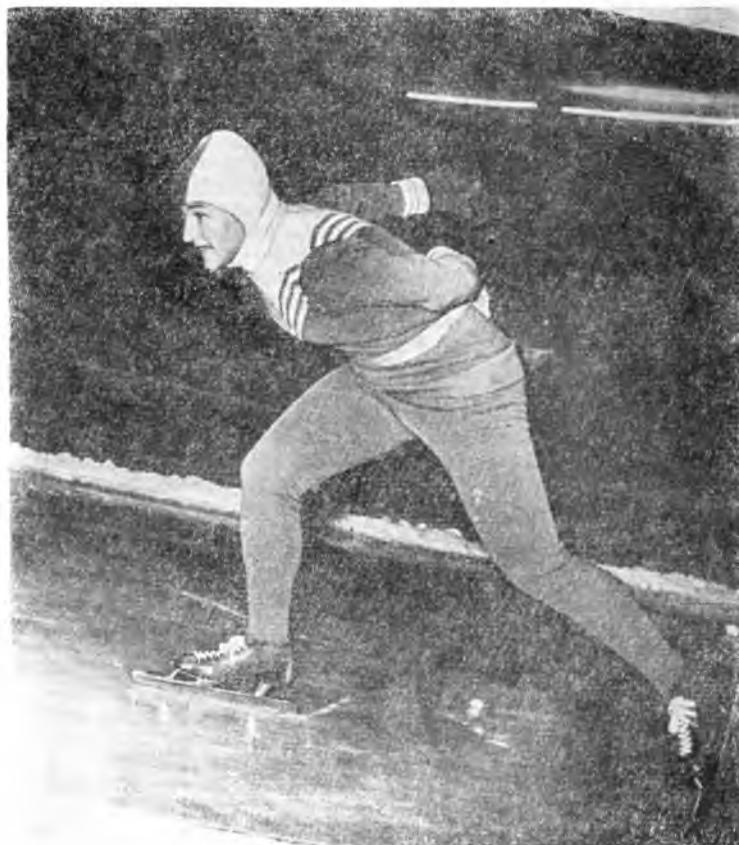
Свои первые шаги в спорте она начинала с того, что вместе с ребятами-подростками на реке Вологде играла вперегонки. На стареньких коньках «снегурках», привязанных к валенкам веревками, она обгоняла почти всех и первой прибегала к «финишу». Потом, по совету старших товарищей, Тамара пришла в конькобежное отделение городской спортивной школы. Тогда им руководил ветеран спорта, заведующий кафедрой физического воспитания пединститута Михаил Степанович Кузьмич. Он-то и стал ее первым тренером-наставником, привил девушке любовь к спорту, научил мастерству конькобежца.

Отсюда, с вологодских ледяных дорожек, начала Тамара Рылова свой путь в большой спорт, к всемирной славе. Обладая исключительным упорством и волей к победе, тренируясь круглый год и перенимая опыт ведущих скороходов страны, она вскоре стала абсолютной чемпионкой области, а затем завоевала первенство Центрального Совета бывшего общества «Искра», ВЦСПС и Российской Федерации. Глубокой осенью 1951 года, на высокогорном катке близ Алма-Аты наша землячка выполнила норму мастера спорта СССР.

С тех пор Тамара Рылова шла по пути побед. В феврале 1953 года она блестяще защищала спортивную честь нашей Родины на X Всемирных студенческих играх, которые проходили в Вене, на катке «Айс ревию». Тамара выиграла бег на дистанциях 500 и 3000 метров, была второй на дистанции

1500 метров и стала победительницей игр.

А через два года Тамара завоевала звание абсолютной чемпионки страны. В январе 1955 года, на высокогорном катке близ Алма-Аты, ей выпала честь участвовать на традиционных соревнованиях конькобежцев на приз Совета Министров Казахской ССР. Туда собрались не только сильнейшие конькобежцы страны, но и выдающиеся спортсмены Венгрии, Польши, Чехословакии, Румынии и Германской Демократической Республики. На дистанции 500 метров Рылова финишировала с результатом 45,6 секунды, побив на 0,8 секунды мировой рекорд, установленный восемнадцать лет назад норвежской спортсменкой Л. Шоу-Нильсен! С той поры все женские рекорды мира по конькам стали принадлежать советским спортсменкам.

Т. Рылова.

А. Шестерин.

В результате выполнения всех видов программы малого многоборья Тамара набрала 195,433 очка. Такого в истории конькобежного спорта еще не бывало. Вологжанке присудили приз Совета Министров Казахской ССР.

Через несколько дней на этом же катке начались соревнования на личное первенство страны. В их программе — большое многоборье, интересная и упорная борьба за почетное звание чемпиона СССР. Наша землячка и здесь была первой. Она продемонстрировала высокое мастерство бега как на коротких, так и на длинных дистанциях. На ее счету было зафиксировано 203,920 очка, что значительно превышало официальный мировой рекорд по большому многоборью. Тамаре было присвоено звание абсолютной чемпионки страны.

В том же году Рылова поступила учиться в школу тренеров при Ленинградском институте физкультуры имени Лесгафта. Да это и понятно; достигнув невиданных результатов, она решила не держать при себе секреты успехов, а передавать свой богатый опыт молодой смене конькобежцев. Со всей страстью взявшись за учебу, Тамара по-прежнему усиленно тренировалась, принимала участие во многих соревнованиях.

Наступил 1959 год, принесший вологжанке новые победы, всемирный почет и славу. В феврале в

Челябинске 26 сильнейших мастеров ледяной дорожки оспаривали звание чемпиона Советского Союза. Самой быстрой среди них опять оказалась Тамара Рылова. Она выиграла бег на дистанциях 500 и 1500 метров, второй финишировала на 1000 и 3000 метров и вновь стала чемпионкой страны. Ей вручили три золотых медали.

Спустя несколько дней в Свердловске открылся очередной семнадцатый чемпионат мира по скоростному бегу на коньках среди женщин. В соревнованиях принимала участие и Тамара Рылова. На 500-метровой дистанции она бежала в первой паре с китайкой Лю Фэн-жун и финишировала с результатом 47,5 секунды. Немного позднее это время повторила Софья Кондакова. Чемпионка страны успешно выступала и на второй день чемпионата. По сумме очков многоборья Тамаре Рыловой присваивается звание абсолютной чемпионки мира. Под звуки государственного гимна Советского Союза нашу землячку увенчали лавровым венком, ей вручили золотые медали.

Пятого марта в Вологде состоялись финальные соревнования четвертой Всесоюзной зимней спартакиады профсоюзов и лично-командное первенство СССР среди мужчин по конькобежному спорту. Вологжане тепло встречали участников этих больших состязаний, но особенно радушный прием устроили Тамаре Рыловой. На вокзале собралось несколько тысяч человек. Вспыхнул митинг. Дорогую гостью приветствовали спортсмены, представители партийных и комсомольских организаций, юные пионеры. В ответном слове Тамара от души поблагодарила земляков за радушную встречу и заверила их, что и впредь будет повышать свое мастерство, также упорно защищать спортивную честь своего родного древнего города и страны.

Прославленная спортсменка осталась верна своему слову. В последующие годы она еще не раз выходила с победой на крупнейших соревнованиях в стране и за рубежом, неизменно выступая в составе сборной команды сильнейших скороходов Советского Союза.

Закончив школу тренеров, Тамара Рылова поступила в институт имени Лесгафта и сейчас продолжает там учиться.

Вологжане, спортивная общечность всей нашей области по праву гордятся Николаем Соколовым, Верой Крепкиной и Тамарой Рыловой, получившими всемирную известность. Все они выросли в городских коллективах физкультуры, отсюда вышли на широкую дорогу к мастерству, славе и почету. Их успехи, выдающиеся достижения тесно связаны с общим развитием физкультурного движения в стране и области. Сейчас в нашей области насчитывается 120 тысяч физкультурников, объединенных в 982 коллектива. Среди них десятки тысяч спортсменов-разрядников и тридцать один мастер спорта СССР.

Любопытно отметить, что первым мастером спорта СССР среди вологжан была Евфалия Васильевна Желтухина. Это звание она завоевала в 1939 году, являясь членом добровольного спортивного общества «Спартак». В то время Евфалия Васильевна работала в Вологодской трикотажной артели и считалась сильнейшей лыжницей области. На городских, областных и республиканских соревнованиях она трижды показала время мастера спорта на десятикилометровой дистанции. Сейчас Желтухина плодотворно трудится в гарнизонном госпитале.

Вслед за ней это почетное звание завоевал выдающийся конькобежец, ныне заслуженный мастер спорта СССР, государственный тренер Константин Кудрявцев. Можно без ошибки сказать, что он вырос на катке парка культуры и отдыха паровозо-вагоноремонтного завода. В свое время К. Кудрявцев являлся сильнейшим легкоатлетом страны, несколько лет подряд был рекордсменом СССР по легкоатлетическому пятиборью. А в 1940 году на московском стадионе «Динамо», в невероятный снегопад, он пробежал пятисотметровку на коньках за 42 секунды. Это был новый рекорд Европы, который продержался много лет.

С каждым годом становилась популярнее среди народа физкультура.

Набирались сил, крепились первичные коллективы на промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах, в учреждениях и учебных заведениях области, полнокровней становилась жизнь спор-

тивных секций. В городах и селах круглый год стали проводиться массовые соревнования физкультурников. Здесь формировались сборные команды, выявлялись наиболее способные спортсмены. Быстро пополнялась семья мастеров спорта. За последние годы это почетное звание завоевали штангист Анатолий Левинский, гимнастка Маргарита Кокурина, конькобежец Виктор Румянцев, лыжники Инна Шаткова и Василий Холцагин, мотоциклисты Владимир Федоров и Сергей Рычков, стрелок Алексей Голубев и многие другие.

Немало вологодских мастеров спорта сейчас трудятся в различных городах и селах страны, продолжая успешно выступать. Тренером детской спортивной школы в городе Горно-Алтайске работает бывший вологодский горнолыжник Валентин Махов, в Советской Армии служит череповчанин Виталий Соколов, в Грузии широко известно имя нашей землячки лыжницы «Спартака» Капитолины Кругловой.

Наши мастера спорта неустанно готовят себе достойную смену. Почти все они воспитывают молодых спортсменов, заботливо передавая им свой опыт. В этом важном деле настоящим энтузиастом является Алексей Егорович Шестерин. Вот уже десять лет он работает тренером по лыжам в детской спортивной школе Вологодского райсовета добровольного спортивного общества «Локомотив». Прекрасный практик и способный педагог, за эти годы Алексей Егорович подготовил около пятисот спортсменов-разрядников. Они по праву считаются сильнейшими как в области, так и на Северной железной дороге. Среди воспитанников Шестерина имеются три мастера спорта СССР — Ольга Мозокина, Виктор Волков и Тамара Аристова. Прекрасная смена!

С каждым годом растет, становится сильнее физкультурная организация нашей области. В ее рядах воспитываются новые чемпионы и рекордсмены, активные строители коммунизма. Пожелаем им и впредь хороших стартов и удачных финишей.

АВТОРЫ ДВУХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Кто из нас не знает высокопатриотического, проникнутого беспредельной любовью к отчизне стихотворения «Родина», ставшего народным:

«Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья.
Это — русская сторонка,
Это — родина моя...»

Стихотворение стало песней, ее часто исполняют на эстраде, передают по заявкам радиослушателей.

Есть и другая народная песня — воспоминание о погубленных тяжелой жизнью и водкой людях:

«Правая, левая, где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна...»

Обе песни — и патриотическая и печально-бравурная — созданы в дореволюционное время поэтами-вологжанами, уроженцами Севера — Ф. П. Савиновым и В. И. Сиротиним.

Тяжела была жизнь обоих поэтов.

Феодосий Петрович Савинов родился в шестидесятых годах прошлого века в гор. Тотьме Вологодской губернии, в семье мелкого уездного служащего, учился в губернской гимназии, но за неимением средств полного курса не закончил. После служил чиновником в губернском правлении, за «пасквильные» стихи и «крамольные» мысли уволен с волчьим билетом. Поэт принужден был заниматься различной работой в столице и в провинции. С 1885 года стихи Савинова появились в «Русской мысли», «Русском обозрении» и других периодических изданиях. В 1889 году Ф. П. Савинову удалось издать в Вологде сборник стихотворений, проникнутых мечтами о служении народу. Стихотворение «Родина» тогда носило название «Родное».

Савинов скончался в полной безвестности и крайней нужде в Вологде осенью 1915 года.

Другой поэт, Василий Иванович Сиротин, был вологодским семинаристом. Его молодость сов-

пала с демократическим подъемом шестидесятых годов. В стихотворениях поэта-семинариста высмеивался буржуазно-чиновничий быт вологодских торговцев, начальства и духовенства, весь уклад тогдашней затхлой провинциальной жизни. Произведения юного поэта «Друзья, свобода наша пала», «Улица, улица, ты, брат, пьяна», «На докладе у сатаны» и другие были широко известны в списках. Одно из самых гротескных сатирических произведений Сиротина — «На докладе у сатаны». В нем рассказывается, как сатана, восседающий в аду на троне, принимает доклады от чертей со всех концов империи, в том числе и от вологодского черта.

Ненавидимый вологодскими властями, В. И. Сиротин был послан священником в глухомань, «к зырянам» (нынешняя Коми АССР). Жена Сиротина, полуграмотная дочка просфорни, сжигала рукописи мужа, волостной урядник писал на Сиротина доносы. Поэт с горя записал, а после смерти жены решил отправиться в страну Франклина, в США. Но долларовая республика не понравилась поэту, и он вернулся на Родину, где был заточен в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Сырая келья, церковные службы, иезуитский надзор отца игумена, плохая пища — все это окончательно подорвало здоровье Сиротина.

С горечью бедняк писал:

«Живу на Каменном у Спаса,
Приют мой ныне — монастырь,
Весь скарб мой — сапоги да
ряса,

А библиотека — псалтырь».

Однажды ночью старик-поэт, отвязав от причала рыбацью лодку, бежал из монастыря. Следы его затерялись, и где он нашел свой конец, неизвестно...

Такова печальная судьба двух талантливых поэтов-северян, раздавленных тяжестью и равнодушием эпохи самодержавия.

Вл. Железняк.

ПИСЬМА А. И. КУПРИНА к Ф. Д. БАТЮШКОВУ ИЗ ДАНИЛОВСКОГО

В архиве Института русской литературы в Ленинграде хранится собрание писем одного из замечательных русских реалистов Александра Ивановича Куприна к Федору Дмитриевичу Батюшкову. Многие письма связаны с Вологодским краем.

С 1906 по 1911 год А. И. Куприн несколько раз приезжал в Даниловское на довольно продолжительное время. Он бывал здесь и зимой, и летом, и весной, и осенью. Писателю спокойно работалось в сельском уединении. Здесь Куприна не отвлекали докучливые петербургские друзья.

В самом Даниловском и в Устюжне писатель наблюдал и изучал нравы помещиков, крестьян, уездного населения, что давало пищу его воображению и творчеству. Бывал Куприн и на реке Кесьме, недалеко от Даниловского.

С Ф. Д. Батюшковым Куприна связывали деловые и личные, дружеские отношения. Ба-

тюшков был редактором журнала «Мир божий», который принадлежал первой жене Александра Ивановича Марии Карловне Куприной-Иорданской. Поэтому в письмах обсуждались чисто редакционные проблемы — план очередного номера, ход подписки, литературная ценность присланных произведений.

В письмах Куприна содержатся интересные сведения, проливающие свет на историю создания и опубликования некоторых произведений — «Суламифь», «Изумруд», «Поединок», «Яма» и других. Переписка писателя многое объясняет и в его мировоззрении периода реакции, помогает уяснить сущность его колебаний в то время, когда он ушел из-под влияния А. М. Горького. Рассуждения о власти, о собственном «я», даже о любви раскрывают идейную противоречивость Куприна, так явно обнаружившуюся после первой

русской революции. В то же время письма свидетельствуют о сочувственном отношении писателя к народным волнениям 1905—1907 годов, волны которых докатились и до таких глухих углов, как Устюжна и Даниловское.

Куприн раскрывается перед нами в письмах к Ф. Д. Батюшкову как труженик, критик, философ, тонкий юморист, как человек, любящий людей и боготворящий жизнь во всех ее проявлениях, как нежный отец и верный друг, как страстный охотник и рыболов, влюбленный в голоса природы, в ее запахи и цвета.

В настоящей подборке приводятся письма А. И. Куприна к Ф. Д. Батюшкову из Даниловского, написанные в период с 12 мая 1906 года до весны 1908 года. Из писем исключены некоторые места, не представляющие интереса.

И. Гура.

[12.V.1906 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич,
у Вас здесь великолепно. Низко Вам кланяемся и благодарим. Реку ишу второй день, но не могу найти. Впрочем не отчаиваюсь.

[...] Внизу цветет сирень, в саду кричат птицы, — чудесно. [...]

Жму Вашу руку.

Ваш А. Куприн.

[18.V.1906 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич,
ваши доброта и внимание меня совсем уничтожили. Право, я даже теряюсь — чем и когда я их возьму. Ружье я получу послезавтра и для начала перебыю всех дроздов в Вашем парке. Но 30 рублей за ружье я Вам все-таки должен. Это решено окончательно. Иначе М[ария] К[арловна] будет сердиться.

23.V.1906 г.

Приезжайте-ка сюда поскорее. На пруду, что за скотным двором, я из Вашего материала своим... [неразборчиво] устроил купальню, с длинными мостками на ней, а вместо стен оплел ее березовыми ветвями. Вышел премилый островок посередине пруда. А для себя я завел душ—буду обливаться в бане.

Также наладилось у нас с мясом, пивом и прочими прелестями. Словом—все образовалось. Теперь у меня остановка только за работою. Я хотел было начать с небольшого рассказа, но скучно мне писать мелочишки. И вот я принимаюсь за большущую повесть. Листов 12 я думаю из нее выдать. И думаю ее непременно, если она задастся, отдать «Мирю божьему». Хотя предупреждаю: будет она очень нескромна¹⁾.

В субботу мы купим лошадь, а также возьмем напрокат шарабан в Устюжье. Это все будет стоить пустяки, а лошадь покормится и потом ее можно будет продать с барышом даже.

Вчера я ездил в Высокий лес с управляющим. Там чудесно. Миллиарды ландышей. Огромные кулики, каких я никогда в жизни не видал. Они даже парят в воздухе, держа крылья неподвижно несколько секунд. Говорят, есть там также рябчики, тетерева, бекасы и утки. Я с лесником Иваном уже подружился.

Очень прошу Вас и еще об одолжении, Федор Дмитриевич. Мне для повести очень нужно какое-нибудь стихотворение Бодлера или Верлена или другого из декадентов и символистов, но непременно очень яркое по форме и оригинальное по содержанию. Нужны мне, собственно, *только две строчки* начальные на французском, а остальное—самый близкий, построчный, пословный перевод, чем неуклюжее, тем лучше. Не сделаете ли Вы этого для меня, добрейший Федор Дмитриевич?

Жена и дочь шлют Вам поклон. Я крепко, крепко жму Вашу руку. Приезжайте!

Ваш А. Куприн.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Пощадите!

Вы положительно изливаетесь на нас дождем из ружей, экипажей, консервов, конфет, бисквитов и т. д. Мария Карловна делает мне за это сцены*). А я все думаю: вот Вы из-за нас разоритесь, будете жить в одной комнате наверху 6-этажного дома под железной крышей**), будете готовить себе сами обед на керосинке и вести дела литературного фонда при свете стеаринового огарка. Даниловское перейдет в руки лавочника Образцова из с. Никифоровского. Пруды заглохнут, парк вырубят. И все это из-за Вашей бесконечной любезности.

Нет, Федор Дмитриевич, будемте умереннее и бережливее. Очень Вас прошу об этом.

Сегодня была у нас б-сса И. П. [неразборчиво] с сестрой и прыщавым племянником-лицеистом. И. П. обворожительная женщина из консерваторок (кажется, так?), крайняя правая, безапелляционная, задорная, очень изящная, несмотря на некоторую резкость, высокого роста, рыжеватая, породистая, с красивыми ноздрями. [...]

Они застали нас одичалыми, растолстевшими от деревенского воздуха и деревенского молока, вялыми, сонными, почти разучившимися говорить, распоясавшимися от жары и от лени.

Приезжайте, пожалуйста, дорогой Федор Дмитриевич, [...] но только на более долгий срок. И только, очень умоляю Вас об этом, без даров. Кончится тем, что мы с женой рассердимся и вдруг сразу пришлем Вам фортепьяно, фребелевский бильярд, лаунтеннис, телескоп, *pas des geouts*, автомобиль, и все это—наложенным платежом!!! [...]

Ваш А. Куприн.

Июнь 1906 г.

[...] Теперь о нашей полемике. Может быть, я неверно выразился, употребив

*) При чем здесь я?

**) Ход через жильцов.

¹⁾ Речь идет, видимо, о «Яме» (И. Г.).

слово «власть». У меня не было другого слова. Я думал о власти, радостно приемлемой всем миром, о власти вдохновения, изобретательности, глубокой мысли, тонкого искусства, красоты, смелости и самоотверженности в труде и в науке. Это власть того прекрасного будущего, о котором мечтаем мы, анархисты-философы, индивидуалисты-аристократы. Если же большинство, чернь хочет быть только сытой и носить прочные сапоги, то, конечно, мы дадим их ей. Но раньше главное и в сто раз необходимее возвеличить личность и ее, мною уже упомянутую, власть. Я говорю кратко, но если Вы находите, что я себе противоречу, я могу эту мысль расширить хоть до величины целого тома.

Ваш всем сердцем А. Куприн
и М. Куприна.

Июль 1906 г.

Дорогой Федор Дмитриевич!

Телеграмму Вашу я передал через прислугу Шредеру. Два дня прошло с этих пор, но он безмолвствует. Объясняться с ним лично я считаю ненужным. Однако он стал к нам, хотя и за кулисами, но несколько внимательнее. Очевидно, телеграмма его проняла, а самолюбие мешает ему совершить публичное покаяние. Весьма вероятно, что больше драться он уже не будет. Мне даже кажется, что если он улучшит пищу рабочих, то можно считать все происшествие с его последствиями исчерпанным. Жене его лучше, температура нормальная, и дело обойдется без операции.

Льет дождик вот уже третий день, не переставая. Я переписываю второй рассказ. Все наши шлют Вам сердечный привет. Я жму крепко Вашу руку.

Ваш А. Куприн.

1906, июль-август.

Дорогой Федор Дмитриевич, исполняются мои пророчества. Добрый, старый, верный, патриархальный, простодушный, доверчивый, кроткий, тер-

пеливый, глубоко христианский русский народ начал говорить свое слово в истории без разрешения Родичева.

Короче:

Чудная история

— Устюжна горит..,

как пели в 70-х годах в «Боккаччио». И горит два дня подряд. Сейчас идет проливной дождь и, может быть, дело обстоит лучше, но вчера и третьего дня по вечерам пылало так, что из Тристёнки было видно. 16 человек поджигателей поймано, из них трое на месте преступления. Вчера я встретил по дороге к [неразборчиво] урядника, и он говорил мне со злорадной усмешкой, очень многозначительно:

— Вы думаете эти индивидуи, которых забрали, виноваты? Не-е-ет! Мы знаем, откуда это идет.

И вдруг совсем нелогично прибавил:

— А вот, ваше б[лагород]ие, я все не смел Вас беспокоить насчет паспортов. Как теперича строго..

Тогда я на него взревел:

— А кто у нас губернатор?

Он опешил. Забормотал что-то вроде: «его сиятельство... его сиятельство... как его бишь — Юрген». Я величественно удалился.

Без Вас, Федор Дмитриевич, очень стало скучно. Вы нас всех взвинчивали. Я в Ваше отсутствие распустился, и меня все упрекают, отчего я не держусь так, как при Вас. И в самом деле, отчего бы Вам, Федор Дмитриевич, не приехать недели на 3—4? Журнал ведь учреждение незыблемое, и только Ваша щепетильность заставляет Вас быть так постоянно на страже его интересов. Между тем это дело божие, и растет оно, как трава, само по себе. Дело другого рода, если бы его сделать органом теоретического анархизма...

Теперь о любви. Я раньше всего скажу, что никаким афоризмом этого предмета не исчерпать. Одинаково правы и святые [неразборчиво], видевшие в ней ловушку гнусного характера, и сентименталисты, почитавшие ее за дар небес, высшую отраду, и лакомки, учившие наслаждаться ею с расстановкой. Она заслуживает или гимна, или анафемы, но и то и другое

1907 или декабрь 1906 г.

индивидуально. Правы [...] и говорящие, что для любви нужен особый талант, как для музыки, живописи, скульптуры, пения, стихотворства, и что любить позволено в сущности только избранным. Идеальная любовь лакея смешна, между тем, как даже самые чувственные проявления любви у избранных могут быть прекрасны. Но избранному вовсе не нужно обладать творчеством и даже умом, однако, вдохновением необходимо.

Лучше всего определение математическое: любовь это вечное стремление двух равных величин с разными знаками слиться и уничтожиться (прибавлю от себя --- в сладком безумии). Когда Вы говорите $+1$ и рядом думаете о -1 , то не чувствуете ли Вы между ними какого-то неудержимого безумного тяготения? Но глубочайшая тайна любви именно и заключается в том, что в результате получается не 0, а 3.

Любовь — это самое яркое и наиболее понятное воспроизведение моего Я.

Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в голосе, не в красках, не в походке, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви. Ибо вся вышеперечисленная бутафория только и служит что оперением любви. Все в ней и все для нее. Человек, погибший для любви, погибает для всего, кроме уважения(?) потомства. И любовь так отпечатывает в себе всю личность человека, что... дети похожи на родителей.

Что же такое любовь? Как женщины и как Христос я отвечу вопросом: А что есть истина? Что есть время? Пространство? Тяготение?..

Но для того, чтобы за одной из деталей скрыться от целого, и у меня есть афоризмы:

Любовь похожа на цветы: только что сорванные — они благоухают, но на завтра их надо выбросить.

Или: Больше, чем все другое в мире, любовь заключает в себе полюсы уродства и красоты.

Или: В любви бесстыдство и стыдливость почти синонимы. И т. д.

Предоставляю Марии Карловне слово из боязни заболтаться.

Ваш душевно А. Куприн.

Дорогой Федор Дмитриевич, спасибо за все. Я чувствую себя недурно, хотя молчание Марии Карловны — или, что все равно, ее коротенькие бессодержательные записочки — меня немного волнуют и беспокоят, и я не могу приняться за работу. На охоте [неразборчиво] мы убили всего восемь зайцев; из них я — трех русаков. Лосей не было, благодаря ужасной погоде. Я немного простудился — ангина.

Напиши мне, прошу тебя, о Марии Карловне. Ты знаешь все, что меня интересует. Потому что я, вопреки моим героическим решениям, уже тоскую и скулю. В Даниловском мне все-все напоминает лето, и ее, и Люлюшку. Ты ведь понимаешь всю горькую сладость и неисходную тихую печаль этих воспоминаний.

[...] Фонарь и все прочее получил. Я давно тебе говорил, но ты меня не слушался, и я по пассивности уступал, что меня тяготит, что ты так мне много делаешь подарков. Ведь я тебя люблю хорошо и искренно, и поэтому лучше бы ты не делал мне конфуз [...].

Брюсов прислал мне стихи и отличные. Ради Бога повлияй на редакцию, чтобы их приняли. Я их завтра пересылаю в Спб.

Рамы мне еще не вставили. Сегодня буду ругать Федора всеми гнусными словами, которые доступны моему воображению и знакомы русскому лексикону [...]

Целую тебя. Твой сердечно
А. Куприн.

[5. 1. 1907 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич!
[...] Живем скучно. Я кое-что пишу. Написал для «Тропинки» детский рассказ «Слон». Пишу теперь для «Мира божьего». Встречали Новый год, с которым поздравляю тебя и Дмитрия Николаевича, у Третьяковых. Никто не был, кроме их семьи, [...], но зато было 8° в комнатах, много водки и два куса ветчины. Вчера устраивали елку в училище. Так

себе. Волшебный фонарь действует, но подбор картин неудачен. «Тарас Бульба» непонятен, длинен и плохо сокращен — женщиной, конечно. «Полтава» непонятна, стихотворные куски выбрали совсем плохо, кроме того и картины плохи. «Много ли человеку земли нужно» всех лучше.

[...] У меня ревматизм в костях, Кикин отморозил ухо, Яков палец, Евсей щеку. Мороз доходил до 35°.

Р. С. Если напишешь мне, вложи в письмо маленький цветок. Счастливец! У Вас тепло и можно купаться. Выкупайся за меня. [...]

[Без подписи].

[8.I. 1907 г.]

[Без начала]

[...] Не пиши мне больше о «Я». Ты меня только сбиваешь с толку. У тебя это «Я» все время сбивается на общественное благо, на мировую душу, на идею справедливости — а в этих границах мое «Я» чувствует себя так же, как прошлогодний клоп, иссохший между двумя досками.

Мое «Я» требует полного расширения всего богатства моих чувств и мыслей, хотя бы самых порочных, жестоких и совершенно непринятых в обществе. «Я» же Каменского заключается в том, что все позволено, и стало быть можно для личного удобства или сочного куса бифштекса опрабить, оклеветать и сморкнуться тайно в чужой платок. Вот две ступеньки градаций разных «Я». Победит первое и победит — кроме крайних случаев — вовсе не во вред, а в пользу человечеству. Но этим не надо задаваться — оно само собою выйдет.

Ну, обнимаю тебя крепко и целую, мой дорогой.

Твой [неразборчиво] А. Куприн.

[1—2.VII. 1907 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич!

[...] В Даниловском прелестно: открытый солнечный ландшафт, веселые рощицы, зеленые поля. Отличный урожай овса

и хороший ржи, также прекрасный картофель и лен. [...]

[29.VIII. 1907 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич, насчет «Изумруда» пустяки. Что твой племянник мне писал, все это я знаю. Но «ногавки» мне пригодятся, а что касается поддужного, то это как какая лошадь любит — спереди, рядом или сбоку. Пусть К. Б. спросит хоть у самого Ф. Кейтона, который на этом деле кобылу съел.

Впрочем, мне интересней, какое впечатление на него произвела лошадиная психология. Спроси его и напиши.

Да приезжай сам пораньше, если только это тебе самому интересно и приятно. А то я боюсь, что ты тратишь время, деньги и здоровье только для меня, и тогда меня угрызает совесть.

[...] Твой А. Куприн.

[26.IX. 1907 г.]

Дорогой Федор Дмитриевич!

Я покончил работу собирания материала для «Суламифи». «Драгоценные камни» ты мне пришлешь. Теперь я сажусь (сейчас) за писание. Хотел бы я сделать эпиграф:

Сильна, как смерть, любовь. Песнь песней.
--

Но сделать это по-еврейски — или древнееврейским шрифтом, или если это неудобно по типографским (хотя можно оделать клише или купить немного шрифта) или иным условиям, то напечатать латинским шрифтом. Я все-таки думаю «Изумруда» отдать в «Мир Божий». Суламифь того... с закальцем.

Я все хожу на охоту, и конечно, все неудачно. Был день, когда обе наши великолепные пончие пропали: одна убежала утром с Василием в Окунево, а другая (Сэмми) отстала от нас вечером в Ястребцево, испугавшись чужих собак. Мы было приуныли, но они вернулись одна за другой, и Сэмми тотчас же украл из кухни телячью ножку. Один верный Пат-

рокл, этот гончий понтер, борзой, легавой породы, неуклонно при нас, и я постоянно люблюсь его белым султаном.

Холодно и дождь. Сад совсем голый — видна церковь.

[...] Много дроздов — не знаю, откуда они взялись.

Скажи, пожалуйста, не у тебя ли те переписанные вещи: Гост, Счастье, Искусство и пр. пр., которые ты привозил? Я их никак не найду.

Напиши, какие новости (только объективно). Видишь ли ты Люлюшу? Что она? Я боюсь, что она не ладит с бонной и опять нервна. С Лизой она ни разу не плакала.

Ну, обнимаю тебя.

А. Куприн.

[8.X. 1907 г.]

Вот за что спасибо, так это за твое длинное, так мило и обстоятельно написанное письмо. О, если бы ты знал, сколькократно (попизм) мне приятнее такие письма всяческих сюрпризов вещественных, от которых я или натираю мозоль, [...], или ругаю тебя втайне такими словами, их же не лепо человеку глаголати.

Вот так фунт! Иезекиила я пропустил. Сегодня же подчитаю. Но на Пылаева ты (или я) напрасно разорился. Я имел в виду его маленькую брошюрку «Драгоценные камни» за 35 к. Правда, она вся вместилась в твою книжищу, правда и то, что я нашел в большом экземпляре кое-что новое (напр., Изумруд — про чашу Соломона), но зачем так разоряться?

С помощью твоих французов я должен написать такую «Суламифь», за которую меня должны были бы выбрать почетным членом французской Академии наук, искусств и изящных надписей. Кстати, пока не поздно, не найдешь ли ты какого-нибудь талмудического еврея, любителя-художника, знатока, со сведениями? Например, Витмер? Кранихфельд? Иорданский? [...] Ах, милый, ты и понятия не имеешь, какие великолепные резные перила из красного дерева были во дворце Соломона и во дворце его жены египтянки Астис, дочери фараона Хиркуза в Милло. А певговое дерево?

А благовонное дерево фарсисское? Офир? Ситтим? А благовония: мирра, ладан, смирна, стакти, нард, киннамон, шафран, алоэ, амбра?

Почетным академиком я быть не прочь. И для академии это было бы выгодно ввиду предыдущих отказов. А что же? После Чехова по языку я один и имею на это право.

Послать теперь тебе заявление на предмет премии считаю преждевременным. Надо торопиться с IV томом. Но М. К. молчит и совсем к этому равнодушна. Жаль, что я не мог просить тебя поторопить ее. Но ведь лучше представить все 4 тома?

Кстати: включить ли «Бред»?

Гржебин мне надоел. Что это в самом деле, купил он меня, что ли? [...] Надоело мне все время думать о его полутора тысячах, пусть подает в сиротский или в какой там суд, кроме третейского.

Зреет у меня большой фельетон. Заглавие «О чуде» — здесь будет Гапон, Шмидт, Хрусталь-Писаревский (?), — революция, Каменский, Стенька Разин, Верховенский, Гаршин (?), Блок, Гофман, Белый — героизм, индивидуализм. Но теперь я уже не могу писать ради того, чтобы опорожниться от мыслей. Надо знать заранее, куда поместить эффектно и выгодно и где не бояться последствий, как в «Руси».

Локоть — это они врут, что $\frac{3}{4}$ аршина. Локоть — да в Библии еще сказано «локоть старой меры» — это приблизительно сажень. На каждый локоть «медного моря» приходилось десять медных литых поддержек в форме огурцов. Очевидно, с промежутками. Кроме того, храм был действительно гигантских размеров, но маленьким был собственно довир — помещение ковчега, так, приблизительно, с церковь Вознесения, что на Мойке. Самый же храм равнялся по величине (если не превосходил) тем храмам в Индии, которые даже на гравюрах вызывают ужас своими размерами.

Напиши непременно, откуда взялись 200 р. Если это твой, немедленно получи деньги за «Изумруда» и вычти.

Обнимаю тебя крепко
Твой А. Куприн.

[29.X. 1907 г.]

Милый, дорогой, серебряный, золотой Федор Дмитриевич!

Ночь. Сегодня в Никифорове праздник и ярмарка. По дороге мимо ворот ползет окарячь наш добрый, милый, наивный, славный русский народ и вопит [...] слова. Ив. Ал. время от времени выходит на крыльцо и палит в воздух с воспитательными целями. Кстати, он купил для наших густопсовых лавераков старого коня и будет его варить.

Суббота. Воскресенье. Нет писем. Без тебя сиротливо. Был сегодня с визитом старый, пьяный, улыбающийся псаломщик. Мы с ним прочитали тропари: святому [неразборчиво] князю Владимиру, архистратигу Михаилу, св. Ал. Невскому, св. Варваре Великомученице [...] и другим. Я его свел с горы и вручил Андрею.

Потом пришли обе les belles psalomstchizzahs. [...]

Жду нетерпеливо твоих известий, как голубя с масличной ветвью.

Но прежде чем что-нибудь решить, пусть-ка храбрый Гржебин пришлет мне сначала остальные 200 р. за «Изумруда», которые он мне давно хотел предложить, но стеснялся. А потом мы подумаем.

[...]

Целую тебя крепко.
Твой А. Куприн.

Лиза кланяется.

Что делать с медвежьей шкурой? Оставить ее здесь или привезти тебе?

[Октябрь 1907 г.]

Дорогой Федик!

Пришли мне ушастую финскую шапку. Размеры моей головы что-то около 94 сантиметров, словом колеблется между 90 и 100.

Дорогой мой, узнай ради бога, но косвенно, о каше, которая заварилась между Арцыбашевым, Буниным, Андреевым, Масленниковым и другими. Тут что-то очень неладно — и я повис в пространстве. Кажется, одни суют мое имя, не спрашивая меня, куда попало, а другие в споре просят моей опоры.

«Суламифь» у меня выходит более двух листов. И сцены в ней таковы, что я должен часто выбегать на улицу раздевшись и глотать снег для охлаждения и приведения себя в нормальное состояние. [...]

(Конец оборван)

[Весна, 1908 (?) г.]

Дорогой Федор Дмитриевич!

Третий день я в Даниловском. Прекрасно! Утром выйдешь из дому, и такая благодать в парке. Сиренью насыщен весь воздух, свежесть, тень, птицы так кричат, что не разберешь: кто, где и как. Цветет жимолость. Дорожки заросли травой, но от этого парк еще прелестнее. Вокруг усадьбы новый деревянный забор. Ну, это немножко режет глаз.

[...] Я всего три дня, и уже окреп телом, и духом, и нервами.

Твой А. Куприн.

Содержание

К читателям.	3
РОМАНОВ А. Коммунисты (Стихи).	5
БЕЛОВ В. Скворцы (Рассказ).	7

У нас в гостях — поэты-земляки

ЯШИН А. Родные слова. После снегопада.	13
ОРЛОВ С. Второй. Сорок лет. Земляк.	14
КУСТОВ П. На берегах реки Шексны. Вологжаңка.	15

*

Вологодский край. Слова А. Романова. Музыка А. Проничева.	16
СУШИНОВ А. Не глубинка, а глубина (Записки журналиста).	17
КВАНИН О. Работа. Никогда (Стихи).	34
РОМАНОВ А. Зимнее утро. Дождь (Стихи).	35
УГЛОВСКИЙ Н. Накипь. (Рассказ).	36
СОРОКИН В. Сожженные черновики. (Стихи).	49
ЧУЛКОВ Б. Ночному городу. Песни военной поры (Стихи).	50
ПОПОВ Н. У зимы характер строгий... (Стихи).	50
КОНИЧЕВ К. Была бы я волшебница... (Очерк)	51
ВИКУЛОВ С. «Ловим щук на блесну...» Песня возвращения. «Весна лучами, как мечами...».	59
ТИХОНОВ И. Березовые ходики. Самый тяжелый день (Рассказы).	60
КОРОТАЕВ В. Осень. «Мы разучились радоваться счастью». «О вера наших матерей...» (Стихи)	65
Вологда строится	66

Будем знакомы

Стихи молодых поэтов

БОГДАНОВ В. Девчонки. В цехе.	70
ГОРЧАКОВ Г. Какие звонкие названия.	71
БЕЛЯЕВ Л. «Моя любимая...»	71
КРУТОВ Г. Юкспорский снег.	71
ГРУЗДЕВА Н. «Ты — коммунист?...»	71
ПАТРАЛОВ Л. Дождь.	72
ЗАВЕРТКИН Ю. «Комнаты увешены...»	72
ПАШОВ В. Стихи о детях (Потоп. Куры. Тень).	72

АНДРЮШАНОВ Б. Памятник на века (<i>Очерк</i>).	73
ВЛАСОВ А. Сон баснописца (<i>Басня</i>).	77

Трибуна жизни

ЛОБЫТОВ М. Если бы каждый болел за общее дело.	78
ЗАДУМКИН Н. О чести хлеборобской	81

*

СУХАРЕВ А. Новоселье. (<i>Стихи</i>).	84
КОРОЛЕВ И., ВАРЮХИЧЕВ А. Штурм на Шексне (<i>Репортаж</i>).	85
ВЛАСОВ А. Березка (<i>Стихи</i>).	92

Рассказы о природе

ПОЛУЯНОВ И. Плакучий барометр. Гамак на сосне. Невидимка в лесу. Бой у обрыва.	93
ГАРНОВСКИЙ В. Дыхание весны. Сморчок-старичок. Зеленые фонарики.	99

*

Хожу по берегу одна. Слова С. Викулова. Музыка А. Кокорина.	101
КИСЕЛЁВА Е. «Столешники» дяди Гиляя.	102
СТОРОЖЕНКО Н. Поэт легендарной конной армии.	110
Стихи Александра Маринова (Рано утром. Гей, по дороге. Пулеметный эскадрон. Рубка).	112
ГРОССМАН В. Острог (<i>Глава из романа</i>).	115
КУЗНЕЦОВ Н. Сосны. (<i>Стихи</i>).	122

*

МАЛКОВ В. Время и книги.	123
----------------------------------	-----

Литературная критика

ПУДОЖГОРСКИЙ В. Рассказы молодых.	128
---	-----

Искусство

ДЬЯКОНИЦЫН Л. Без скидок на «областного» зрителя.	134
---	-----

*

Обо всем понемногу.	139
ОРЛОВ А., БУРКОВ Л. Трудная операция (<i>Записки работников милиции</i>).	141

Коротко о книгах

ГУРА В. «Сыновья любовь».	144
НЕВЕЧЕРИН И. «Песня над рекой».	145
ШОРОХОВ А. «Мы строим коммунизм».	146

Спорт

ВОЛКОВ Н. Племя сильных, ловких и смелых.	147
---	-----

*

ЖЕЛЕЗНЯК В. Авторы двух народных песен.	151
---	-----

Публикации

Письма А. И. Куприна к Ф. Д. Батюшкову из Даниловского.	152
---	-----

60 коп.

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963